

STUDIA RUSYCYSTYCZNE
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
TOM 21

RUSSIAN STUDIES
University of the Jan Kochanowski

Vol. 21

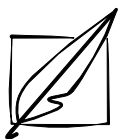
Edited by
Lidia Mazur-Mierzwa

STUDIA RUSYCYSTYCZNE

Uniwersytetu Jana Kochanowskiego

TOM 21

Pod redakcją
Lidii Mazur-Mierzwę

Wydawnictwo
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
Kielce 2013

Kolegium Redakcyjne

prof. dr hab. Eleonora Lassar (Litwa)
prof. dr hab. Aleksiej Głazkow (Rosja)
prof. dr hab. Walentyna Gierasimczuk (Ukraina)
prof. UJK dr hab. Kazimiera Lis (Polska)
prof. UJK dr hab. Oleg Leszczak (Polska)
prof. UJK dr hab. Maria Żurek (Polska)

Recenzenci

prof. dr hab. Franciszek Apanowicz
dr hab. Michał Łabaszczyk, prof. ATH
dr hab. Marek Marszałek, prof. UKW
prof. zw. dr hab. Joanna Mianowska

Redaktor tematyczny

prof. dr hab. Ludmiła Szewczenko

Redaktor językowy

dr Irina Rolak

Korekta

Paulina Warzycha

Formatowanie komputerowe

Józef Bąkowski

Copyright © by Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, Kielce 2013

Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
25–369 Kielce, ul. Żeromskiego 5
tel. 41 349–72–65
tel./fax 41 349–72–69
<http://www.ujk.edu.pl/wyd>
e-mail: wyd@ujk.edu.pl

Spis treści

JĘZYKOZNAWSTWO

Дануте Балшайтите (Вильнюс) Качественная редукция гласных в позиции после твердых согласных в русской речи носителей литовского языка . . .	11
Ингрида Киселюте, Сабина Масойц (Вильнюс) Что угрожает русскому языку?	19
Kazimierz Luciński (Kielce) Гламур и дендизм как стиль жизни в свете современных тенденций культуры	25
Grair Magakian (Kielce) Argumentacja w świetle kontekstu pozajęzykowego (na przykładzie turecko-ormiańskiego rosyjskojęzycznego dyskursu)	31
Мирослава Малоха (Кельце) Языковое и этнокультурное воплощение понятия <i>внебрачный ребенок</i> в системе вегетативной символики	39
Katarzyna Nobis-Wlazło (Kielce) Прагматика использования лексических единиц со значением количественности в рекламном дискурсе	45
Оксана Просяник (Харьков) Подходы к лингвистическому исследованию (согласно «новому» Фердинанду де Соссюру)	53
Елена Борисовна Трофимова (Бийск) Языковой антропоцентризм и системоцентризм: проблемное поле исследования	59
Barbara Wileńska (Kielce) Методологические аспекты классификации лексических единиц как частей речи	67

LITERATUROZNAWSTWO

Ольга Беличенко (Славянск) Литература и литературоцентризм в условиях формирования социально-коммуникативного пространства	79
Нина Беляева (Киев) Жанровые контексты авторефлексивной нелинейности: «Поп-арт роман» Олега Сивуна <i>Brand</i>	87
Joanna Nowakowska-Ozdoba (Kielce) Motywy demonologiczne w małej prozie romantyków rosyjskich	97
Елена Подденежная (Киев) Культурные ориентиры в русской эмигрантской эссеистике III волны	107
Ludmiła Szewczenko (Kielce) Сакральное и профанное в романе Павла Крусанова <i>Мертвый язык</i>	113

Contents

LINGUISTICS

Danute Balszajtite (Vilnius) Qualitative reduction of Russian vowels in postposition after hard consonants in articulation of Lithuanian native speakers	11
Ingrida Kiseliute, Sabina Masojc (Vilnius) What threatens the Russian language? . . .	19
Kazimierz Luciński (Kielce) Glamour and dandyism as a way of life in the light of modern trends in culture	25
Grair Magakian (Kielce) Argumentation in the extra-lingual context (on the basis of the Turkish-Armenian Russian-speaking discourse)	31
Mirosława Małocha (Kielce) Linguistic and ethnocultural embodiment of the image of an illegitimate child in the system of vegetative symbols	39
Katarzyna Nobis-Wlazole (Kielce) The pragmatics of use of the lexical units with quantitative meaning in advertising discourse	45
Oksana Proszianik (Kharkiv) The approaches to the linguistic research (according to "new" Ferdinand de Saussure)	53
Elena Trofimova (Bielsk) Linguistic anthropocentrism and systemism: the field of research	59
Barbara Wileńska (Kielce) Methodological aspects of classification of lexical units as parts of speech	67

LITERATURE STUDIES

Olga Belichenko (Sloviansk) Literature and literature-centrism in the condition by the formation social-communication space	79
Nina Belyayeva (Kiev) Genre contexts of autoreflective non-linearity: Oleg Sivun's "pop-art novel" <i>Brand</i>	87
Joanna Nowakowska-Ozdoba (Kielce) The demonological motifs in the prose of Russian romantic writers	97
Elena Poddenezhnaya (Kiev) The cultural directions in Russian emigrant essays by III wave	107
Ludmila Shevchenko (Kielce) Sacred and profane in <i>The Dead Language</i> , a novel by Pavel Krusanov	113

JĘZYKOZNAWSTWO

Дануте Балишайтите
Вильнюс

Качественная редукция гласных в позиции после твердых согласных в русской речи носителей литовского языка

Изучение фонетической интерференции, являющейся результатом взаимовлияния звуковых систем двух языков (родного и изучаемого), является исключительно важным как для решения практических задач обучения иностранцев нормативному русскому произношению, так и для развития общей теории интерференции¹.

У. Вайнрайх определяет интерференцию как – «[...] случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта»².

Необходимость исследования русской речи литовцев обусловлена в первую очередь чисто прикладными задачами обучения нормативному русскому произношению литовских студентов – будущих специалистов по русскому языку. В настоящее время в Литве русский язык в школах с литовским языком обучения изучается как второй иностранный с 7 по 12 класс по два часа в неделю. Естественно, что после окончания школы в русской речи литовцев проявляются отклонения от норм русского литератур-

¹ Н. А. Любимова, *Еще раз о фонетической интерференции и промежуточной системе*, в: *100 лет экспериментальной фонетики в России*, Санкт-Петербург 2001, с. 124-126; Н. А. Любимова, *Стратификация фонологических противоположений в условиях национально-русской интерференции*, в: *Мир русского слова и русское слово в мире*, София 2007, с. 113-118; В. де Сильва, *Количественная редукция звуков в русской речи финнов*, в: *Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований*, Санкт-Петербург 2002, с. 256-261; К. Гор, *о взаимодействии фонологического и морфологического уровней в речевой деятельности на родном и неродном языке*, в: *Проблемы и методы*, с. 247-255; Л. А. Вербицкая, *Фонетическая интерференция русского и балтийских языков*, в: *Теоретические проблемы языкознания: к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского университета*, Санкт-Петербург 2004, с. 318-333; Н. В. Богданова, Г. С. Шахотина, *Восприятие как область межъязыковой фонетической интерференции (на материале опознания японцами русских бифонемных консонансов)*, в: *...слово отзовется*, Пермь 2006, с. 232-240; Е. Лашгари, *Проблема словесного ударения в связи с изучением иранскими студентами русского языка как иностранного*, в: *Мир русского слова и русское слово в мире*, София 2007, с. 100-102; Т. Лыпкань, *Нарушения русских вокалических сочетаний на стыке слов в речи корейцев*, в: *Мир русского слова*, с. 109-112.

² У. Вайнрайх, *Языковые контакты*, Ленинград 1979, с. 22.

ного языка, обусловленные прежде всего интерферирующим влиянием родного языка.

К основным лингвистическим факторам, обуславливающим интерферирующее влияния системы родного (первичного) языка на неродной (изучаемый или изученный), следует отнести различия в фонологических и фонетических системах русского и литовского языков. По мнению Л. А. Вербицкой, взаимовлияние систем двух языков на звуковом уровне зависит, в первую очередь, от количества фонем, от набора дифференциальных признаков в отдельных фонемах, а также от реализаций основных аллофонов и закономерностей варьирования фонем в потоке речи³.

Вокалические системы современных литературных русского и литовского языков, несмотря на близкое генетическое родство, обнаруживают значительные различия. Количественное различие вокализма двух языков (в литовском языке насчитывается 11 монофтонгов: /i:/, /e:/, /i/, /ε/, /æ:/, /a:/, /a/, /ɔ/, /o:/, /u/, /u:/⁴, в русском – 6 гласных фонем: /i/, /e/, /ы/, /a/, /o/, /u/⁵) определяется наличием в системе литовского языка 5 пар гласных, противопоставленных по долготе-краткости, и отсутствием такого противопоставления в русском языке. Система гласных русского языка укладывается в систему литовского языка, однако в вокалической системе литовского языка отсутствует гласный /ы/. Кроме того, для систем русского и литовского языков характерны артикуляционные различия основных аллофонов ударных гласных⁶.

Для безударного вокализма обоих языков характерны количественная и качественная редукция. Безударные русские и литовские (долгие и краткие) гласные короче соответствующих ударных гласных⁷.

Необходимо отметить, что литовские гласные и в безударном положении сохраняют различие по долготе: безударные долгие обладают большей длительностью, чем соответствующие безударные краткие гласные, что обуславливает наличие в фонетической системе литовского языка большого количества различающихся по длительности аллофонов гласных фонем (долгих ударных, долгих безударных, кратких ударных и кратких безударных)⁸. В отличие от гласных русского языка, сокращение длительности которых в безударных слогах приводит к значительным изменениям их качества⁹, литовские безударные гласные качественно редуцируются очень слабо¹⁰. В ударных и безударных слогах литовского языка реализуются те же фонемы¹¹, т. е. в ударных и безударных слогах возможны все литовские гласные. В русском литературном языке под ударением различаются 6 фонем: /i/, /e/, /ы/, /a/, /o/, /u/, без ударения – 4: /i/, /ы/, /u/,

³ Л. А. Вербицкая, *Фонетическая интерференция*, с. 320.

⁴ A. Girdenis, *Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai*, Vilnius 2003.

⁵ Л. В. Бондарко, *Звуковой строй современного русского языка*, Москва 1977.

⁶ *Грамматика литовского языка*, Вильнюс 1985.

⁷ Л. В. Бондарко, *Звуковой строй*; Л. А. Вербицкая, *Давайте говорить правильно*, Москва 2003; *Грамматика литовского языка*; L. Kaukėnienė, *Vocalism of unstressed syllables in the contemporary standard Baltic languages: Summary of Doctoral Dissertation*, Kaunas 2004.

⁸ L. Kaukėnienė, *Vocalism of unstressed syllables*, с. 20.

⁹ М. И. Матусевич, *Современный русский язык. Фонетика*, Москва 1976; Л. В. Бондарко, *Звуковой строй*.

¹⁰ L. Kaukėnienė, *Vocalism of unstressed syllables*.

¹¹ L. Kaukėnienė, *Lietuvių bendrinės kalbos nekirciuotų balsių spektrai*, в: *Kalbotyra*, t. 1(51), Vilnius 2002, с. 41-58; L. Kaukėnienė, *Vocalism of unstressed syllables*.

/a/¹². В литовском литературном языке, таким образом, отсутствуют характерные для русского литературного языка чередования /o/ // /a/ после твердых согласных и /e/ // /i/, /a/ // /i/ после мягких. Качественная редукция гласных в русском и литовском языках проявляется по-разному. Так, в русском языке «для гласных /и/, /ы/, /у/ основным различием между ударными и безударными является различие в длительности, качественные изменения этих безударных гласных по сравнению с ударными нерегулярны и слабо выражены»¹³; в литовском языке в наименьшей степени качественно редуцируется краткий /u/¹⁴. В обоих языках наименее устойчивыми в безударных позициях после твердых согласных являются гласные нижнего подъема – а русского языка¹⁵ и /a:/ – литовского языка¹⁶. Однако для русского а характерно наличие разных степеней количественной и качественной редукции: «гласный /а/ в позиции после твердых согласных по сравнению с другими гласными менее устойчив: безударный /а/ отличается от ударного не только длительностью, но и качеством: в 1-ом предударном слоге – более краткий, с более высоким положением языка (более закрытый), во втором предударном еще более краткий, несколько более закрытый по сравнению с гласным 1-го»¹⁷. Еще одно различие состоит в том, что в русском языке любой заударный гласный редуцируется сильнее, чем любой предударный¹⁸, тогда как в литовском языке краткие гласные редуцируются сильнее в заударных слогах, долгие – в предударных¹⁹.

Все эти различия позволяют предположить наличие отклонений от русской литературной произносительной нормы в речи литовцев, изучающих русский язык как иностранный.

Целью спектрального анализа является определение акустических характеристик (формантной структуры) русских ударных и безударных гласных в позиции после твердых согласных в произношении носителей литовского языка и выявление отклонений от произносительной нормы русского языка, обусловленных взаимовлиянием звуковых систем русского и литовского языков.

Материалом для исследования послужили трех- и четырехсложные слова русского языка (по 10 слов для каждой позиции), содержащие гласные е, ы, а, о, у²⁰ в слогах типа CV в следующих позициях: в первом ударном, в первом предударном, во втором предударном и в первом неконечном заударном слогах. Изолированные слова были начитаны тремя дикторами в среднем темпе с назывной интонацией и с небольшими паузами.

¹² М. И. Матусевич, *Современный русский язык*; Л. В. Бондарко, *Звуковой строй*; Л. А. Вербицкая, *Давайте говорить правильно*, Москва 2003.

¹³ Л. А. Вербицкая, *Давайте говорить правильно*, с. 74.

¹⁴ L. Kaukėnienė, *Lietuvių bendrinės*, с. 41-58; L. Kaukėnienė, *Vocalism of unstressed syllables*, Kaunas 2004.

¹⁵ Л. А. Вербицкая, *Давайте говорить правильно*, с. 73.

¹⁶ L. Kaukėnienė, *Lietuvių bendrinės*, с. 58.

¹⁷ Л. А. Вербицкая, *Давайте говорить правильно*, с. 73-74; Л. В. Бондарко, *Звуковой строй*, с. 111, 156.

¹⁸ Л. В. Бондарко, *Звуковой строй*, с. 156.

¹⁹ L. Kaukėnienė, *Lietuvių bendrinės*, с. 58.

²⁰ Здесь и далее знаки е, ы, а, о, у соответствуют ударным и безударным звукам, в графике обозначаемым буквами «е», «ы», «а», «о» и «у».

В качестве дикторов выступили студенты 1 курса специальности Русский и английский языки Института иностранных языков Вильнюсского университета, носители литовского языка (мужские голоса). Все дикторы окончили литовскую среднюю школу в Вильнюсе, русский язык как второй иностранный в школе изучали с 7 класса.

В результате спектрального анализа определены следующие акустические параметры русских гласных:

- среднее значение частоты (в Гц) первой форманты (F1);
- среднее значение частоты (в Гц) второй форманты (F2).

Усредненные данные о формантной структуре исследуемых гласных представлены в таблице.

Таблица. Частотные значения (в Гц) F1 и F2 русских ударных и безударных гласных в произношении носителей литовского языка²¹

Гласный	э		ы		а		о		у	
Слог	F1	F2	F1	F2	F1	F2	F1	F2	F1	F2
Ударный	500	1570	440	1820	690	1390	530	880	310	920
Первый предударный	410	1630	410	1670	500	1360	460	880	370	1280
Второй предударный	410	1380	430	1690	520	1480	450	980	340	1140
Заударный	430	1400	440	1460	550	1480	550	1140	370	1160

Согласно полученным данным все анализируемые гласные во всех безударных слогах по формантной структуре отличаются от соответствующих ударных. Однако в произношении носителей литовского языка русские безударные гласные качественно редуцируются иначе, чем в нормативном русском произношении (см. табл. и рис.).

Прежде всего следует отметить, что в произношении дикторов-литовцев в позиции после твердых согласных в безударных позициях различаются четыре гласные: *ы*, *у*, *а* и *о*, тогда как в нормативном русском произношении могут быть только 3 фонемы /а/, /ы/, /у/²².

Качественное изменение в безударных слогах гласных на месте графических «а» и «о» в произношении литовцев заслуживает особого внимания. Как отмечалось выше, в нормативном русском произношении отсутствует чередование /а/ // /о/ в безударных слогах на месте графических *а* и *о*²³. Согласно полученным данным, в произношении литовцев безударные «а» и «о» значительно различаются по формантной структуре, ни один аллофон на месте графического «о» не совпадает с безударными аллофонами *а*. В произношении дикторов-литовцев русский безударный *о* в наибольшей степени редуцируется в позиции заударного слога, приближаясь в акустическом пространстве к безударным аллофонам *а*. В обоих предударных слогах *о* произносится как несколько

²¹ В статье использованы данные курсовых работ студентов специальности «Английский и русский языки» А. Жукаускайте, В. Прибыльской, Д. Демченко, Д. Дудкиной, В. Кодзиса, выполненных под руководством автора.

²² Л. В. Бондарко, *Звуковой строй*, с. 111; Л. А. Вербицкая, *Давайте говорить правильно*, с. 73.

²³ Л. А. Вербицкая, *Давайте говорить правильно*, с. 73-74.

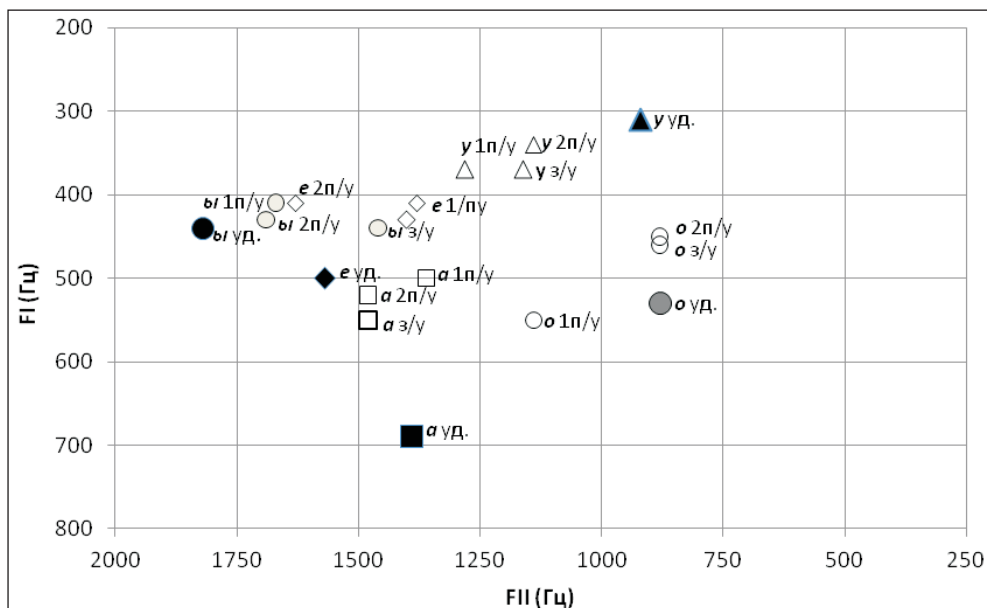

Рис. Диаграмма русских ударных и безударных гласных в произношении носителей литовского языка в координатах частот F1 и F2.

более закрытый гласный (см. рис.). Следовательно, в русской речи литовцев гласный на месте графического «о» редуцируется недостаточно. Л. В. Вербицкая на основе данных слухового анализа отмечает, что при чтении русского текста литовцами сохранение безударного *о* является наиболее частым (приблизительно в 50% случаев) нарушением орфоэпической нормы²⁴. По всей вероятности, недостаточная редукция русского *о* определяется влиянием написания и влиянием звуковой системы литовского языка: и долгий /о:/, и краткий /ɔ/ литовского языка характеризуются незначительной качественной редукцией в безударной позиции²⁵.

Для гласного *а*, в русской речи литовцев изменяющегося в безударном положении значительно сильнее остальных гласных, наибольшая степень редукции характерна в первом предударном слоге, в котором *а* произносится как более закрытый гласный, наименьшая – в позиции заударного слога; второй предударный аллофон *а* занимает среднее положение и по формантной структуре близок к аллофону *а* заударного слога. Такое качественное изменение *а* отличается от редукции *а* в нормативном произношении: в позиции после твердых согласных русского языка первый предударный *а* – более закрытый по сравнению с ударным гласным, второй предударный – более закрытый, чем первый предударный; в заударном слоге качество гласного изменяется

²⁴ Л. А. Вербицкая, *Фонетическая интерференция русского и балтийских языков*, в: *Теоретические проблемы языкознания: к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского университета*, Санкт-Петербург 2004, с. 325.

²⁵ L. Kaukėnienė, *Vocalism of unstressed syllables*.

еще больше²⁶. Таким образом, в произношении литовцев нарушается характерное для русского языка соотношение качественных параметров аллофонов гласного *a* в первом предударном, втором предударном и заударном слогах. Как уже отмечалось, по данным Л. Каукениене в литовском языке наибольшей качественной редукции подвергаются безударные долгие гласные нижнего подъема /a:/, /æ:/²⁷.

Данные проведенного спектрального анализа свидетельствуют о качественном изменении гласного *e* в позиции после твердых согласных, который в безударном положении приближается к безударным аллофонам *ы*. В позиции первого предударного слога *e* по формантной структуре почти совпадает с *ы* обоих предударных слогов, в позиции второго предударного и заударного слогов – с заударным *ы*.

К особенностям качественного изменения русских гласных в реализации носителями литовского языка следует отнести произношение более закрытых безударных *e* и *ы* сравнительно с соответствующими ударными. В нормативном русском произношении безударные гласные верхнего подъема характеризуются «меньшей закрытостью, чем ударные, имеют более высокую частоту F1»²⁸, все редуцированные гласные характеризуются смещением артикуляции к центру сравнительно с ударными²⁹. В русской речи литовца *ы* и *e* во всех безударных слогах и *o* в предударных слогах в акустическом пространстве смещаются в противоположном от центра направлении – в область более низких частот (см. рис.). Примечательно, что предударные аллофоны кратких гласных /u/ и /ɔ/ литовского языка также смещены в противоположную от центра сторону³⁰.

В отличие от русского *y* в нормативном произношении, который подвергается редукции в наименьшей степени³¹, *y* в произношении носителей литовского языка в безударном положении испытывает значительные изменения формантной структуры, смещаясь к центру акустического треугольника. В первом предударном слоге *y* редуцируется несколько сильнее, чем во втором предударном и заударном слогах. Сильное качественное изменение безударного *y* в произношении дикторов-литовцев можно объяснить влиянием фонетической системы литовского языка, в котором качество долгого /u:/ в безударных позициях существенно изменяется³².

В произношении дикторов-литовцев гласные разного качества в зависимости от положения по отношению к ударению редуцируются по-разному: наиболее сильной редукции гласные *ы* и *o* подвергаются в заударном, гласные *a* и *y* – в первом предударном, гласный *e* – во втором предударном слоге. Для звуковой системы литературного русского языка наиболее сильная редукция гласных характерна в заударных слогах: «в русском слове есть противопоставление любого предударного заударному, а для гласного *a* есть еще и различие первого и второго предударного слога»³³. Более значи-

²⁶ Л. В. Бондарко, *Звуковой строй*, с. 111, 156; Л. А. Вербицкая, *Давайте говорить правильно*, с. 73-74.

²⁷ L. Kaukėnienė, *Lietuvių bendrinės*, с. 58.

²⁸ Л. В. Бондарко, *Звуковой строй*, с. 111.

²⁹ С. В. Князев, С. К., Пожарицкая, *Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Орфография*, в: http://albooking.net/book_181.html [режим доступа: 12.08.2011].

³⁰ L. Kaukėnienė, *Lietuvių bendrinės*, с. 58, рис. 7.

³¹ М. И. Матусевич, *Современный русский язык. Фонетика*, Москва 1976, с. 99.

³² L. Kaukėnienė, *Vocalism of unstressed syllables*; L. Kaukėnienė, *Lietuvių bendrinės*, с. 50.

³³ Л. В. Бондарко, *Звуковой строй*, с. 156.

тельное изменение качества исследуемых гласных *а, е, у* в предударных слогах и *ы, о* – в предударных можно объяснить влиянием фонетической системы литовского языка, в котором, как отмечалось выше, краткие гласные в большей степени редуцируются в заударных слогах, долгие – в предударных³⁴.

В результате проведенного акустического исследования качественных изменений безударных гласных заднего ряда после твердых согласных в русской речи литовцев выявлены следующие отклонения от орфоэпических и орфофонических норм русского литературного языка:

- недостаточная редукция гласного на месте орфографического «о»;
- сильная качественная редукция гласного *у*;
- большая редукция гласных *ы, а* и *у* в предударных слогах, чем в безударных, свидетельствующая о нарушении противопоставления любого заударного любому предударному слогу в русском слове;
- отсутствие характерных для нормативного русского произношения степеней редукции гласного *а*;
- реализация более закрытых по сравнению с соответствующими ударными гласными безударных *ы* и *е*.

Перечисленные особенности безударных гласных в русской речи литовцев, обусловленные взаимовлиянием звуковых систем русского и литовского языков, необходимо учитывать для постановки нормативного русского произношения у носителей литовского языка.

Danute Balszajtite (Vilnius)

Qualitative reduction of Russian vowels in postposition after hard consonants in articulation of Lithuanian native speakers

S u m m a r y

The paper aims at analysis of acoustic parameters (frequency values of the second and third formants) of the stressed and unstressed Russian vowels “e”, “ы”, “a”, “o”, “y” positioned after hard consonants pronounced by Lithuanian native speakers. The results obtained by spectral analysis allow us to show the deviations from the Russian pronunciation standard in speech pre-determined for Lithuanians by interaction of the phonetic systems of the two languages under study. The following peculiarities of qualitative reduction of unstressed vowels “e”, “ы”, “a”, “o”, “y” in utterances were ascertained for native speakers of Russian in Lithuania: insufficient reduction of a vowel in position of the orthographic “o”; strong qualitative reduction of vowel “y”; greater reduction of “ы”, “a”, and “y” in pre-stressed syllables than in unstressed ones that shows the transgression between any post-stressed and pre-stressed syllables in a Russian word (relaxed pronunciation); the lack of reduction stages for the vowel “a” characteristic to the Rus-

³⁴ L. Kaukėnienė, *Lietuvių bendrinės*, с. 58.

sian language; realization of the unstressed “ы” and “е” closer in comparison to the corresponding stressed vowels.

Key words: phonetic interference, formant structure, qualitative reduction, standard pronunciation.

Ингрида Киселюте, Сабина Масойц
Вильнюс

Что угрожает русскому языку?

В свете проходящей в России «дискуссии» между газетой «Московский комсомолец» и фракцией «Единая Россия» по поводу статьи-фельетона под названием «Политическая проституция меняет пол¹» (о женщинах-политиках, принадлежащих к «единороссам») читатель может задуматься не только о причинах конфликта (можно ли так нападать на женщин-политиков), но и о языке во время этой дискуссии. Как известно, депутат от «Единой России» А. Исаев упомянул о «мерзком, подлом, грязном наезде на трех женщин-депутатов в желтой газетенке», а затем успокоил членов редакции «желтой газетенки»: «мелкие твари могут расслабиться». Выступление Исаева заставляет лингвистов задуматься не столько о политическом аспекте дискуссии, сколько о том, не несет ли опасности для «культурной идентификации» носителей русского языка тот способ выражения мысли, который представлен депутатом. И здесь хотелось бы обратиться к дискуссиям последних лет о состоянии русского языка – гибнет ли русский язык под нашествием иноязычных слов, стимулирующих переидентификацию носителей русского языка (они перестают быть русскими), или русский язык «вынесет все»? Нам думается, что носителю русского языка угрожает в большей степени скудость мысли и неспособность к логической аргументации, если он будет, по образцу депутата Исаева, использовать не умение опровергать логически сделанные оппонентами обвинения, а только брань в их адрес. Прием навешивания ярлыков, эмоциональный отпор вместо логической аргументации, хорошо известен по сталинистскому и постсталинистскому периоду существования русского политического дискурса – адресаты такого дискурса, воспитываясь на соответствующих образцах, отучались от альтернативных способов выражения, и, в конечном счете, не только от умения выражать мысль, но от умения мыслить самостоятельно вообще.

Цель нашей статьи – показать как говорят представители научного мира, лингвисты, участвуя в дискуссиях по злободневному вопросу. Мы обращаемся к материалу прошедших лет, однако он представляется нам актуальным в свете вопроса о том, что

¹ Г. Янс, *Политическая проституция меняет пол*, «In Московский Комсомолец» № 26187 от 16 марта 2013 г.

портит русский язык сегодня. Итак, мы рассмотрим высказывания о состоянии русского языка двух лингвистов – Ирины Левонтиной и Татьяны Мироновой, которые приведены ниже.

Можно сказать, что лингвистов XXI века можно разделить на 2 группы: одна из них не видит большой угрозы для языка, если в нем появляются слова иностранного происхождения, другая же группа – напротив, видит во «вторжении» иноязычных слов угрозу национальной безопасности. Интересно, как ученые говорят об этом. Вкратце изложим позиции обеих сторон.

Резкими изменениями в лексике забочены многие. Ирина Левонтина объясняет это тем, что в период, «когда окружающая действительность стремительно меняется, язык именно в силу своей стабильности остается *один поддержкой и опорой*, позволяет сохранять собственную идентичность и культурную преемственность. Поэтому, когда еще и он оказывается переменчивым и пугающе незнакомым, люди нередко воспринимают это как утрату последнего прибежища и окончательный крах»². Вместе с тем Левонтина в своей работе «Шум словаря» утверждает, что оснований для таких панических настроений нет. Язык – организм очень живой и живучий. Он чрезвычайно чувствителен и восприимчив, и ему совсем непросто что-либо навязать. Отметим спокойный тон Левонтиной и попытку увидеть причину описываемых явлений.

Однако не все лингвисты разделяют точку зрения Левонтиной и говорят на ее языке.

Татьяна Миронова в статье «Русский язык и национальная безопасность» пишет о важности сохранения русского языка в его неизменном виде: «Язык – прежде всего народообразующий стержень, который соединяет нацию воедино. Язык связывает настоящее народа с его историческим прошлым и веком грядущим. От своих предков мы отличаемся привычками, обиходом, одеждой и ученостью, а наши потомки, очевидно, не будут похожи этим на нас, но все мы, русские, говорили, говорим и будем говорить одним языком, а значит, во все времена мы одинаково мыслим, одинаково чувствуем, одинаково веруем! Язык – вот связующая нить между русскими людьми прошедших и будущих времен. Изуродуйте язык, исказите его, уничтожьте его национальное самостояние сегодня, и мы не узнаем себя ни в наших предках вчера, ни в наших потомках завтра; утратив прошлое, не обретем будущего, перестанем существовать как нация русских»³.

Таким образом, по словам Мироновой, изменения в языке могут оказаться губительными для русского народа, и сохранение русского языка есть основа безопасности русской нации.

Опасность, по мнению Мироновой, заключается в чужеземном вторжении иноязычия в пространство русского языка. Исследовательница пишет, что «оккупация иноязычия час от часу нарастает. Вслед за *менталитетами, консенсусами, презентациями* набежали полчища *памперсов, перформансов, дилеров, грантов* и прочих языковых проходимцев. а чтобы население лучше и быстрее усваивало новоречие, огромными тиражами выпускаются толковые словари и энциклопедии»⁴. Миронова считает, что

² И. Левонтина, *Шум словаря*, <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/le12.html> [режим гоступа: 20.03.2010].

³ Т. Миронова, *Русский язык и национальная безопасность*, <http://orel-zalp.narod.ru/zalp7/gvardia.htm> [режим гоступа: 15.03.2013].

⁴ Там же.

в иноязычии начисто отсутствует народная историческая память, в нём нет природной русской красоты, на которую отзывается приветным чувством русская душа, и потому «иноязычие, осуществляющее программу выжигания души, легко воспитывает безнациональных общечеловеков, годных для нужного властям голосования» (там же). Позиция знакомая тем, кто задумывается о путях России – идти в Европу, или идти своим изолированным от мира путем? Автор называет иноязычные слова «языковыми проходимцами», сразу же возбуждая негативное отношение к ним и приписывая им роль фактора выжигания национальной души. Эти высказывания могут напугать непросвещенного читателя, а просвещенному – показаться симптомом языковой (и не только) истерии. Разумеется, дискуссия о роли иноязычных слов восходит к 18 веку, к шишковистам и карамзинистам, но отрицательное отношение к заимствованиям здесь приобретает политическую окраску – автор готов обвинить тех, кто использует иноязычные слова, в намеренном нанесении вреда русской идентичности.

Нельзя не согласиться с тем, что впитывание иноязычных слов несколько изменяет картину мира носителей другого языка, так как приоткрывает им другие стороны действительности, разрывает круг, о котором говорил еще Гумбольдт: «И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка»⁵. Вместе с тем нельзя не напомнить лингвисту Т. Мироновой, что современные носители русского языка говорят уже не на том древнерусском языке, что их предки в 14 веке, так что изменчивость языка – вещь естественная и непреложная.

Как же говорят оппоненты Мироновой? В статье «Шум словаря» И. Левонтина приводит примеры слов, которые в полной мере мы уже можем называть русскими и объясняет их происхождение и приобретенный смысл. По мнению Левонтины, если слово прижилось в языке, значит, оно и должно существовать, «а если нет потребности в такой оболочке – как новое слово ни насаждай, язык его либо отторгнет, либо переосмыслит и вложит в него то содержание, которое ему нужно»⁶. Приводимые автором примеры раскрывают суть появления новых слов в русском языке: эквивалент можно найти, но слово может оказаться уже занятым другим значением. Рассматривая словосочетание *великий вызов*, автор обращает внимание на то, что слова *вызов* до недавнего времени в русском языке не было. Это слово имеет более широкое значение и тем отличается от английского *challenge* с достаточно точным значением – «человек берется за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя. Восхитительна эмоциональная тональность этого слова: оно выражает эдакий веселый азарт и вкус к жизни». Левонтина показывает русский вариант *challenge* – *слабо*, который не совпадает с английским словом по своему значению. В русском *слабо* нет целенаправленности в действиях, точнее, у русского оно может быть совершенно нелепым: «он немедленно прыгает с крыши, выпивает бутылку водки, стоя на подоконнике, и т. п.». Таким образом, автор раскрывает суть появления новых слов – появляется новое видение жизни, которое до определенного времени не было названо, а потому и не было осознано. Подобной позиции придержи-

⁵ В. Гумбольдт, *Избранные труды по языкознанию*, Москва, 1980, с. 80.

⁶ И. Левонтина, *Шум словаря*, <http://magazines.russ.ru/znania/2006/8/le12.html> [режим гоступа: 15.03.2013].

вается и Кронгауз в своей статье «Язык мой – враг мой» он пишет, что «любое новое заимствование несет какую-то особую ауру и потому практически никогда не является полным аналогом уже существующих слов. Так, *модель* – это больше, чем *манекеница*, а стилист – больше, чем *парикмахер*»⁷.

Автор же другой статьи, «из другого лагеря», не без агитационной риторики осуждает всех россиян за употребление нерусских слов, начиная с госслужащих, которые «по-обезьяньи копируют с американского шаблона», и, заканчивая «телекомментаторами и комментаторшами»⁸. Миронова позволяет себе высказываться в антисемитских тонах («Русское радио» прямо заявляет, что оно «гусское» только потому, что «вещает на гусском языке»). Автор использует метафорику, близкую метафорам нацистского дискурса: «развращение русского языка поражает физическое здоровье нации», «демократы всех шерстей, [...] [...], кинулись грызть, с остервенением рвать ненавистное им наше святое имя»).

Кажется странным высказанная автором позиция, что язык, который используют люди, живущие в России, можно назвать «русиш – агрессивным языковым мутантом», но никак не русским языком. Кто же эти существа, говорящие на русиш? Миронова, не стесняясь, подчеркивает разницу между русским и россиянином⁹, видя в первых людей, обиженных тем, что у них отняли имя «русский».

Т. Миронова не ограничивается неприятием иноязычных слов, нападая вполне справедливо, на засилье блатного жаргона. Но как это делается? «Напитавшись ими [жаргонизмами – прим. авт.] от низкопробных ежедневных теледетективов, а больше от ежечасной мельтешни приклатенных телекомментаторов и комментаторш, начинаем вслед за ними использовать в обыденной домашней и служебной речи завшивленные, пропитанные вонючим запахом нар, грубые и отвратительные, как плевики, слова, которые и словами-то нельзя назвать: *мент*, *крутой*, *крыша*, *лох*, *завязал*, *заложил*, *подставил*... Приучаем своих детей к лагерному языку, будто растим их для тюрем и лагерей». Удивительным образом стилистика Мироновой напоминает депутата Исаева – не только экспрессией, но унижением всех, кто другой.

Так, нам бы хотелось уточнить, что же сегодня представляет опасность для русского языка – для мысли, выражаемой носителями русского языка, – толерантное отношение к заимствованиям, или экспрессия публичных выступлений научного и политического истеблишмента? Как сказал Мишель Фуко, «язык – это не внешнее проявление мысли, но сама мысль»¹⁰. Пока высказывание будет опираться на цепь эмоционально-экспрессивных выражений, пока оно не будет соотноситься с фактами, оно не станет мыслью, а соответственно, будет нести такой же заряд отупления, как и пришедшие с лагерных нар «крутые лохи».

⁷ М. Кронгауз, *Языкомой – врагомой?*, <http://www.philology.ru/linguistics2/krongauz-02.htm> [режим гоступа: 15.03.2013].

⁸ Т. Миронова, *Русский язык*.

⁹ «В то же время у действительно русских их национальное имя отнимают или искажают его, так являются в прессе и эфире абсурдные фигуры: «татарстанец Иванов», «башкортостанец Петров», «карелец Сидоров», а все они, вместе взятые, именуются «россияне», будто подкидыши изникуму не ведомого племени».

¹⁰ М. Фуко, *Слова и вещи*, <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt> [режим гоступа: 15.03.2013].

Ingrida Kiseliute, Sabina Masojc (Vilnius)

What threatens the Russian language?

S u m m a r y

The paper focuses on the two main tendencies that are observed nowadays in the Russian public discourse. The first trend in the development of the Russian language facilitates the process of borrowing of new lexical units and their further assimilation in the target language along with substantial change in meaning of these loanwords. The second one “condemns” the native speakers for using foreign words. The paper aims at analysis of these tendencies and their influence on the Russian language.

Key words: borrowing, the Russian language, influence of the mass media.

Kazimierz Luciński

Kielce

Гламур и дендизм как стиль жизни в свете современных тенденций культуры

И лингвисты, и нелингвисты согласятся с тем, что вопрос английских заимствований в русском языке, как и в польском, – вопрос важный и непростой. Действительно, одной из самых актуальных проблем современной русистики и полонистики является анализ английских заимствований, их семантики, судьбы в языке и речи, с обязательным привлечением широкого культурно-исторического фона, параметров соответствующих культурных и языковых картин мира, вплоть до особенностей национального характера и острозлободневных политических тенденций, которые обуславливают те или иные реакции на соответствующие слова.

Настоящая статья бросает свет на судьбу двух заимствованных слов: гламур и дендизм в русском и польском языках.

Особая роль принадлежит здесь глянцевым журналам, которые, создавая культ потребления, формируют общественный вкус, в частности, приобщая читателей к «гламуру». *Гламур* – магическое обаяние, шарм, внешний блеск (от англ. *glamour*). Слово это, кстати, в весьма впечатляющем по объему и точности описания словаре Е. Бральчика отсутствует, но часто выступает на электронных страницах Интернета и Рунета в разных контекстах и стало в русском и польском языках маркой, стилем, ориентиром жизни тех, кто хочет выглядеть богатым и успешным, то есть достигшим жизненного успеха. Гламур имеет несколько толкований в разных языках, но в общем и целом все они сводятся к одному: гламур есть нечто очаровательное, привлекательное, красивое. Быть гламурным – значит быть эстетом, умеющим отличать элегантность от вульгарности, изящество от вычурности.

Гламурный человек – это человек, родившийся в роскоши, привыкший к богатству, ко всему красивому, стильному, дорогому. Гламур – это не только красота и очарование, заложенное природой, это еще и стиль жизни.

Высокая частота употребления заимствованных интенсификаторов качества в разных типах текстов (от рекламных до разговорных) позволяет говорить об особом интересе современного носителя русской и польской лингвокультур к внешней стороне явлений, регулируемых такими понятиями, как мода, гламур, его желанием принадлежать к особой касте имущих, быть обладателем эксклюзива. Гламур неразрывно связан

с праздным, сибаритским образом жизни: это образ скучающего денди, пресытившегося жизненными благами, и образ роковой красавицы, шлейф духов которой тянется тонко-тонко вслед за ней, создавая ореол таинственности и недостижимости.

Гламур пришёл на смену дендизму. Был признан в России «словом года» в 2007 году¹. Дендизм как старый стиль заимствован из английского романтизма и противопоставлялся светскому стилю, заимствованному из куртуазной французской культуры и был явлением далеко не массовым и кратковременным, складывался практически одновременно с гораздо более повлиявшим на русскую культуру декабризмом и очень быстро перестал противопоставляться светскому стилю.

Дендизм в России как европеизированное культурное явление впервые привлек внимание Пушкина – в «Евгении Онегине» дано «наиболее законченное воплощение дендизма в европейской литературе. Герой пушкинского романа тесными нитями связан с исторической действительностью. Роман был понят многими читателями как некоторый кодекс правил нового культурного быта»².

Структура знаний, связанных со словом *дендизм*, включала представление о целостном мировоззрении, носитель которого видел свою миссию в «воплощении идеи прекрасного, перенесенного в материальную жизнь» (Бодлер)³. «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» – эти пушкинские слова отвергали представление о *дендизме* как о простом франтовстве, «искусстве повязывать галстук»; различное отношение к явлению порождало и метафорические значения, основанные на эксплуатации ассоциаций, связанных с этим словом. Так, Жюль Леметр отметил, говоря о Проспере Мериме, «моральный дендизм», вытекающий из презрительного отрицания последним всех ценностей. Интересно, что в польской литературе гораздо реже имеет место упоминание *дендизма*, что связано, скорее всего, с провокацией иронических коннотаций у имени, обозначающего приверженца этого поведенческого типа. Ю. Словацкий так писал матери: «первый раз на мой наряд обратили свой взор дамы, я был одет в белые шаровары, белый кашмировый жилет в большие разноцветные цветы, похожие на давние женские платья и воротник от рубашки, отстроченный – к этому добавьте тросточку с позолоченной головкой и глянцевого перчатки – и перед вами Юлек» (письмо матери от 12 июля 1832 года)⁴. В польских источниках можно найти и отсылку на происхождение этого термина, где утверждается, что оно неясно: французский *dandin* – глупец, шотландское *dantil* – бездельничать, немецкое *tandeln* – развлекаться, от старонидерландского *dentem* – делать глупости. (http://www.interklasa.pl/portal/index/strony?mainSP=subjectpages&mainSRV=jpolski&methid=94191709&page=suimage&article_id=317586&page_id=12029).

Естественно, что подобная этимология провоцирует скорее негативное отношение к явлению, носящему имя *дендизм*.

«Как денди лондонский одет» – эта строка из «Евгения Онегина» сегодня получает новое дыхание, оживляя как будто бы ушедшее в прошлое понятие «денди» и «ден-

¹ М. Эпштейн, *Слова года: Гламурный год под знаменем политконкретности*, «НГ Ех Libris», 17.01.2008.

² *Литературная энциклопедия*, <http://slovari.yandex.ru/dict/litenc/article/le3/le3-2002.htm> [режим доступа: 8.10.2007].

³ Цит. по: там же.

⁴ P. Przybylski, *Gentlemen i dandys*, в: *Style zachowań romantycznych*, ред. М. Janion, М. Zielińska.

дизма». «Денди: мода, литература, стиль жизни» – так называется книга современного историка моды Ольги Вайнштейн⁵. Упомянутое слово встречаем также в статье Светланы Пацынко⁶. Понятие *денди* получает пространное истолкование в электронной «свободной энциклопедии» Википедия, причем в русскоязычной Википедии статья «дендизм» гораздо более обширна, нежели в польскоязычной версии энциклопедии, что может свидетельствовать о большей значимости названного явления для культурно-исторического сознания России.

Почему сегодня вновь актуализируется понятие, бывшее столь значимым для культуры Европы более двух столетий назад, и почему, на наш взгляд, его актуализация, как и появление с ним связанного слова в современных дискурсах, может привлечь внимание гуманитариев в целом и филологов в частности?

Итак, о денди. Почему сегодня мы возвращаемся к вопросу о дендизме, и как соотносится явление аристократической культуры прошлых веков с новыми веяниями общества потребления? Постановка вопроса представляется вполне уместной, если исходить из числа публикаций на тему дендизма в современных литературных источниках. Можно ли говорить о современных мужчинах, посещающих солярии и бассейны, делающих прически и маникюр в модных салонах красоты как о «новых денди»? Как отмечает С. Пацынко в статье «Денди нашего времени», «в приложении к современному миру fashion термин многим кажется вполне удачным. Однако на самом деле на пути к сегодняшней аудитории понятие дендизма утратило большую часть своих граней и значений. Чтобы лучше понять дендизм наших дней (исключительно как искусство одеваться, что во многом утрачивает понимание этой философии) можно обратиться к британскому авангарду. Этот уличный стиль, основанный на принципе „смешивай и сочетай“ (mix and match), противоречит идее „единого стиля“ – total look, когда человек с головы до ног одет в вещи одного дизайнера или просто вещи из одного магазина. Напротив, для денди важна именно свобода индивидуальности, креативность, когда человек выражает себя любыми доступными способами. Дендизм всегда авангарден и смел, и в то же время далек от эпатажа, столь излюбленного современными поклонниками гламура.

Автор упоминаемой выше статьи противопоставляет дендизм как креативность, самовыражение человека гламурности как поклонению роскоши, ухоженности, и в сущности – его нивелировке по принципу «только от кутюр!» Речь идёт о гламуре как стиле, диктующем модель такой трансформации внешности, при которой лицо и тело могут рассматриваться как культурный артефакт. Мы вновь возвращаемся к этому понятию, впрочем, как представляется, уже начинающему уходить с переднего края ценностных ориентаций общества⁷.

⁵ О. Вайнштейн, *Денди: мода, литература, стиль жизни*, Москва 2005, с. 640.

⁶ С. Пацынко, *Денди нашего времени*, www.stylemania.ru/2410 [режим доступа: 10.02.2008].

⁷ Показательным представляется следующий пассаж в одном из интернет-блогов: *Долгое время, провозглашая в качестве основного девиза гламур, гламур и еще раз гламур, в этом сезоне высокая мода, похоже, неуверенно качнулась в сторону более-менее строгого минимализма. Правда, потому слегка призадумалась и ограничилась полумерами. И, тем не менее, первый тревожный (а для кого-то, может, и обнадеживающий) звоночек прозвенел, показывая вероятную смену вектора в развитии модных тенденций. Если долгое время питаться только кремом и взбитыми сливками, то хрустящий соленый огурчик с пунырышками покажется пищей богов.* <http://www.prelest.com/interesno/1164.html> опубликовано 23.03.2007 [режим доступа: 10.11.2007].

Приведем его определение из русскоязычной Википедии: Гламу́р (англ. *glamour*, ['glæmə], собственно «шарм», «очарование», «обаяние») – оценочное понятие (оценка при этом может быть как положительной, так и отрицательной в зависимости от взглядов говорящего), означающее близость к общепринятым стандартам «роскоши», «шикарного», внешне «блестящего». Слово применяется прежде всего к моде на одежду и косметику (противопоставляется, в частности, гранжу), а в расширительном употреблении – также к стилю жизни, развлечениям и прочему. К «гламурным» обычно относят стандарты одежды и жизни, рекламируемые в «женских» и «мужских» глянцевых журналах (понятия «глянцевый журнал» и «гламурный журнал», «гламур» и «глянец» часто выступают как взаимозаменяемые). Во Франции в старину гламуром называли специальную вуалетку, скрывающую прыщи и недостатки кожи лица.

Небезынтересно, как раскрывает содержание понятия *гламур* англоязычная Википедия:

Glamour is a women's magazine published by Condé Nast Publications. Founded in 1939 in the United States, it was originally called *Glamour of Hollywood*.

It is now published in numerous countries including the UK, USA, France, Italy, Germany, Spain, Russia, Greece, Poland, South Africa, Hungary, Romania (the latest addition), The Netherlands, and in a Latin American (Spanish language) edition, and soon to be launched in Australia. In most cases it is a monthly publication.

Отметим, речь в английском варианте энциклопедии идет о женском глянцевом журнале с соответствующим названием («Очарование»), а не о стиле жизни, не об ориентации на стандарты роскоши и благополучия. По-видимому, польская культура, как и западноевропейская, не испытывает того «гламурного» бума, которым заражена культура российская, если учесть многочисленные публикации на тему «гламура», разнообразных советов, как *гламурно одеваться/выглядеть/курить* (!), настоячивые призывы в рекламном дискурсе «Будь гламурной»! Приведем без изменения авторской орфографии содержание одной из электронных страниц.

Добро пожаловать на первый в России ресурс для девочек: Здесь я совершенно бесплатно и безвозмездно поделюсь с вами своим опытом.

Расскажу как правильно вести себя с парнями.

Дам советы как правильно и гламурно одеваться.

Также вы узнаете какие тенденции в моде преобладают сейчас в мире (<http://kristy-glamour.narod.ru/>).

Видимо, права известный критик Наталья Иванова: пока идеологии неопатриотизма и либерализма выясняли между собой отношения, произошла глянцево-гламурная революция⁸.

Если вернуться к вопросу о дендизме, соотносимом и противопоставляемому стилю жизни «гламур», то нельзя не отметить, что дендизм был чисто мужским явлением. «Дендизм входит в число „чисто мужских“ развлечений, это течение не имеет женских субкультурных аналогов. Как и всякое английское явление, он предполагает уставность и консерватизм закрытого клуба. В нем выражается философия быта: пренебрежение изначальной исключительно функциональной важностью одежды, стремление к прекрасному, выраженное в желании не одеваться, а костюмироваться, стремление

⁸ Н. Иванова, *Гламурно-глянцевая революция уже произошла*, Полит.ру. 2008, 25 августа, <http://www.polit.ru/culture/2006/03/13/revoljucia.html> [режим доступа: 10.11.2007].

сотворить из себя произведение искусства. Целью дендизма было преодоление мужественности, как предопределения, как навязанной социальной роли. Дендизм всегда требовал смелости, т. к. был изящным развлечением для „ненатуралов“ (хотя бы симпатоматически). Он характеризовал собой склонность к искусству, причем не в качестве зрителя, а в роли творца. Искусство же – удел слабых и ранимых, „людей лунного света“. Отсюда, кстати, берет свое начало и миф о предельной гомозеротичности культуры как таковой. Хотя сам дендизм возник, очевидно, не из бисексуальности, – он утончение мужественности и лишь формальное заигрывание с женственностью. Все адепты классического дендизма, начиная с Бремеля, были женоподобными женоненавистниками. Так, Уайльд, следуя античным традициям, считал, что только в мужчине воплощается идеал красоты тела. Штефан Георге заявлял: „Я пришел смести творения бабы“. Уже упоминавшийся Бодлер говорил, что „женщина – противоположность денди“. Дендизм изначально закреплял социальное неравенство, поэтому он не может декларировать равенство полов»⁹.

Если же говорить о сегодняшнем российском стиле жизни «гламур», то он, несмотря на то, что в Америке и Европе журнал с соответствующим названием предназначен для женщин, не чужд мужским ориентациям. Фраза *мужской гламур* стала привычной на электронных страницах Рунета: «Мужской гламур [...] Вообще-то, наверное, гламур принято ассоциировать с теми представлениями о моде, которые сложились много лет назад – черные вечерние платья до пола и бредовые аксессуары по бокам. Что-то очень женское, и то, что не принято видеть ежечасно. И сейчас вдруг гламур с мужским оттенком. И дело не в том, что „неожиданно женщины полюбили другой тип мужчин“, а просто в том, что та самая откровенность была оценена» (<http://planeta.rambler.ru/community/er/10790279.html>). *Гламурный мужчина*, если судить по многочисленным высказываниям на эту тему – это красивый, ухоженный мужчина, ориентирующийся на определенные жизненные стандарты красивой жизни: «Для девушки, которая не определилась в собственном стиле, гламур – это стринги, украшенные кристаллами от Swarovski, интимная стрижка в виде бабочки и духи за 500 долларов. Для него – дорогое шампанское, пена для бритья за 60 долларов и клубника со сливками в спальне вместе с кожаным бельем и лепестками роз на шелковой постели!» (<http://www.prelest.com/interesno/1164.html>).

Таким образом, из оппозиции *дендизм – гламур* представляется возможным вывести соотносимые дефиниции обоих понятий:

Дендизм – стиль жизни, приверженцы которого через акцентацию внешних форм стремились вносить идею прекрасного в материальную жизнь и бросали вызов буржуазной унификации.

Гламур – стиль жизни, приверженцы которого через акцентацию внешних форм стремятся продемонстрировать богатство и унифицируют себя, ориентируясь на буржуазную роскошь. «Существует мнение, что гламур – это маскировка, которая нужна для того, чтобы повысить свой социальный статус в глазах окружающих. Главная мысль, которую человек пытается донести до других, заключается в том, что он имеет доступ к гораздо более престижному потреблению, чем про него могли подумать» (Википедия). Однако, если опираться на статью Светланы Пацынко, можно утверждать,

⁹ О возможности и возможностях женского дендизма, «Лабрис, Тематический альманах» 2004, № 1.

что «в современном понимании денди – не более чем стильно одетый человек. В лучшем случае человек, стиль чувствующий. Такие части философии дендизма, как кодекс поведения, определенная эстетика, техника тела, авангардизм и свободомыслие, в расчет обычно не берутся. В России нет и не может быть денди. Это эфемерное, уникальное для своей эпохи явление копированию не подлежит»¹⁰.

Таким образом, если *денди* – аристократическое явление, несущее в себе определенную идею, то *гламур* – ориентация на благополучие и пышность, не сопровождающаяся никакой идеей, кроме демонстрации «жизни в шоколаде».

Дендизм – явление, характерное только для мужской части общества.

Гламур – явление, возникшее как собственно «женское», но распространившееся на стиль жизни мужчин. Гламур – это и утонченность, и дурновкусие; и элитарность, и неразборчивость; и острота эксперимента, эпатаж, и приторная, «розовая» слащавость; и пестрота, и однообразие; требованиям «гламурности» трудно соответствовать, и гламур означает упрощенность и «уплощенность» мыслей, чувств, отношений...

Польский и русский языки (и культуры) хотя и разные, но всё – таки близки, и нам дано наблюдать параллелизм и даже тождество процессов в области экспансии «чужих» слов в эти языки.

Kazimierz Luciński (Kielce)

Glamour and dandyism as a way of life in the light of modern trends in culture

Summary

The paper aims at analysis of meaning and use of the lexical units “glamour” and “dandism” in the Russian and Polish languages from the point of borrowing. The author presents a contrastive analysis of these loanwords in the recipient languages along with reasons for their borrowing. The most interesting peculiarity to mention in the process of borrowing of these lexical units is the difference in their ideological saturation predetermined by cultural transformations.

Key words: glamour, dandism, borrowing, idea, gender, cultural trends.

¹⁰ С. Пацынко, Денди нашего времени, <http://www.intermoda.ru/story.phtml?id=3768> [режим доступа: 8.10.2007].

Grair Magakian

Kielce

Argumentacja w świetle kontekstu pozajęzykowego (na przykładzie turecko-ormiańskiego rosyjskojęzycznego dyskursu)

W klasycznym ujęciu argumentację „określa się jako zespół czynności podejmowanych w celu uzasadnienia jakiegoś poglądu [...]. Pojęcie czynności rozumiemy tu bardzo szeroko. Mogą to być czynności czysto mentalne [...], a także czynności werbalne [...]. Wyrażany bywa nawet pogląd, że każde użycie języka ma charakter argumentacji”¹.

Podczas analizy kwestii argumentacji dyskursywnej oraz wpływu kontekstu pozajęzykowego na ten sam dyskurs, powstaje również pytanie „czy można danemu wnioskowaniu postawić jakieś zarzuty i na ile mocne? Zarzut pod adresem argumentującego, podający jego rozumowanie w wątpliwość, polega na wskazaniu dowolnej sytuacji, w której przesłanki są prawdziwe, a wniosek fałszywy”². Wszak nie zawsze ta opozycja **przesłanki – wniosek** może doprowadzić do skutecznego wnioskowania. Przykładem może być ormiańsko-turecki dyskurs, w przypadku którego, poza argumentem śmierci Ormian i Turków w Imperium Otomańskim, każdy wniosek, nieodpowiadający własnemu narodowemu rozumowaniu, uważa się zarówno przez stronę ormiańską, jak i przez turecką za fałszywy. Stwierdzenie Ormian jest jednoznaczne – *było ludobójstwo i zamordowano 1,5 mln Ormian*, również kategoryczne jest stanowisko Turków – *były tylko wysiedlenia Ormian, a ofiar wśród nich było tylko 300 tys. osób, a przy tym ginęli Turcy*. Z powodu powyższej sprzeczności argumentacyjnej w niniejszym artykule nie będziemy analizować kwestii ewentualnych zarzutów co do prawdziwości lub fałszywości argumentacji.

Materiał badawczy z zakresu ormiańsko-tureckiego dyskursu wskazuje na obecność dwóch głównych nurtów **argumentacji** typowej dla danego dyskursu: **ideologicznego** (szczególnie z zakresu ideologii narodowej³ – bogaci Ormianie, gnębieni Turcy, lepsza i gorsza kultura itd.⁴)

¹ M. Tokarz, *Argumentacja, perswazja, manipulacja*, Gdańsk 2006, s. 124.

² Tamże, s. 141.

³ Por.: Я. Кеслер, *Естественнаучная история противополитической историографии*, w: *Новая хронология*, newchronology.ru/prev/Publ/kritika.htm [dostęp: 10.10.2010].

⁴ Por.: „В Османской империи армяне занимались откупам [negatywna ocena dalszego postępowania Ormian – G. M.], давали суды губернаторам даже султану [ujawnienie ukrytego faktu i negatywna ocena dalszego postępowania Ormian – G. M.]. То же, в более скромных объемах, происходило в азербайд-

ораз **religijnego** (antagonizm chrześcijański-muzułmański⁵). Stanowią one jednocześnie nieodłączny element tego kontekstu pozajęzykowego, który zainicjował cały dyskurs. Z perspektywy ormiańskiej pytanie brzmi: „czy doszło do *Геноцид*’u tylko z powyższych powodów, czy też w rachubę wchodzi inne czynniki?”, natomiast z perspektywy tureckiej – „czy w ogóle doszło do jakiegokolwiek *Геноцид*’u i w jakim celu Ormianie manipulują historią?”.

Można zatem wnioskować, że kolejne **konstrukcje argumentacyjne** (z perspektywy powyższych sądów) posiadają następujące cechy:

- są **chwilowe i wieczne**⁶: to, co się przedstawia w danej chwili, powinno dotyczyć faktów nie chwilowych lecz trwałych (np.: *Мемориал жертвам геноцида, который возведен правительством Советской Армении в 1967 году на холме Цицернакаберд в Ереване, символизирует скорбь по погибшим и возрождению нации*⁷). Stwierdzenia **chwilowe i wieczne** nie mogą być sprzeczne ani dotyczyć różnych wydarzeń (np.: *в 2005 г. в Ереване побывал главный раввин Израиля Иона Мецгер, который посетил Мемориал памяти жертв геноцида армян в Цицернакаберде, что тоже можно считать фактически признанием армянской трагедии в Османской империи*⁸);
- są **indywidualne i ogólne**⁹: to, co dotyczy danej jednostki, dotyczy całej zbiorowości zaangażowanej w materię danego dyskursu. Dość często dotyczy to świadectw medialnych,

жанских ханствах. Такую прослойку, особенно если она иной веры, не любят нигде и никогда [...]” (А. Горянин, А. Севастьянов, *Русскому об Азербайджане и азербайджанцах*, Москва 2009, fnkaa.ru/book.htm lub atc.az/index.php?newsid=1468 [dostęp: 16.05.2010]; por. też: *Армяно-татарская резня 1905–1906*, „Международный фонд «Мир без войны»”, www-f.org/read/41 [dostęp: 25.05.2010]); „У турок в те времена фамилий не было, разве что у самых высородных. [...] по сути до него [Ataturka – G. M.] не было никакой турецкой нации. Была Османская империя. Ее основу составляла династия, идея халифата и ислам” (А. Бакустин, *10 ноября жизнь Турции на мгновенье остановится*, Института религии и политики, i-r-p.ru/page/stream-event/index-16713.html, 2007, 09 listopada [dostęp: 12.12.2009] lub Е. Кокоулин, *От султаната к республике*, c-cafe.ru/days/bio/21/ataturk.php, 2006, 13–19 stycznia [dostęp: 13.02.2010]) itd.

⁵ Por.: „Умиз настаивает, чтобы его исследование прочитали все христиане [...]”. [...] автор показывает [...] составные «винтики» адской армянской машины, которую они называют «истинным христианским и демократическим государством» (Эльдар, «Секреты «христианского» террористического государства Армения», или Что тщательно скрывается от стран Запада и в первую очередь американских налогоплательщиков, zerkalo.az/2010-05-01/politics/9123-secretihristianskogoterroristicheskogogosudarstvaarmeniya [dostęp: 3.05.2010]); „[...] этот документ может нанести ущерб [...] усилиям турков-мусульман и армянских христиан преодолеть почти вековую враждебность” (*Анкара недовольна резолюцией американского Конгресса*, rosbalt.ru/2010/03/05/717950.html [dostęp: 15.04.2010]); „у младотурков была цель полностью уничтожить армянское население, а [...] он [Abdul Hamid – G. M.] хотел избавиться от некоторого количества армян, уменьшить их роль в экономике и вместо армян сформировать мусульманскую буржуазию. В эпоху Абдул Гаида в разные районы отправлялись провокаторы в одеждах моллы, которые во время пятничного намаза организовывали провокации, заявляя, что армяне напали на мусульман” (Е. Шуваева-Петросян, *Турецкая Республика была основана на Геноциде армян*, analitika.at.ua/news/tureckaja_respublika_byla_osnovana_na_genocide_armjan/2010-04-09-24598 [dostęp: 16.04.2010]).

⁶ Por.: А. Родин, *Об условности истины и локальности блага*, в: *Благо и истина: классические и неклассические регулятивы*, ред. А. Огурцов, Москва 1998, s. 48–70.

⁷ *Армяне вспоминают жертв геноцида 1915 года*, news.rambler.ru/Russia/head/6129158/?sort=d&page=4 [dostęp: 25.04.2010].

⁸ Р. Сулейманов, *Израиль и проблема признания геноцида армян*, „Скорбь познания”, www-r.openu.ac.il/kurs/skorb-poznanuya/suleimanov.html [dostęp: 12.11.2010].

⁹ Por.: А. Родин, *Об условности истины*, s. 48–70.

świadców naocznych itd. (np.: *в беседе с журналистами Н. Стоун поделился своими знаниями и информацией об отношениях турков и армян, а также событий в начале века. По его мнению, «геноцид армян» – выдумка армянской диаспоры, и нигде нет документального доказательства этого*¹⁰; *Вот [...] что писала [...] газета Akit [...] после того, как Франция признала геноцидом события 1915 года: «Да будет донесено до всеобщего мнения, что в прошлом мы наказали всех представителей тех позорных отбросов, которые атаковали наши владения, подвергая опасности жизни и честь турок. Мы знаем, что наши предки были правы, и если бы сегодня те же угрозы появились вновь, мы без колебания сделали бы то же самое»*¹¹ itd.) **Indywidualne i ogólne** gwarantują również **uwiecznienie** argumentacji, wykorzystując jednak jej **chwilową** strukturę w celach komunikacyjnych;

- posiadają atrybuty **wiedzy i praktyki**¹². Taka argumentacja sprzyja temu, aby dyskurs nabrał wiarygodnych kształtów, ponieważ wywody oparte na wiedzy i praktyce są ogólne i wieczne, każdy zaś osobnik może je wysunąć tu i teraz¹³. Każda hipoteza czy twierdzenie w postaci struktur językowych ma jakąkolwiek wartość, gdy opiera się na **wiedzy i praktyce** (np.: *Турки [...] обвиняли армян [...] в том, что они действовали в качестве шпионов и агентов России, и в том, что они напали на турецкие линии и сообщения. По всей вероятности, эти обвинения были справедливы; но независимо от их основательности или неосновательности, они вызвали мщение, вполне согласовавшееся с турецкой политикой. В 1915 г. турецкое правительство начало проводить по отношению к армянам, жившим в Малой Азии, политику беспощадной массовой резни и высылки*¹⁴; *«[...] вы думаете, что Турцию не приняли [do UE – G. M.], а вас примут?»; «Примут [...]». – Где нефть и газ, там правда и власть»*¹⁵);
- stanowią **teorię i historię**¹⁶ na płaszczyźnie historiograficznego udowodnienia każdej wysuniętej hipotezy. W historii hipotezy grają znacznie większą rolę niż w teorii: jeśli w teorii hipoteza to dość dowolna propozycja, za prawdziwość, której teoretyk nie ponosi żadnej odpowiedzialności, to historyczna hipoteza jest zgadywanką o rzeczywistym stanie rzeczy, który buduje się na bazie różnych pośrednich dowodów¹⁷. Właściwie (przynajmniej w tym przypadku) to kontekst pozajęzykowy buduje jedność teorii i historii jako argument dyskursywny.

Schematyzując pojęcie argumentacji w kontekście pozajęzykowym, otrzymujemy następujący obraz:

¹⁰ *Армянская диаспора лжет, говоря о якобы совершенном «геноциде армян»*, aksakal.info/news-azerbaidjan/121-armyanskaya-diaspora-lzhet-govorya-o-yakoby.html [dostęp: 12.07.2010].

¹¹ А. Казинян, А. Ветвинский, А. Данильчук, *Турки предложили армянам «пересмотреть обиходную историю»*, «Газета» 2005, nr 199-200, 14 kwietnia, 18 kwietnia–1 maja, demoscope.ru/weekly/2005/0199/gazeta031.php [dostęp: 19.12.2009].

¹² Por.: А. Родин, *Об условности истины*, s. 48-70.

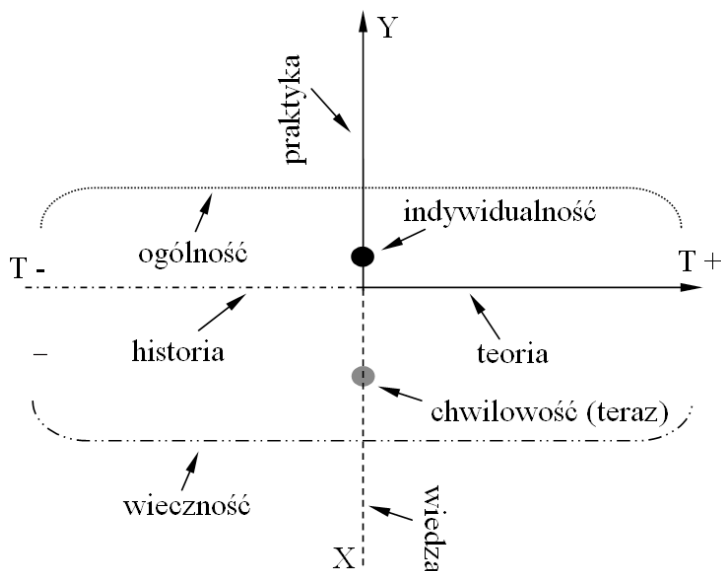
¹³ Por.: tamże.

¹⁴ Е. Шуваева-Петросян, *Армянский вопрос глазами сэра Уинстона Черчилля*, „Новое время” 2008, 21 października, forum.hayastan.com/lofiversion/index.php/t38652.html [dostęp: 12.12.2009].

¹⁵ Д. Асламова, *США и Россия разыграют новый «кавказский гамбит». Теперь – в Азербайджане*, „Комсомольская правда” 2008, 17 grudnia, kp.ru/print/article/24216/418373 [dostęp: 12.10.2009].

¹⁶ Por.: А. Родин, *Об условности истины*.

¹⁷ Por.: tamże.

Rys. 1

Źródło: Opracowanie własne.

Wektor T- (przeszłość) / T+ (przyszłość) implikuje się z wektorem **kontekstu pozajęzykowego** XY. Dzieje się to pod warunkiem, że **historia**, która dotyczy przeszłości, i **teoria**, która dotyczy przyszłości, jako argumenty pozajęzykowe ujęte są w ww. kategoriach **ogólności** i **wieczności**, **indywidualność** i **chwilowość** dotyczą zaś jedynie do chwili obecnej, czyli do obecnego sposobu prowadzenia dyskursu (naciski, lobbing, ugoda, kompromis itd.). Na przykład: *Очень важно, чтобы Армения выполнила предложения ПАСЕ по выходу из кризиса после выборов 2008 года добросовестно и в неотложном порядке*¹⁸; *Армения должна отказаться от Мадридских принципов*¹⁹; *Турция пыталась сорвать процесс принятия Резолюции по Геноциду армян в Конгрессе с помощью лесбиянки*²⁰ itd. Schemat wskazuje również, że kontekst pozajęzykowy byłby niepełny, gdyby nie **wiedza**, jako fundament, i **praktyka** jako nadbudowa.

Powyżej prezentowane cechy konstrukcji argumentacyjnych (w szczególności na płaszczyźnie kontekstu pozajęzykowego) znajdują się również pod silnym wpływem co najmniej

¹⁸ Г. Матевосян, *Армения должна выполнить предложения по выходу из кризиса*, rian.ru/world/20100513/234032351.html [dostęp: 15.05.2010].

¹⁹ Арам Саргсян: *Армения должна отказаться от Мадридских принципов*, regnum.ru/news/1283903.html [dostęp: 18.05.2010].

²⁰ *Турция пыталась сорвать процесс принятия Резолюции по Геноциду армян в Конгрессе с помощью лесбиянки*, anka.com.tr/2009/09/31468 [dostęp: 29.09.2009].

czynników ekonomicznych²¹, politycznych²², społecznych²³ oraz dumy etnicznej (również jako godności osobistej). Czynniki **ekonomiczne** в naturalny sposób zawierają kwestie беды і bogactwa, które bezpośrednio wpływają на **społeczno-polityczne** nastroje (te ostatnie składają się m.in. z ogólnego nastawienia społeczeństwa в odniesieniu до materii dyskursu).

В tym szeregu, szczególnie ze względów charakterystyki cech narodowych dyskursantów, wyjątkowe znaczenie ma kwestia **dumy etnicznej**, ponieważ zarówno poczucie godności, jak і poczucie własnej wartości jako szacunek wobec²⁴ własnego etosu, są в gruncie rzeczy synonimami²⁵. Poczucie godności określa się najczęściej jako pozytywną postawę

²¹ Por.: „Открытые границы между двумя странами – это, несомненно, плюс армянской экономике” (М. Смилян, *Президент Армении отметил юбилей геноцида наступлением на Турцию*, gzt.ru/topnews/world/-prezident-armenii-otmetil-yubilei-genotsida-/302790.html [dostęp: 26.04.2010]); „[...] как бы ни были важны геополитические и экономические соображения, армянский вопрос не исчезнет из политической повестки дня США [*próba obiektywnej oceny i ujawnienie faktu* – G. M.]” (С. Маркедонов, *Неоднозначный геноцид. США решают, с кем поссориться*, chaskor.ru/article/neodnoznachnyj_genotsid_15789 [dostęp: 18.08.2010]); „В ответ на принятие резолюции в Палате представителей турецкая сторона в экономической сфере может пересмотреть проекты сотрудничества с США [*otwarty atak i groźba* – G. M.] в поставках авиационного оборудования, станков, продукции химической, пищевой промышленности, сельского хозяйства” (*Турция подготовила контрмеры на случай признания США геноцида армян*, rian.ru/world/20100306/212534565.html [dostęp: 7.03.2010]); „[...] по подсчетам армянских экспертов, ущерб, наносимый армянской экономике в результате закрытия армяно-турецкой границы, оценивается в \$500 млн. ежегодно” (Р. Гольштейн, *Признает ли президент Барак Обама «геноцид армян»?*, day.az/news/armenia/147451.html, 13.02.2009 [dostęp: 12.12.2009]) itd.

²² Por.: „Сегодня все вопросы связанные с геноцидом нужно рассматривать исключительно в политической плоскости [*próba obiektywnej oceny* – G. M.]” (интервью Л. Савина с М. Перинчком, *Геноцида в отношении армян не было*, „ИАГЕОПОЛИТИКА”, geopolitica.ru/Articles/107, 2008, 26 lutego [dostęp: 12.02.2009]); „выявляем свои ошибки и упущения в организации соответствующей научной, политической и информационнопропагандистской работе” (А. Сваранц, *Геноцид армян – вопрос скорее политический, чем исторический*, analitika.at.ua/news/2009-04-03-7355, 2009, 3 kwietnia 2009 [dostęp: 12.12.2009]) itd.

²³ „[...] концепция геноцида должна исходить [*próba oceny i ujawnienie faktu* – G. M.] из уничтожения или преследования людей по признаку определенной общности их происхождения, иначе говоря, преследование из-за принадлежности к социальной, биологической или иной группе” (Н. Мошенская, *Геноцид – историческая и правовая характеристика понятия*, lawmix.ru/comm/1206 [dostęp: 12.10.2010]); „К этим «духовным» [*otwarta ironia i atak* – G. M.] мотивам массового участия в геноциде армян прибавлялся сильный меркантильный (сегодня сказали бы – социальный) мотив: это была возможность легко завладеть их жилищем, имуществом, женами, детьми, сельскохозяйственными орудиями, скотом [*próba ujawnienia zatuszowanego faktu* – G. M.]” (Ю.Барсегов, *Пять веков под властью геноцидного государства*, в: „Геноцид армян – преступление по международному праву”, Москва 2000, hayastan.com/armenia/genocide/ru/content/index.php [dostęp: 13.12.2009]) itd.

²⁴ Por.: М. Środa, *Idea godności в kulturze i etyce*, Warszawa 1993, s. 129.

²⁵ Por.: „Когда Мустафа Кемаль произнес, знаменитые слова: «Какое счастье быть турком!» – они упали на благодатную почву. [...] утверждалось, что все языки мира произошли от турецкого (тюркского). Шумеров, хеттов, этрусков, даже ирландцев и басков объявили турками [*otwarta ironia i ujawnienie sfalszowania faktów* – G. M.]. Одна из «исторических» [*otwarta ironia* – G. M.] книг времен Ататюрка сообщала следующее: »В Центральной Азии было когда-то море. Оно высохло и стало пустыней, вынудив турок начать кочевничество... Восточная группа турок основала китайскую цивилизацию...« [*otwarta ironia i ujawnienie sfalszowania faktów* – G. M.]. Другая группа турок якобы завоевала Индию [*otwarta ironia* – G. M.]. Третья группа откочевала на юг – в Сирию, Палестину, Египет, и вдоль североафриканского побережья в Испанию. Турки, которые поселились в районе Эгейского моря и Средиземноморья, согласно той же теории, основали знаменитую Критскую цивилизацию [*otwarta ironia i ujawnienie sfalszowania faktów* – G. M.]. Древнегреческая цивилизация пошла от хеттов, которые,

wobec siebie samego, jako osobisty sąd o wartości, który wyraża się w nastawieniu, jakie jednostka utrzymuje wobec siebie samej. Co więcej, szacunek wobec siebie zawiera poczucie własnej wartości oparte na przekonaniu, że jej koncepcja dobra i planu życiowego jest warta realizacji. Wedle przytoczonych definicji pojęcie szacunku wobec siebie jest więc pojęciem psychologicznym, związanym z samopoznaniem, sąd zaś o wartości własnej ma tutaj charakter subiektywny i motywacyjny²⁶. Innymi słowy, mamy do czynienia z pozawerbalnym kontekstem (szczególnie z perspektywy dumy etnicznej), który sprzyja własnej argumentacji podczas dyskursu.

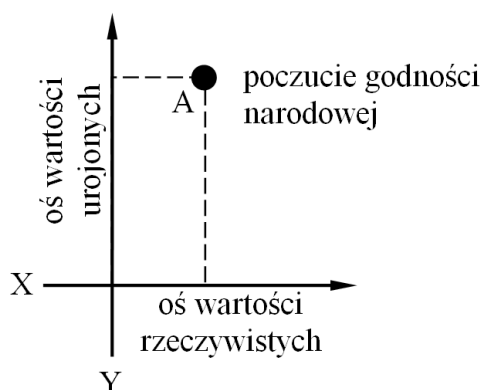
W tych okolicznościach jednak pojawia się zagrożenie utraty orientacji między rzeczywistymi a urojonymi wartościami godności narodowej. Jak wskazują wyżej przytoczone przykłady, za wysoki poziom urojonych wartości prowadzi do nacjonalizmu lub do obojętności w stosunku do innych narodów²⁷. Czyli jeśli **wartości urojone** mają większe znaczenie niż

konечно же, были турками [otwarta ironia – G. M.]. Турки проникли также глубоко в Европу и, перебравшись через море, заселили британские острова [otwarta ironia – G. M.]. »Эти мигранты превосходили народы Европы в искусствах и знаниях, спасли европейцев от пещерной жизни и поставили их на путь умственного развития [otwarta ironia i ujawnienie sfalszowania faktów – G. M.]. Вот такую сногшибательную историю мира в 50-е годы изучали в турецких школах» (*Мустафа Кемаль Ататюрк*, renascentia.ru/kemal.htm [dostęp: 1.11.2010]); »Теория исключительности армянской нации внушалась [...] с малых лет [otwarta ironia i ujawnienie sfalszowania faktów – G. M.]. Например, в учебнике для 7–8 классов [...] ставился вопрос: в столицах каких государств есть армянские школы, и тут же выяснялось, что в столице СССР такой школы нет, а вот в некоторых зарубежных странах есть [otwarty atak i ironia – G. M.]. Среди участников организации »Молодая гвардия«, борющейся в годы оккупации с гитлеровцами, в учебнике назывался только Жора Арутюнянц [otwarta ironia i ujawnienie sfalszowania faktów – G. M.]. [...] Когда шла речь, скажем, о выдающихся советских музыкантах, художниках, деятелях культуры и науки, назывались, как правило, только армянские фамилии. Естественно, в результате дашнакская пропаганда попадала на благотворную почву [otwarty atak i ujawnienie sfalszowania faktów – G. M.]» (Ф.Бобков, *КГБ и Власть*, Москва 2003, s. 6, [ya mns.gov.az/download/KGB_i_Vlast.pdf](http://mns.gov.az/download/KGB_i_Vlast.pdf) [dostęp: 19.08.2010]); „Армяне прикрывались от агрессии удивительно крепкими щитами: национальным языком, отличным от всех других языков мира, исключительно национальной письменностью и консервативной национальной версией христианской религии [pozytywna ocena i ujawnienie faktu – G. M.]” (Л. Мелик-Шахназарян, *Характер армянского народа*, Ереван 1999, armenianhouse.org/mshakhnazaryan/nf-ru/character.html [dostęp: 12.12.2009] itd.

²⁶ Por.: M. Środa, *Idea*, s. 129–130.

²⁷ Por.: Ciekawym przykładem jest dość naiwna próba całkowitej niwelacji kultury ormiańskiej: „[...] армянская культура [...] началавозникатьиформироваться [...] ссередины XIX века [próba negatywnej oceny i manipulacji faktami – G. M.]. В этой области они [...] воспользовались культурой и искусством тюрков [próba manipulacji faktami i ich negatywnej oceny – G. M.]. [...] армянский народ, живущий разрозненно в виде небольших групп [...] не имел желания и профессиональных навыков для создания искусства (*Кто такой арменин?*, venividi.ru/node/9942, 2009, 16 czerwca [dostęp: 12.05.2010]); „[...] армяне Карабаха являются потомками древнего албанского населения этого региона (так же как и азербайджанцы и лезгины, отсюда и сходство всех этих групп между собой), которые позднее были арменизированы [próba manipulacji i negatywnej oceny – G. M.] в религиозном, культурном и языковом отношениях (У. Гашимова, *Некоторые данные антропологии к проблеме трансформации народов Кавказской Албании*, karabakh-doc.azerall.info/ru/turkologiya/trk028.htm [dostęp: 28.02.2010]); „[...] в сознании армянина сформировался стереотип и слово »тюрк« вызывает негативную реакцию» (*Слово »тюрк« вызывает у армян негативную реакцию*, ru/news/1277116.html [dostęp: 29.04.2010]); „Турецкий варвар, точнее, варварский тюрк повинен в планомерном уничтожении армянской культуры на территории Западной Армении. Он был повинен вчера, он не останавливается сегодня [próba negatywnej oceny narodu – G. M.] (*О культурном геноциде*, arvest.armenia.ru/2010/04/22/2266/o-kulturnom-genotside, 2009 [dostęp: 12.09.2010]) itd.

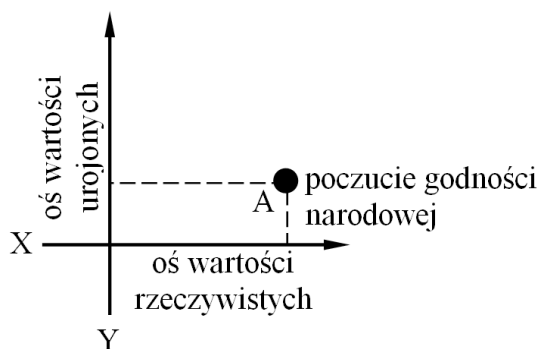
wartości rzeczywiście, to **poczucie godności narodowej** przekształca się w najważniejszy argument pozajęzykowego kontekstu dyskursu:

Rys. 2

Źródło: Opracowanie własne.

więc $Y \sim X$, gdyż $A \Leftarrow \rightarrow X$. Wynika z tego, że jeśli $X \sim Y$, to $A \sim X$, czyli czym bardziej A lokuje się dalej od X, tym bardziej zbliża się do rzeczywistości:

Rys. 3

Źródło: Opracowanie własne.

Grair Magakian (Kielce)

**Argumentation in the extra-lingual context
(on the basis of the Turkish-Armenian Russian-speaking discourse)**

S u m m a r y

This article carries out some of the non-linguistic argumentations' values and influences on the Turkish-Armenian Russian-speaking discourse which is based on two essential statement of conflictual context: there was the genocide of Armenians by Turks and there was no genocide of Armenians, but there were Turks victims. The argumentative structures are divided into *momentary* and *eternal*, *individual* and *general*, *attributive to knowledge* and *practice*, *theoretic* and *historic*. One of conclusive proposals is that the imaginary values are outweighing than real ones and the national dignity's feeling is being transformed into the most important argument of the non-linguistic context of the discourse.

Key words: conflict, genocide, extralinguistic, context, imaginary, values, Armenians, Turkish people.

Мирослава Малоха
Кельце

Языковое и этнокультурное воплощение понятия *внебрачный ребенок* в системе вегетативной символики

Лексика и фразеология, относящиеся к зачатию и рождению ребенка, в славянской языковой картине мира непосредственно соприкасаются с фитонимической терминологией. Здесь мы обнаруживаем термины, общие для мира людей, животных и растений. Как *семя* обозначаются и зерно растений, и потомство, род, племя¹; на фразеологическом уровне параллелизм ребенка и семени представлен в пословицах: укр. *Яке насіння, таке й коріння; Від поганого коріння не жди доброго насіння; Добре насіння і на камені зійде*²; бел. *Зярнятка маленьке, а дрэва з яго вырастае вялікае (а колас з яго вырастае вялікі)*³; *Пустазелле расце нясеянае*⁴; *Добрае насенне і на пустой зямлі ўзойдзе*⁵. Плод, независимо от того, идет ли речь о человеке или растении, *завязывается*. Бездетная женщина называется *бесплодна* или *бессемянна*, в отличие от многодетной матери, которую называют *семянная*. В то же время внебрачный ребенок – *самосей*, поскольку он родился как бы сам по себе, без вмешательства мужчины⁶. См. также бел. «Дзяўчынка-сымасейка, вырісла біз бацькі»⁷; *насеннік*⁸, а также популярные клише, опирающиеся на „цветочную” символику детей вообще: *дитя природы; дети – цветы жизни* и т.д.⁹

¹ С. А. Кошарная, *Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира*, Белгород 2002, с. 124.

² *Прислів'я та приказки: Природа. Господарська діяльність людини*, упоряд. М. М. Пазяк, Київ 1989, с. 98.

³ В. Д. Ліцвінка, Л. А. Царанкоў, *Слова міма не ляціць. Беларускае народнае прыказкі і прымаўкі*, Мінск 1985, с. 13.

⁴ Там же, с. 120.

⁵ Там же, с. 104.

⁶ Г. И. Кабакова, *Антропология женского тела в славянской традиции*, в: *Русская потаенная литература*, Москва 2001, с. 137.

⁷ І. К. Бялькевіч, *Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны*, Мінск 1970, с. 431.

⁸ *Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны*, рэд. М. А. Даніловіч, П. У. Сцяцко, Гродна 1999, с. 78.

⁹ Г. И. Кабакова, *Дитя природы в иерархии кодов*, в: *Балканские чтения 1. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы*, Москва 1990, с. 130.

Архаическое соположение семени и ребенка, растения и человека поддерживалось характерными для славян верованиями о связи с растениями душ умерших людей, „прорастающих”, „расцветающих” в цветах, травах и т.д. Такое образное представление об эволюции как тела человека, так и детства в целом становится мировоззренческой основой для возникновения представлений и определенных языковых форм выражения, относящихся к внебрачным детям. Для них очевидна неполнота родственных связей, „привязывающих” внебрачного ребенка к миру людей, и потому он воспринимается в первую очередь как *часть природы*, неизвестная находка, обнаруженная взрослыми.

Красноречива народная лексика, описывающая появление внебрачных детей: их не рожают, а „приносят”, „добывают”, „находят”: *У меня мама подкрапивницу нашла; Немуха подстожника принесла*; ср. также фразеологизмы со значением ‘родить внебрачного’: *принести брюхо, в запоне, в подоле* (Новосибирская область), *в крапиве добыть* (Рязанская губерния)¹⁰. Обращает на себя внимание явный параллелизм этой лексики с объяснениями, которые взрослые дают детям по случаю рождения ребенка: *Нашли в лесу или в огороде под крапивой <...>, ворона принесла* (Вятская губерния); *Нашла в поле под кустом <...>* (Новгородская губерния); *Бабушка нашла его в сачочке <...>, зайчик принес и посадил его на грядке* (Харьковская губерния)¹¹. Таким образом, в народных представлениях ребёнок мыслится как дар Божий, но этот драгоценный плод не так уж отличен от всех прочих плодов, которые собирают в саду, на огороде или в поле. Как замечает Л. Н. Виноградова, зима ни разу не упоминается в формулах происхождения детей. Рожденным зимой детям, в действительности более многочисленным, чем летние, говорят, что их купили; рожденным весной – что их принесли птицы; а тем, кто появился летом, что их собрали¹². Особенно заметна связь появления младенцев с вегетацией растений: детей находят не только в траве, среди овощей, ягод, грибов, в злаковом и конопляном поле, в кустах, стряхивают с деревьев, но и обнаруживают их внутри овощей (ср. *Принесли мы огурцы с грядки, разрезали, а там – маленький сидит*)¹³.

Неразрывная связь внебрачного ребенка и мира растений проявляется в полисемии, к примеру румынское *copil din flori* ‘ребенок из цветов’ фиксируется наряду с *copil* в значении ‘отросток’, ‘боковой побег’¹⁴. Влияние румынского прослеживается в украинском языке: *корул/корел*, уменш. *корула*, уничижит. *корулuch* – ‘внебрачный ребенок, подкидыш’; *корулюся* – ‘внебрачный ребенок женского пола’, а также ‘девушка, родившая внебрачного ребенка’¹⁵; *skorulyczyty si* ‘родить внебрачного ребенка’¹⁶.

Данная модель именования характерна и для других славянских языков, начиная с церковнославянского *леторасль*, чешск. *letorost*, *výhonek*, *retolest* – ‘побег, отросток,

¹⁰ Е. Сумерина, *Народная эмбриология*, в: <http://ivc.engec.ru/ev/index.html> [режим доступа: 14.01.2010].

¹¹ Там же.

¹² Л. Н. Виноградова, *Откуда берутся дети? Полесские формулы о происхождении детей*, в: *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*: Рос. акад. наук. Ин-т славяновед. и балканистики; Редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) и др., Москва 1995, в: 185–186.

¹³ Л. Н. Виноградова, *Календарные переходы нечистой силы во времени и пространстве*, в: *Концепт движения в языке и культуре*, ред. Т. А. Агапкина, Москва 1996, с. 181.

¹⁴ Г. И. Кабакова, *Дитя природы в иерархии кодов*, с. 130.

¹⁵ J. Janów, *Słownik huculski*, oprac. i przyg. do druku J. Rieger, Kraków 2001, s. 102.

¹⁶ Там же, с. 210.

ветвь'¹⁷ и далее польск. *latorośl* (шутл.) 'потомок'. В русском языке лексема *отпрыск* употребляется в значениях 1. 'побег, отходящий от пня или корня'. 2. перен. 'потомок' (устар.) а также (ирон.) 'дитя, чадо'¹⁸. На уровне представлений соположение мотивов цветения и внебрачного ребенка демонстрирует словацкое поверье о том, что если фруктовые деревья зацветут второй раз в году, девушка „сcurвится”¹⁹.

Самым распространенным „вегетативным” наименованием внебрачного ребенка является *крапивник* (московское *подкрапивник*)²⁰. Показательно, и его мать могла получить аналогичное наименование: „А то скажут *крапивница*, как кукушка цыплят *вивела в крапиве*” (Калужская область)²¹; укр. у *крапиве байстрюка родыла*²². Актуализация крапивы в данном случае совсем не случайна, а опирается на ее устойчивую взаимосвязь с любовно-эротическими мотивами. В определенной степени жгучий огонь крапивы, само действие хлестания, битья ею (которое вообще в традиционной культуре ассоциируется с эротическими отношениями) определили соответствующее ее восприятие. Любовно-эротические оттенки символики крапивы стали основой фразем: бел. у *крапіве жаніліся*²³; у *крапіве шлюб бралі*²⁴; рус. *скакать в крапиву*²⁵. *Не скакала ли в крапиво?* – именно так спрашивали у староверов старцы на исповеди о грехе блудодеяния²⁶. Польская диал. фразема *chodzić w koprzywy*²⁷ нашла поэтическое оформление в купальской песне, в которой сообщается о достаточно вольных отношениях молодежи:

Kupalnocka, ciemna nocka.

Dziewczeta się nie wyspali

*po koprzywach popadali*²⁸.

Соответственно, внебрачный ребенок получил название „крапивника”: у гуцулов *кроруван*²⁹, польск. *pokrzywnik*³⁰. Так же называли и цыпленка, высиженного курицей тайком от хозяйки: бел. *крапіўнік*³¹. Подобные представления нашли отражение и в народной поэзии, героиня которой, родив внебрачного ребенка, бросает его в крапиву:

Да я ў свого таткі да на волі хадзила,

Эх, я у свого таткі да недобра зрабіла,

¹⁷ *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, ред. Р. М. Цейтлин и Э. Благова, Москва 1994, с. 315.

¹⁸ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, 4-е изд., Москва 1998, с. 478.

¹⁹ Г. И. Кабакова, *Дитя природы в иерархии кодов*, с. 130.

²⁰ А. Ф. Войтенко, *Московская диалектная лексика в ареальном аспекте*, Москва 2000, с. 248.

²¹ Г. И. Кабакова, *Антропология женского тела*, с. 155.

²² Полеский Архив, село Выступовичи.

²³ *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы*, склаў Ф. Янкоўскі, 3-е выд, дапрац., дап., Мінск 1992, с. 135.

²⁴ *Выслоўі, склад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент.* М. Я. Грынблат; рэд. тома А. С. Фядосік, Мінск 1979, с. 114.

²⁵ *Словарь русских народных говоров*, ред. Ф. П. Филин, Вып. 15, Ленинград 1979, с. 169.

²⁶ Там же.

²⁷ S. Dworakowski, *Kultura społeczna ludu wiejskiego na Mazowszu nad Narwią. Cz. 1. Zwyczaje domowe i gospodarskie*, Białystok 1964, с. 114.

²⁸ Там же.

²⁹ J. Janów, *Słownik huculski*, с. 107.

³⁰ *Słownik gwar polskich*, t. 4, ułożył J. Karłowicz, Kraków 1906, с. 228.

³¹ *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, т. 5, рэд. В. У. Мартынаў, Мінск 1989, с. 320.

Да недобра зрабила.
 Эх, я свому татку да дзяцину радзила.
 Да я тую дзяцину да кину-брошу ў крапіву,
 Я тую дзяцину кину-брошу ў крапіву,
 Ой, сама, маладая, да гуляць на Украину.
 На Украине люди да многа ж не знають,
 Эй, ані ж мене, деўку, за добрую мають³².

В белорусских диалектах фиксируется еще одно „растительное” обозначение внебрачного ребенка *грачышнік*³³. Данное обозначение входит в одно семантическое поле с фразеологизмами *скакати в гречку*³⁴; *ускочив у гречку*³⁵, которые имеют значение ‘иметь внебрачные половые отношения’. Известны и более развернутые паремии, включающие данный образ: *Не скакай у чужу гречку, бо лихо тобі буде; Як би він ні жив, та жив, аби в чужу гречку не всакував*³⁶. И хотя этимологом фразеологизма *скакати в гречку* признается модель ‘приносить вред чужим сельскохозяйственным угодьям’ с семантическим развитием – ‘причинять вред чужой семье’ – через ‘иметь внебрачные половые отношения’ до ‘изменять мужу/жене’³⁷, / „греховная” коннотация места произрастания гречихи очевидна.

Следующим локусом, удерживающим в поле своих значений эротические смыслы, является капустаная грядка. В севернорусских диалектах внебрачный ребенок, зачатый его матерью во время осенней рубки капусты, так и называется – *капустничек*³⁸, московское *капустник*³⁹. Капуста как огородное растение символизирует „естественное для данного возраста, но небезопасное для девушки состояние любовной страсти (возбуждение), склоняющее её к своеволию, свободному поведению”⁴⁰ и предстает как женский символ: девушка гуляет, сажит-поливает капусту – гуляет с милым и матери её „не унять”. Капуста как место „греха” появляется и в формулах о происхождении детей. Их текстовым ядром является сочетание именно этого локативного члена – „в капусте” с глаголами искать, найти, поймать, брать. Дополнительные мотивы могут быть связаны с характеристикой поведения найденыша (*у капустях ты сидела*, вариант: *лежала, кричала, плакала* и т.д.)⁴¹.

В Ярославской губернии встречаются и такие именованья внебрачного ребенка, как *соломенник, соломенница*⁴². Включение соломы в сферу символики внебрачных отноше-

³² Полесский Архив: село Золотуха Калинковичского района Гомельской области.

³³ Г. Ф. Юрчанка, *Народнае вытворнае слова: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны*, Мінск 1981, с. 124.

³⁴ Українські приказки, прислів'я і таке інше, уклад М. Номис, Київ 1993, с. 391.

³⁵ Прислів'я та приказки: Природа. Господарська діяльність людини, с. 110.

³⁶ Українські приказки, прислів'я і таке інше, с. 391.

³⁷ А. О. Івченко, *Українська народна фразеологія: ареали, етимологія*, Харків 1996, с. 125.

³⁸ Д. К. Зеленин, *Восточнославянская этнография*, Москва 1991, с. 363.

³⁹ А. Ф. Войтенко, *Московская диалектная лексика*, с. 248.

⁴⁰ Т. А. Бернштам, *Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора (традиционный аспект русской культуры)*, в: *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*, ред. А. К. Байбурина, И. С. Кон, Санкт-Петербург 1991, с. 238.

⁴¹ Л. Н. Виноградова, *Откуда берутся дети? Полесские формулы*, с. 178–181.

⁴² Е. Сумерина, *Народная эмбриология*, в: <http://ivc.engec.ru/ev/index.html> [режим доступа: 14.01.2010].

ний опирается на ее характеристики как чего-то мало ценного. В ритуальной практике у белорусов фиксируется вручение невесте, не сохранившей девственность пустой бутылки, заткнутой соломой⁴³. Возможно, и у славян существовал обычай, аналогичный немецкому: на голову девушки, которая имела внебрачного ребенка, публично надевали соломенный венок. И.Я. Лепешев довольно популярное у славян выражение бел. *саламяная ўдава*, рус. *соломенная вдова*, поль. *śłotiana wdowa*, болг. *сламена вдовица* подает как кальку с немецкого языка, перевод сложного слова *Strohwitwe*, которое возникло объединением частей двух слов: *Strohbraut* – ‘соломенная невеста’ и *Graswitwe* – ‘соблазненная’, буквально ‘травяная вдова’. Так называют женщину, оставшуюся без мужа или никогда его не имевшую⁴⁴.

С грибами также сочетаются представления о появлении детей, в том числе внебрачных: и несъедобные грибы, и детей, родившихся вне брака, на Украине называют *байструки*⁴⁵; в Казанской губернии зафиксировано было обозначение *боровичок*⁴⁶. У русских встречаются и следующие «растительные» именованья внебрачных детей: *луговой* (Курская губерния), *подкустарничек*, *подогородник* (Сибирь), *подсенник* (Петербургская губерния), *подъельняжник* (Петербургская губерния)⁴⁷.

В народных представлениях внебрачному ребенку наряду с общей негативной его характеристикой приписывалась невероятная удачливость, которой он способен наградить всех, кто вступит с ним в контакт. И в первую очередь ему самому, а также его матери и даже крестной приписывалась особенная продуцирующая сила прежде всего в сфере растениеводства. Если его мать бросит при засеве первые семена льна, будет обильный урожай⁴⁸; на Полесье верили: „Так у кумы не вельмі парываюцца йці, бо з таго мала карысці, а яшчэ трээ патраціцца, затое ў кумы к байстручку дак ідуць з ахвотаю, бо ат таго й кумоў не міне шчасце, толькі яны павінны зрабіць знак, што ат яго не атпіхаюцца. Дзеля таго кум затыкае сабе за пояс аброць, каб вадзіліся коні, кладзе за пазуху каласы збожа, каб у яго быў вялікі зраджай ці што другое. Кума гэж падтыкае сабе палойку ільну, каб ён добрэ зарадзіў [...]”⁴⁹.

Как демонстрирует материал, наиболее актуализированным кодом, в рамках которого функционирует незаконнорожденный и его мать, является растительный код, что опирается на древние мифологические представления, в основе которых – явление анимизма и антропоморфизма. Соположение человека и растения в традиционной культуре славян находит яркое воплощение в этнокультурном описании жизни человека в вегетативных образах и мотивах.

⁴³ Вяселле: *Абрад*, уклад., уступ. артыкул і камент. К. А. Цвірка, Мінск 1978, с. 206.

⁴⁴ И. Я. Лепешаў, *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*, ч. 1, Мінск 1981, с. 124.

⁴⁵ О. В. Белова, *Грибы*, в: *Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-и томах*, ред. Н. И. Толстой. т. 1: А–Г, Москва 1995, с. 550.

⁴⁶ Е. Сумерина, *Народная эмбриология*.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Б. Г. Гринченко, *Из уст народа. Малоросские рассказы, сказки и проч.*, Чернигов 1901, с. 69-70.

⁴⁹ А. К. Сержпутовский, *Примхи і забавоны беларусаў-палешукоў*, прадм. У. К. Касько, Мінск 1998, с. 177-178.

Mirosława Malocha (Kielce)

Linguistic and ethnocultural embodiment of the image of an illegitimate child in the system of vegetative symbols

S u m m a r y

The paper presents the most common Slavonic names for illegitimate child and their mothers being actualized within a vegetative code. A range of phraseological units was presented along with proverbs and sayings, songs, and beliefs to illustrate the juxtaposition of a human and a plant in traditional Slavonic worldview.

Key words: anthropomorphism, animism, vegetative symbols, ideas about child's birth, names for an illegitimate child.

Katarzyna Nobis-Wlazło
Kielce

Прагматика использования лексических единиц со значением количественности в рекламном дискурсе

Значительное место в информационно-потребительском обществе занимает информация как один из наиболее ценных и ходовых товаров. Как отмечает О. Лещак, «наиболее важными чертами информационно-потребительского общества являются **виртуализация, глобализация** информационного пространства, **медиатизация** и **мифологизация** жизни, **обывовление** общественной информации, **синергетизация** общественного пространства, а также **потребительство** в информационной сфере»¹. Среди вышеназванных черт одно из центральных мест принадлежит понятиям со значением количественности. Количественность же применяется как некий способ понимания и описания человеком действительности, являющейся объектом его опыта.

С проявлением количественности можно столкнуться и в сфере экономики, которая сосредоточена вокруг данной категории. Количественность ярко проявляется там, где речь идет о способе продажи информации о предлагаемых продуктах и услугах. Именно поэтому одним из мощнейших секторов виртуальной экономики является реклама, которая сегодня успешно выполняет роль регулятора реальной жизни, более того, она «превратилась в самостоятельную область общественной жизни, в цель саму по себе»². Рекламный дискурс преследует различные цели, но основная его задача заключается в том, чтобы активно содействовать продаже «максимального количества объектов рекламного сообщения (товаров/услуг) максимальному количеству целевой аудитории по максимально высоким ценам»³. Это, конечно, упрощенная точка зрения, поскольку, во-первых, существует несколько видов реклам, у каждой из которых иная цель, во-вторых, очень существенное значение имеет факт, что реклама продает не только услуги и товары, но прежде всего саму информацию и знаки⁴.

¹ О. Leszczak, *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*, Toruń 2010, s. 448.

² См.: там же, с. 146.

³ *Основные понятия, цели и функции рекламы*, в: *Интернет-институт ТулГУ*, http://www.i-institute.org/demo/i-i_1/lex/11/1_1.html [режим доступа: 24.03.2012].

⁴ См.: там же, с. 148.

В прагматическом аспекте использования количественных единиц в области рекламы следует обратить внимание на существенный аспект. С точки зрения выполняемой функции рекламу можно разделить на экспрессивную и коммуникативную, при этом передаваемая информация либо сосредоточена на реципиенте (персуазивная реклама, реализующая функцию воздействия), либо сосредоточена на рекламируемом продукте (содержательная реклама), но в обоих случаях, будучи частью публичного дискурса, она остается средством управления спросом.

С точки зрения выполняемой функции рекламу следует разделить на две группы:

1. Первую можно определить как техническую, специальную, отраслевую. Содержание рекламы можно назвать рациональным, поскольку оно строится из описания конкретных параметров, где наиболее существенная роль принадлежит демонстрации технических данных, т.е. числам, а средства манипуляции, напротив, ограничены до минимума или полностью исключены. Такая форма рекламы, будучи частью экономического дискурса, обращена к узкому кругу потребителей и размещается прежде всего в технических журналах, а также на профессиональных выставках.
2. Иную группу представляет массовая реклама, главной задачей которой является манипуляция посредством возбуждения эмоций (у целевой аудитории).

В обеих группах рекламы количественные слова играют значительную роль. В нашей работе мы сосредоточиваемся прежде всего на втором типе, поскольку, как мы уже сказали, рациональная отраслевая реклама содержит технические параметры, адресованные узкой целевой аудитории, а используемые в ней числа представляют исключительно свойства рекламируемого объекта.

Прежде чем рассматривать используемые в рекламном дискурсе числительные, а также и другие лексемы с количественным значением, следует обратить внимание на то, что количественность в рекламе может воздействовать на аудиторию и на подсознательном уровне. Здесь необходимо ввести еще один концептуально важный термин, а именно *шоппинг* – понимаемый как форма времяпрепровождения в виде посещения магазинов (чаще всего торгово-развлекательных комплексов) и покупки товаров. С помощью данного термина можно детерминировать техники манипуляции, использующие количественность. Данные техники присутствуют не только на уровне рекламы, но и на более высоком уровне: они сопровождают шоппинг во всех его проявлениях. К таким техникам мы можем отнести следующие явления:

- *downsizing* (дословно «уменьшение размеров»), в котором уменьшается объем предлагаемого товара с одновременным изменением упаковки и неизменением цены для того, чтобы потребитель не заметил разницы в количестве получаемого товара. В этой технике осуществляются манипуляции также единицами измерения: если, например, у какого-то продукта был объем 200 миллилитров (а вес 250 граммов), производитель уменьшает количество товара и одновременно меняет единицу измерения на упаковке (с миллилитров на граммы), не изменяя числа 200 и одновременно цены, к которым привыкли уже потребители.
- сопоставления двух качественно одинаковых товаров но с разными ценами, которое вызывает у потребителей иллюзию выбора более дешевого товара. Если же рядом с данными товарами находится еще один продукт, цена которого превышает первых два продукта, то потребители, как правило, выбирают товар, который не является самым дешевым и самым дорогим (как оптимальный, умеренный вариант).

— искусственного завышения цен перед распродажами, которое осуществляется для того, чтобы представить самый высокий процент уценки.

Перечисленные нами техники манипуляции, в основе которых лежит количественность, безусловно существенно влияют на сознание и подсознание покупателей, а также на выбор мотивов при формировании языка рекламы.

Одной из черт характерных для информационно-потребительского общества и способствующих эффективности техник манипуляции является отсутствие склонности к размышлениям и пассивность населения. В этой связи возникает вопрос: зачем думать самому, если другие (скорее всего более компетентные и специально подготовленные) люди сами за тебя думают и решают, каким ты должен быть и какой выбор должен совершить?

Как неоднократно подчеркивалось, важную роль в рекламе выполняют числа, которые опять-таки признаются маркерами объективности и рациональности.

Поскольку цифры привлекают внимание больше, чем слова, то согласно закону о рекламе их использование должно быть обосновано, то есть любые сведения о рекламируемом товаре должны соответствовать действительности⁵. Это касается также результатов исследований и испытаний. Однако на практике оказывается, что этот закон легко обойти, так как точное число участников опроса законом не определено (это могут быть как 500, так и 50 человек).

С этим фактором связано еще одно явление в рекламе, которое связано с использованием цифр по образцу: «считать несчитаемое, измерять неизмеримое». Данный прием относится к рекламным лозунгам типа:

Elseve – до 135% больше блеска волос; Gillette – до 30% лучшее скольжение бритвы, сглаживает морщины на 48%, ломкость волос сокращается на 81%, LUNDENILONA органический эликсир для волос – Волосы на 81% защищены от uv-лучей и морской соли – Увлажненность возросла на 17,4%. – Ломкость волос уменьшилась на 38,5%. – Выпадение волос сократилось на 12%. – Поврежденные участки восстановились на 7,9%. – Волос увеличился в диаметре на 0,6%.

Трудно представить себе технологию изучения мощности блеска, ломкости волос или их защиты от uv-лучей, хотя исключить самой возможности подобных исследований нельзя. Дело в том, что самое важное место принадлежит числу, а точнее нагрузке, которая его сопровождает. Запоминающаяся информация о товаре относится к тому, что он на столько-то процентов лучше, больше, выше, легче, ярче, эффективнее неизвестно чего (как в слогане типа: *эта щетка чистит зубы на 98% эффективнее*). Рекламный дискурс характеризует еще одна особенность, которая заключается в сознательном уклонении авторов рекламных текстов от круглых чисел. Считается, что круглые числа могут вызывать у потребителя недоверие, порождать сомнения и свидетельствовать о неточности проводимых исследований, а их дробление воспринимается как результат детальных исследований и расчетов.

Следующий прием, активно используемый в рекламе, основан на употреблении конструкций предлогов *от* или *до* с числительными, которые, во-первых, создают ощущение широкого охвата и обозначают превышение какого-то порогового количе-

⁵ Общие требования к рекламе, в: Кодексы и законы РФ. Правовая навигационная система, <http://www.zakonrf.info/zoreklame/5/> [режим доступа: 27.03.2012].

ства. Подобный метод может использоваться также для сопоставления рекламируемого объекта с товарами этой же товарной категории. Манипуляция при употреблении таких конструкций заключается в создании ощущения того, что рекламируемый товар на столько-то раз (и это число точно определено) является лучше своих аналогов. В действительности оба предлога обозначают либо нижнюю, либо верхнюю границу параметра и в соединении с числительными создают лишь видимость широкого диапазона возможностей. С другой стороны, получаемые данные невозможно проверить, хотя в то же время нельзя сказать, что они вводят в заблуждение. Примером могут служить такие фразы как:

работают до 10 раз дольше; увеличиваем скорость 3G модема до 10 раз; Экономь до 10 раз в роуминге!; Графика до 2-х раз быстрее; Это до 12 раз быстрее, чем пропускная способность у порта FireWire 800, и до 20 раз быстрее, чем у порта USB 2.0; PANTENE PRO-V Слияние с природой. Делает волосы до 20 раз сильнее; Скорость конвертации до 5 раз выше благодаря использованию технологии NVIDIA CUDATM; в сравнении с дешевыми аккумуляторами держат заряд от 2 до 5 раз дольше; Заработай \$700 в день (и ниже, маленьким шрифтом: Заработайте на СМС-бизнесе до \$700 в день!); Скидки до 70%; Автобус в Финляндию от 200 рублей; Цена контракта от 1 рубля.

Это очередные примеры манипуляции с использованием числительных, построенные с учетом «недомолвок», «двусмысленностей» и других способов косвенной передачи сообщения. Именно в рекламе употребляются только те цифры, которые представляют данный товар в наиболее выгодном свете, тем самым вводя в заблуждение потребителей, поскольку часто оказывается, что учет всех параметров не выделяет данный товар среди других: *ЦПУ гарантирует: иностранный язык за месяц и на всю жизнь; 40 лет простоят без ремонта кровля, выполненная из нашего профнастила.*

Согласно концепции О. Лешака⁶, в рекламе наблюдаются следующие мотивы номинативной метафоры:

- бытовые,
- экономические,
- этико-общественные,
- научно-познавательные,
- философские,
- художественно-эстетические.

Каждый из вышеуказанных мотивов опирается на свои концепты. Следует отметить, что в каждом из этих мотивов можно найти количественные слова, а объединяющим звеном в рекламных текстах является наличие цифр, обуславливающих параметры или цену определяемого объекта, например:

Электрическая зубная щетка Braun Professional care 3000 [...] питается от аккумулятора, которого должно хватить на 25 минут автономной работы. При этом время полной зарядки составляет 16 часов, насадка совершает до 7600 оборотов в минуту [...] весит 105 грамм; плах-комплексная защита, он помогает бороться с бактериями в течение 12 часов, и активно защищает от 10 проблем полости рта, colgate total 12 – единственная паста с формулой total 12 и прополисом, она до 88% эффективнее улучшает здоровье десен, и защищает от 12 проблем полости рта на 12 часов, рекомендация стоматологов номер 1

⁶ См.: О. Leszczak, *Lingwosemiotyka kultury*, с. 149-177.

*в мире; colgate 360 – он чистит не только зубы, ведь 80% бактерий находятся не на зубах; Мегафон – говорите с родными и близкими в два раза дольше, с тарифной опцией Мой Мегафон междугородные звонки абонентов мегафона в два раза дешевле; На тарифе Сказка от Мегафон никаких условий и ограничений: сказочно недорого – 1 рубль на мобильные, 1 рубль на городские и 1 рубль за смс; blend-a-med – до шести раз больше свежести*⁷.

Очень важной идеей, часто встречающейся в рекламе, является идея суперлатива, в которой утверждается безусловное превосходство определяемого продукта над остальными. В подобных текстах употребляются такие слова как *единственный, первый, уникальный*. Зачастую в рекламных текстах слово *первый* или *номер один* используется не в порядковом значении (*первый по порядку*), а в оценочном как *самый лучший*. Следует добавить, что это слово употребляется таким образом, чтобы сохранить двойное толкование, с целью избежания необходимости доказывать превосходство данного товара:

Жевательная резинка Dirol с ксилитом одобрена теперь Минздравом Украины как *первая* жевательная резинка, которая нейтрализует кислоту, разрушающую зубы; Подушечки Orbit – *первые* жевательные подушечки, обладающие великолепным вкусом и всеми качествами Orbit; Schauma – шампунь *номер один* для всей семьи; *Первый* и *единственный* смартфон на рынке, Miele – Стиральная машина *номер один*; Джинсы – выбор *номер один* в номинации «классика отдыха»; *Первая* стойкая краска для волос без аммиака с текстурой мусса; Чай Липтон – везде первый, коньяк Hennessy X.O. *Первый* и единственно подлинный; Beck's. Немецкое пиво №1 в мире, *Первая* и единственная винтажная водка в мире; Aqua Minerale Beauty. *Первая* вода для красоты; Люксор. *Первый* правильный кинотеатр; Аврора. *Первый* кинотеатр Санкт-Петербурга; Издание о рекламе №1 в России (adme.ru); Хортиця – Новый *лидер* качества; Майонез «Оливье» – король салатов; Он такой один, Пей первым! Хостинг из первых рук.

Создатели рекламных образов стремятся представить свой продукт одновременно уникальным и престижным.

Фирмы предлагают так называемые золотые, или платиновые (если золотой номер недостаточно престижен), номера телефона или машины, в которых встречается «красивое сочетание цифр»⁸ и благодаря которым человек сможет подчеркнуть и повысить свой статус. Однако, если взглянуть на так называемый золотой номер, например, 606 52 53 54 и расставить цифры по-другому то первоначальный набор окажется вовсе не престижен 606 525 354.

Иным приемом, использующим в рекламе количественные слова, является гиперболизация, необходимая для усиления психологического воздействия. Чаще всего она имеет вид чисто количественного преувеличения, которое в рекламном тексте уместно в случаях подведения итогов или ознакомления со свойствами товара. Гипербола употребляется с целью усиления выразительности сообщения:

Beeline – больше общения по всей стране; Большое пиво для большой компании; БМВ – ТРЕТЬЯ. МИРОВАЯ!; Domestos. Миллионы микробов умрут; Миллион впечатлений; Для тех, кто хочет большего; Достичь большего, Знаем больше, чем говорим. Делаем больше, чем обещаем; Аваль – Ближайший великий банк; J7. Еще сочнее, J7Только лучшее!; Лучшее

⁷ Все рекламные тексты и ролики найдены на портале YouTube, <http://www.youtube.com> [режим доступа: 28.03. 2012].

⁸ Золотые номера, в: Золотые номера, <http://nomergold.ru/aboutus> [режим доступа: 30.03.2012].

в чае, лучшее во мне, Tetley; Больше пространства для жизни!; Сделай жизнь вкуснее!; Один раз Persil – всегда Persil; Rowenta. Покоряет с первого взгляда; Сделай все и немного больше...; Nescafe Classic Один глоток решает все; Все начинается с кофе; Все будет Coca-Cola; Круглосуточно вкусно; Риск выигрыша максимален!; Рафаэлло. Вместо тысячи слов; Вы достойны большего и т.д.

Важную роль в рекламных текстах играют экономические мотивы, берущие свое начало в человеческой жажде обладания, желании получить прибыль и т.д. Причем количественность в таких текстах реализует следующие концепты:

– **величина, множество, обилие, всеобъемлющая полнота:**

Хостинг для всех!; Каталог, в котором есть место всему!; Уже все найдено!; Найдется все, Все, что нужно хорошему сайту; Пересчитаем весь Рунет, Коллекция лучшего, Реал Сервис. Всегда на высоте, Фрукты! Солнце! и ничего больше, Calve. Все, что нужно для лучшего вкуса; Все будет в шоколаде; Все для Вашего сайта; Найдутся все; Мы отвечаем за каждый миллиметр,

– **многократность, увеличение, размножение:**

Maxibon. Двойное удовольствие; Жидкий сантехник. Двойной удар, Двойной эффект; Snickers 200V. Умножь энергию;

– **максимизация прибыли:**

Три удовольствия в одном месте; Съешь, сколько сможешь!; Tis Tac. Изобилие свежести всего в двух калориях!; Маленькие «Hershey's Kisses» – большое шоколадное удовольствие; Больше жизни, Маккофе 3 в 1

– **минимизация издержек:**

Хостинг за webmoney дешевле 1\$; Наверное, лучшие цены в России, Куркино. Все проблемы позади;

– **прибыль как таковая: Всем! Опять! – 25%!;**

– **непрерывность, прочность:**

Ощущение комфорта сохраняется 24 часа в сутки; Не просто чисто, а пятизвездно чисто, Vanish, Чемпион по вместительности, Стрит. 9% алкоголя. 100% удовольствия; 36'6. Больше чем аптека; Это больше, чем обувь. Это философия, Dirol. Защищает Ваши Зубы; с Утра До Вечера, Пусть всегда будет праздник! Voimix, Лучшей защиты от кариеса не существует, Нет более сухих подузников;

– **темп, быстрота, интенсивность:**

Ренни. 5 минут и никакой изжоги; Релиф. Быстро и эффективно, Финалгон, Ясный взгляд – в мгновение ока, Достаточно одной “Секунды”!; Равиолло. Высокая степень готовности, Покоряет с первого взгляда;

– **эффективность и качество:**

С точностью до секунды; Гарантия на 10 000 конфет!; 32 повода для улыбки, Полистом. 32 причины для голливудской улыбки!; Самое чистое после самого чёрного. Тщательная фильтрация через 13 метров угольного фильтра; Качество на 1 месте, На 100% яичная вода; Tchibo. Давать самое лучшее; 100 % китайская кухня, Брук Бонд цейлонский. Цейлонский на все 100!; Нет более эффективного и безопасного средства, чем детский «Тайленол»; Лучший подарок мамам, Brandt. Лучшая в стирке!;

– **сила:**

Bref – 100% сила, prill power – самый сильный, Три богатыря, вместе мы сила!, Сильное пиво, Колдрекс. Сильнее вашей простуды, Пенталгин-Н. в 5 раз сильнее боли!, Доппельгерц. Сила двух сердец.

Следующий способ манипуляции – это обращение к массам. В подобного рода сообщениях ключевой довод основывается на принципе большинства: если общество выбирает данный продукт (услугу), значит, вероятнее всего, он самый лучший. Такой аргумент реализуется в рекламе с помощью следующих слоганов:

Сто миллионов человек не могут ошибаться; Пельмени «ДОБРЫНЯ» любят на всем Урале; На твой успех работает много людей; Нам доверяет уже более 36 тысяч вебмастеров; Нам доверяет уже четвертое поколение читателей и экспертов, ПриватБанк сегодня работает уже в 10 странах мира. Более 2 млн. человек доверили свои сбережения нашему Банку.

Итак, в рекламном дискурсе количественным словам принадлежит значительное место. Их использование способствует более выгодному представлению свойств предлагаемого товара, с их помощью привлекают, манят аудиторию, усиливают производимое впечатление. Количественность в рекламе, выражаемая прямо или косвенно, словами или цифрами, нередко становится орудием манипуляции, при помощи которого можно создать иллюзорность множества возможностей, а также является способом создания эффекта научности, точности и рациональности доводов.

Katarzyna Nobis-Wlazlo (Kielce)

The pragmatics of use of the lexical units with quantitative meaning in advertising discourse

S u m m a r y

The purpose of this thesis is to present the category of quantity from the perspective of economics-related discourse. Quantity occupies a central position in the economics, and the use of quantitative notions in advertisements, in the form of numerals and numbers, plays a major part in establishing ways of influence and manipulation. The thesis presents the phenomena which have an impact both upon recipients' consciousness and subconsciousness.

Key words: quantity, advertisement, economic discourse.

Оксана Просяник
(Харьков)

Подходы к лингвистическому исследованию (согласно «новому» Фердинанду де Соссюру)

Традиционное представление понимания Фердинандом де Соссюром подходов к лингвистическому исследованию вызывает сегодня много вопросов. Основные положения изданной в 2002 году в Париже книги Соссюра «О двойственной сущности языковой деятельности» позволяют посмотреть на эту проблему глазами самого швейцарского лингвиста, что мы и попытаемся сделать.

Для сравнения рассмотрим несколько бытующих вариантов понимания подходов к исследованию Соссюром. В универсальной научно-популярной онлайн-энциклопедии «Кругосвет» читаем следующее: «Среди многочисленных теоретических положений *Курса* особенно важно различие диахронической (исторической и сравнительной) и синхронической (дескриптивной) лингвистики. Соссюр доказывает, что диахроническое исследование должно основываться на тщательно выполненных синхронических описаниях. Ученый полагал, что исследование изменений, происходящих в историческом развитии языка, невозможно без внимательного синхронного анализа языка в определенные моменты его эволюции. Сопоставление же двух разных языков возможно лишь на основе предварительного тщательного синхронного анализа каждого из них. Наконец, по Соссюру, лингвистическое исследование только тогда адекватно своему предмету, когда учитывает как диахронический, так и синхронический аспекты языка»¹.

В философской энциклопедии читаем, что понятия синхронии и диахронии: «первые введены основателем структурной лингвистики Ф. де Соссюром, который рассматривал синхронию (С.) в качестве статического аспекта языка, исключающего всякое вмешательство времени, а диахронию (Д.) как эволюцию языка во времени. Для Соссюра С. имеет принципиально системный характер, в силу которого она статична и не обнаруживает тенденции к изменению. В результате внешнего воздействия изменению подвергаются только отдельные элементы, что так или иначе сказывается на всей системе и ведет к ее изменению. При этом рождение новой системы, полагал Соссюр, не детерминируется прежней системой, ее возникновение носит случайный характер.

¹ Соссюр, Фердинанд, в: Энциклопедия «Кругосвет», http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SOSSYUR_FERDINAND.html [режим доступа: 20.03.2013].

Ввиду этого противопоставление двух понятий – С. и Д. – абсолютно и не допускает компромисса. Попытку объединить в рамках одной дисциплины С. и Д. Соссюр считал фантастическим предприятием. В то же время он рассматривал С. и Д. как дополнительные категории: пренебречь одной из истин «значило бы видеть лишь половину действительности»².

В свою очередь, Г. Б. Гутнер в Энциклопедии эпистемологии и философии науки представляет еще один вариант понимания Соссюром данной проблемы: «Различение синхронии и диахронии обнаруживает различие двух подходов к исследованию языка. Один подход состоит в рассмотрении языка как системы совместно (одновременно) существующих элементов. Другой – в изучении отдельных языковых сущностей в их историческом изменении»³. Автор подчеркивает при этом, что сам Соссюр настаивал на том, что наука о языке должна придерживаться синхронического подхода, утверждая, что «язык есть система чистых значимостей, ничем не определяемая, кроме как наличным состоянием входящих в ее состав элементов»⁴. И далее читаем: «Поясняя идею синхронического исследования, Соссюр приводил пример шахматной партии. Для понимания текущей позиции требуется лишь анализ взаимного расположения фигур в данный момент. Знание того, как развивалась партия, т.е. как данная позиция сложилась диахронически, не имеет никакого значения. Противопоставление синхронического и диахронического подхода есть частный случай противопоставления структурного и генетического объяснения. Позиция Соссюра сводится в данном случае к тому, что невозможно объяснить явление, описывая его происхождение. Объяснение должно состоять в обнаружении места данного явления в системе»⁵.

Обратимся к учебникам и учебным пособиям. А. А. Реформатский утверждал, что «[...] по де Соссюру, синхрония связана с системой, но изъята из отношений времени, диахрония же связана с временем, но изъята из отношений системы»⁶. А по А. И. Смирницкому, «[...] диахрония рассматривается как область единичных явлений, а язык как система изучается лишь в сфере синхронии. Иначе говоря, развитие языка изображается как изменение лишь отдельных единичных явлений, а не как изменение системы, тогда как система изучается лишь в ее данности в определенный момент [...]»⁷. В свою очередь в учебном пособии «Общее языкознание» читаем следующее: «Антиномия Ф. де Соссюра диахрония – синхрония оказывается мнимой, как и утверждаемая ученым асистемность диахронии. Это вовсе не устраняет и возможности, и необходимости изучать язык в каком-то одном плане – плане его развития (диахрония) или его функционирования (синхрония). А для того чтобы увидеть и понять функционирование языка как систему реализаций его парадигматики и синтагматики в речи, – для этого действительно нужен „синхронный срез“ языка, т.е. фиксация его динамического со-

² Синхрония и диахрония, в: *Философия: Энциклопедический словарь*, ред. А. А. Ивин, Москва 2004, http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/Синхрония [режим доступа: 20.03.2013].

³ Г. Б. Гутнер, *Теоретической лингвистики постулаты*, в: *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*, http://epistemology_of_science.academic.ru/Теоретической лингвистики постулаты [режим доступа: 20.03.2013].

⁴ Ф. де Соссюр, *Курс теоретической лингвистики*, Москва 1933, с. 87.

⁵ Г. Б. Гутнер, *Теоретической*.

⁶ А. А. Реформатский, *Введение в языковедение*, Москва 1967, с. 40.

⁷ А. И. Смирницкий, *По поводу конверсии в английском языке*, «Иностранные языки в школе», 1954, № 3, с. 15.

стояния в одно и то же время. а для того чтобы увидеть и понять развитие языка как систему изменений его элементов во времени, – для этого нужен „диахронный разрез“ языка, т.е. фиксация системы его структурных элементов на протяжении, по крайней мере, нескольких десятилетий, лучше – столетий, а еще лучше – тысячелетий»⁸. В более позднем учебнике Ф. М. Березин пишет, что : «При изучении языка де Соссюр считает совершенно необходимым отличать синхроническое его рассмотрение от диахронического и в соответствии с этим различает две лингвистики – синхроническую и диахроническую, конкретизируя задачи каждой из них... Оторвав диахронию от синхронии, де Соссюр объясняет все языковые изменения чистой случайностью»⁹.

В учебнике «Общее языкознание» под редакцией А. Е. Супруна представлена такая точка зрения на проблему синхронии/диахронии в теории швейцарского ученого: «... полемически заостряя различия между синхронией и диахронией, Соссюр пришел к их неправомерному отрыву друг от друга. [...] Соссюр отрицал объяснительную силу истории языка: он считал, что синхрония может быть понята без какого-либо обращения к диахроническим фактам, подобно тому, как „для описания данной шахматной позиции совершенно незачем вспоминать о том, что происходило на доске десять секунд тому назад. Современное языкознание преодолело отрыв синхронии от диахронии“»¹⁰.

При сравнении «Курса общей лингвистики» со всеми имеющимися оригинальными текстами оказалось, что «Курс» зачастую отдалается от идей Соссюра¹¹. Что же говорит сам Ф. де Соссюр о синхронии/диахронии?

Путаница возникла из-за смешивания идиосинхронии как моментального состояния языковой системы и синхронии как метода исследования языка. Ш. Балли и А. Сеше предлагают в «Курсе» два подхода – синхронический и диахронический, тогда как в разделе 2 е книги «О двойственной сущности языковой деятельности» при анализе возможных способов лингвистического исследования Соссюр выделяет четыре подхода:

- 1) синхронный подход, он же системный, грамматический или семиотический (единственно применимый к исследованию системы языка в статике),
- 2) диахронический подход (для изучения фонетических изменений и процессов, применимый исключительно к фонетике речи, понимаемой как психофизиологический пространственно-временной поток),
- 3) ретроспективный или анахронический подход, то есть этимологический (наименее научный, но наиболее распространенный, неизбежный в дидактике),

⁸ Ф. М. Березин, Б. Н. Головин, *Общее языкознание*, Москва 1979, с 261.

⁹ Ф. М. Березин, *История лингвистических учений*, Москва 1984, с. 171-173.

¹⁰ Общее языкознание, под. общ. ред. А. Е. Супруна / Уч. Пособие, Минск 1983, с. 335.

¹¹ См. например: О. В. Лещак, *О концептуально-методологическом характере перевода научного текста и соссюровских терминах *Langue* и *Langage* (заметки на полях перевода книги Ф. де Соссюра «О двойственной сущности языковой деятельности» на польский язык)*, «Respectus Philologicus», 2010, №18 (23), с. 252-264; О. П. Просяник, *Проблема единства языковой лексической единицы (в свете теории знака «нового» Ф. де Соссюра)*, в: «Русская филология» Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, 2012, № 1-2 (46), с. 44-52 и О. П. Просяник, *Проблема значения и значимости в «De l'essence double de langage» Фердинанда де Соссюра*, в: *Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки*, 2010, випуск 23, с. 199-204.

- 4) исторический подход как для системного сопоставления двух синхронных описаний (допустимый при анализе языковой деятельности как культурно-исторического явления)¹².

С онтологической точки зрения Соссюр отделял то, что собственно семиотическое – это семантическое, это же грамматическое, т.е. информационное (а значит бытующее панхронически, но проявляющееся в речи как идиосинхронические точки в диахроническом потоке). Язык (*langue*) идиосинхроничен и панхроничен одновременно (как идиосинхронична и панхронична одновременно человеческая личность – «я здесь и сейчас» и «я вообще»). А все, что фонетическое (не важно физическое ли или физиологическое) – это диахроническое, т.к. тянется во времени. Значит идиосинхрония – это временной аспект, связывающий язык (панхронию) и речь (диахронию). По отношению к панхронии идиосинхрония – это форма проявления (панхронию нельзя наблюдать, единственный вид, в каком нам даны системные инварианты – это феномены здесь-и-сейчас). С другой стороны, идиосинхрония – это единственная форма бытия диахронии, т.к. мы никогда не наблюдаем изменений или движений, но лишь их проявления здесь-и-сейчас. Что же касается отношений панхронии и диахронии, то панхрония – это единственное, что придает диахронии смысл и значимость. В противном случае это был бы бессмысленный поток сменяющих друг друга разобщенных фактов (причем как во времени – изменений, замен, так и в пространстве – следований, смен). Чтобы в изменяющемся континууме звуков или акустических впечатлений отыскать смысл, надо этот поток расчлнить на регулярно повторяющиеся отрезки. А это можно сделать только посредством двух процедур – локализовать в этом континууме какую-то точку здесь и сейчас (т.е. идиосинхронию) и при этом квалифицировать ее как форму какого-то знака (т.е. чего-то, что уже есть в памяти как панхроническая информация) (см. п. 7 книги «О двойственной сущности языковой деятельности»¹³).

Ш. Балли и А. Сеше несколько деформировали соссюровский термин *диахрония*. Диахрония в лингвистической теории Ф. де Соссюра – это, прежде всего, протяженность во времени (как звук) или смена друг друга во времени (как звуки в слове или фонетическом слове или фразе). Соответственно диахроническое исследование – это фонетика звуков речи и фонетическая комбинаторика. Уже исследование фонетических единиц с сигнификативной точки зрения – это морфология, а значит – семиотика, а значит синхронное исследование. Можно сказать, что синхрония в соссюровской теории – это исследование идиосинхронии как проявления панхронии. То же, что традиционно считается диахроническим исследованием, у него называется либо *ретроспекцией* (этимологией, анахроническим исследованием), либо *историей*. Соссюр понимал сложность исторического анализа, поскольку при нем надо каким-то образом построить синхронный срез прошлого (а всегда не хватает данных), чтобы его сопоставить с другим синхронным системным срезом.

«В лингвистике не может быть разных точек зрения, которых можно придерживаться по своему усмотрению; есть всего только две обязательные точки зрения, вытекающие из самой природы (синхронического и метасинхронического) объекта»¹⁴. Если мы

¹² F. de Saussure, *Ecrits de linguistique générale, établis et édités par Simon Bouquet et Rudolf Engler, avec la collaboration d'Antoinette Weil*, Paris: Gallimard, „Bibliothèque des idées”, 2002, с. 21-22.

¹³ Там же.

¹⁴ О. В. Лещак, *О концептуально-методологическом*, с. 263.

не описываем язык в его состоянии (*l'état de langue*) здесь и сейчас – синхронически, то описываем его метахронически. Что это значит? Соссюр ясно говорит, что оба эти подхода выводятся из свойств, природы самого языка. Что же это за свойства и что такое язык для Соссюра? «Любой фрагмент, вырванный наугад из живой массы какого-либо языка: 1. не может обладать единственным, точно определенным способом существования; 2. не может обладать также неограниченным количеством способов существования в зависимости от воли каждого»¹⁵. Из этого следует, что язык для Соссюра психологическая сущность. Психика существует здесь и сейчас (идиосинхронически), а если не здесь и сейчас? То вне реального времени: или в разное время (диахронически), или постоянно (панхронически). Соссюр об этом пишет в своих Записках: «Он (язык) имеет только три способа существования: А) Он есть нечто, существующее в ПАНХРОНИИ, – Б) Он есть нечто, существующее в ИДИОСИНХРОНИИ, – В) Он есть нечто, существующее в ДИАХРОНИИ»¹⁶.

Из вышеизложенного следует, что синхронный подход служит для исследования идиосинхронического состояния языка, в то время как метахронический подход служит для исследования иных модусов бытия языка – изменений, которые в нем произошли, или того, что в нем не изменяется. Логичным именно поэтому было бы разводить панхронию и идиосинхронию по принципу статичности и статальности. Здесь особо следует обратить внимание на то, что Соссюр не считал, что язык может существовать без времени, ахронически, и не использовал термин *ахрония*. Термин же *панхрония* он использовал, потому что понимал язык как антропологическую реальную сущность, а не объективную логическую или духовную субстанцию, существующую в себе самой как некий идеальный феномен (по А. Сеше). Панхрония не является бытием вне времени, не равняется ахронии. Это бытие во времени, но не моментальное, а гомеостатичное, стабильное.

Oksana Prosianik (Kharkiv)

The approaches to the linguistic research (according to “new” Ferdinand de Saussure)

S u m m a r y

The article presents four approaches to the linguistic research according to the draft of the book on general linguistics “On Ambivalent Essence of Linguistic Activity” by F. de Saussure.

Key words: synchrony, diachrony, idiosynchrony, panchronistic approach.

¹⁵ Ф. де Соссюр, *Заметки по общей лингвистике*, вступит. статья и комментарии Н. А. Слюсаревой, Москва 1990, с. 197.

¹⁶ Там же.

Елена Борисовна Трофимова
Бийск

Языковой антропоцентризм и системоцентризм: проблемное поле исследования

В статье системоцентризм и антропоцентризм рассматриваются не только в аспекте разных подходов к языку, но и как реально существующие составляющие языкового организма, содержащие единицы разного уровня, обеспечивающие функционирование языка и эволюционирование его систем.

В лингвистике (во всяком случае, в российской) системоцентризм и антропоцентризм принято рассматривать исключительно с позиций метода. Такое понимание данных терминов восходит к известной статье В. М. Алпатова¹, опубликованной в 1993 году в журнале «Вопросы языкознания».

Антропоцентрический подход, по мнению В. М. Алпатова, базируется на анализе лингвистических единиц, основанном на простом наблюдении – это тот метод интроспекции, который не опирается на специальный сложный инструментарий. Такой подход сформировался довольно рано, еще до нашей эры, и характерен для любой науки: это сбор материала, описание, создание классификаций с опорой на свойства, которые даны в прямом наблюдении. «При таком подходе не встает вопрос, что такое слово или предложение»². Работая в рамках, как правило, родного языка или такого, на котором исследователь легко вступает в коммуникативные отношения он, опираясь на свою интуицию плюс знания, почерпнутые в процессе наблюдения за поведением языка, создает его описание. При этом антропоцентризм исследователя, безусловно, отличается от интуитивного представления о языковых единицах носителя языка. Это отличие, прежде всего, проявляется в том, что носитель не создает классификаций, его восприятие, если так можно выразиться, является «атомарным».

Автор отмечает, что системоцентрический подход сформировался достаточно поздно – на стыке 19 и 20 вв. в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Ф.Ф. Фортунатова и др. Ссылаясь на Е. В. Рахилину, он пишет: «Системоцентрический подход к языковым явлениям, в отличие от антропоцентрического, приближающего лингви-

¹ В. М. Алпатов, *Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходе к языку*, «Вопросы языкознания» 1993, № 3, с. 15-26.

² Там же, с. 15.

стику к философии и психологии, пытается сблизить ее с естественными науками в их современном понимании. Согласно этому подходу, язык есть некоторая, почти независимая от нас функционирующая система, лингвист изучает ее законы, носитель языка им подчиняется. Исходный пункт этого анализа – множество текстов, устных и письменных. Основным методом исследования становится сопоставление материала, выявление сходств и различий тех или иных фрагментов текста, позиционных характеристик, сочетаемости и т.д. Важную роль, в отличие от антропоцентрического подхода, здесь играет строгая формулировка процедуры следования»³. При этом В. М. Алпатов отмечает, что эти подходы всегда влияли друг на друга и их нелегко разграничить.

Несмотря на то, что Владимир Михайлович старается быть объективным, ощущается приоритетность для автора именно системоцентрического подхода: «Системоцентрический подход структурализма был шагом вперед по сравнению с антропоцентрическим подходом традиционного знания»⁴. При этом в качестве отрицательного фактора подчеркивается, что «антропоцентрические определения частей речи целиком семантически, либо включают семантический компонент»⁵. Действительно, семантика плохо поддается формализации, но это проблема метода, а не объекта, поскольку большинство лингвистов считает, что именно семантика играет определяющую роль в языке, причем, прежде всего, в его эволюции⁶. Системоцентрический подход в отрыве от антропоцентрического не дает возможность прогнозировать характер изменений в языке. В паре *говорящий – воспринимающий* именно последний диктует условия: если он не понимает говорящего, тому приходится менять стратегии общения.

Достаточно давно, опираясь на конкретный языковой материал, я проанализировала результаты, получаемые при использовании того и другого метода, что позволило выдвинуть гипотезу, согласно которой сам язык устроен как системоцентрическое–антропоцентрическое образование, включающее четыре языковые составляющие (чтобы не создавать терминологическую путаницу, я не использую понятие «подсистемы языка»). Учитывая, что не все знакомы с моей концепцией, перечислю их. 1. Обьективизированный речевой континуум («тексты» в широком понимании). 2. Внутритекстовая составляющая – в достаточной степени автономное образование, не данное в прямом наблюдении и определяющее специфические свойства любого языка, причем, обслуживающая все единицы других составляющих. По отношению к тексту указанная составляющая выступает в роли своеобразной «производящей основы», организующей его форму и содержание. 3. Механизмы речеобразования и речевосприятия, характеризующиеся спонтанностью функционирования, а также порождаемые и воспринимаемые языковые единицы как результат деятельности этих механизмов. 4. Механизмы речеобразования и речевосприятия, а также языковые единицы как результат осознаваемой деятельности носителей языка.

При таком понимании онтологических свойств языка первые две составляющие следует отнести к системоцентрической его части, а вторые – к антропоцентрической; демаркационная линия между ними формируется в зависимости от того, по каким

³ Там же, с. 17.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Л. Г. Зубкова, *Принцип знака в системе языка*, Москва 2010, с. 482; Т. М. Николаева, *Просодическая схема слова и ударение как акт фонологизации*, «Вопросы языкознания» 1993, № 8, с. 118.

принципам диагностируются языковые явления. Таким образом, используя системоцентрический (безоценочный) подход, мы получаем системоцентрические единицы, а при ориентации на мнение носителей языка – антропоцентрические⁷. Равноценны ли данные единицы по степени онтологической достоверности? К сожалению, не равноценны, поскольку не все они даны в прямом наблюдении.

В отличие от В. М. Алпатова, считаю, что именно антропоцентрический подход формирует реальные единицы, но не всего языка, а только его антропоцентрической части. Что же касается системоцентрических составляющих, то одна из них, а именно внутритекстовая, не данная в наблюдении, описывается через конструкты, и насколько данные лингвистические единицы соответствуют языковым, далеко не всегда можно установить.

Как определить, какая модель отражает онтологию языка, а какая – виртуальную реальность? Я предлагаю в качестве лакмусовой бумажки использовать следующий критерий: если то или иное явление, выделенное исследователем в качестве языковой реалии, участвует в эволюционном процессе, то оно принадлежит языку, если нет, то это конструкт, хотя, возможно, удобный для тех или иных ситуаций описания. Почему реальная языковая единица должна оцениваться с этих позиций? Потому что язык – сложная неравновесная иерархическая система, в которой, конечно, есть и лабильные участки, и устойчивые, но и они с течением времени преобразуются.

Я и сейчас не отказываюсь от вышеобозначенного представления о языке как системно (имманентно – было бы точнее) – антропоцентрическом образовании, состоящем из четырех составляющих, поскольку проведенное мною экспериментально-теоретическое исследование на фонетических единицах разного уровня (звукотипы, слоги, ударение) в типологически различных языках (русский, китайский, узбекский) показало правомерность разграничения системоцентрических и антропоцентрических языковых реальностей. Тем не менее, в настоящее время, во многом под влиянием работ в области синергетики, я рассматриваю системоцентризм и антропоцентризм несколько с иных позиций, а именно с точки зрения участия языковых явлений в эволюционных преобразованиях. При таком понимании системно-структурной организации языка разумно признать, что в нем действуют законы двух типов, по-разному организуя поведение системоцентрических и антропоцентрических единиц. Деятельность системоцентрического уровня можно сравнить с работой автомата, обеспечивающего устойчивость языкового организма. Здесь все целесообразно и мотивированно, а, следовательно, само по себе не нуждается в перестройке. Второй уровень – антропоцентрический – антипод системоцентрического. Он обладает достаточно высокой энтропийностью, а следовательно, именно благодаря ему осуществляется перестройка языка. Неравновесность языковой системы создается именно за счет подвижности единиц антропоцентрического уровня, но эта подвижность не может быть безграничной и неуправляемой, так как в этом случае система просто погибнет. Поэтому первый, стабильный, уровень осуществляет дозировку изменений. Конечно, с течением времени и системоцентрические составляющие языка претерпевают изменения.

На конкретных примерах посмотрим, как это происходит. Само собой разумеется, что непосредственно контактировать мы можем только с единицами антропоцентриче-

⁷ Подробно см.: Е. Б. Трофимова, *Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование*, Москва 1997, с. 25-50.

ского уровня. Что же касается уровня системоцентрического, то выйти на имманентные свойства его единиц возможно только при условии наличия методик, позволяющих вывести исследуемую потенциальную реалию на уровень наблюдения. При решении многих проблем языковой онтологии благодатным материалом для исследования служат фонетические единицы, ибо их природная материальность позволяет применять объективные методы экспериментально-инструментальной фонетики.

Почему в древнерусском языке произошло падение редуцированных? Обычно данный процесс объясняют перестройкой слоговой структуры: коль скоро редуцированные гласные фонемы исчезли, запрет на образование закрытых слогов перестал действовать. Однако экспериментально доказано, что и в современном русском языке при скоплении согласных неконечные слоги имеют открытый характер. Целый ряд исследователей-фонетистов пришли к выводу, что даже при использовании разных экспериментальных методик слог остается открытым⁸. Чем же в таком случае вызвано падение редуцированных? Полагаю, что указанная перестройка языковой системы была обусловлена потребностью усилить подвижность морфемы, повысить значимость согласных, имеющих большую информационную нагрузку, чем гласные, в русском языке. Граница же слога при этом так и осталась прежней, поддерживая стабильность языковой формы. Кстати, этот факт свидетельствует, что изменения в языке, возникающие на уровне формы, в действительности обслуживают область семантики, поскольку при таких условиях расширяется общее семантическое пространство языка, в котором заинтересовано сознание: психолингвистические эксперименты показали, что сознанию носителя русского языка претит представление об открытом характере слога при наличии стечения согласных внутри слов (*шап-ка*, но не *ша-пка*...) ⁹. Суть этого феномена объясняется достаточно просто: в сознании носителя языка в качестве кратчайшей последовательности звуков выделяется обобщенная, наиболее типичная структура корневой морфемы, что лишний раз свидетельствует о приоритетности семантики над формой в языке. Таким образом, фонетический слог, экспериментально выделенный как физическая единица, принадлежит системоцентрическому уровню языка, а интуитивный слог, полученный в ходе психолингвистического эксперимента - антропоцентрическому. В этом случае системная перестройка не затронула основ фонетического слогоделения, что же касается различных гипотез, интерпретирующих данное явление, то они есть порождение исследовательского антропоцентризма.

Любопытно с этих позиций сопоставить слог и морфему в китайском языке. Данные единицы считаются в китаистике омонимами. Однако известный китаист А. Н. Алексахин не согласен с такой точкой зрения. Он полагает, что данные единицы структурно не тождественные. Слог не членим, морфема членится на фонемы, хотя сами границы слога и морфемы совпадают¹⁰. Итак, с позиции антропоцентризма в китайском языке слог и морфема изоморфны, а на глубинном, системоцентрическом, уровне эта изоморфность отсутствует.

⁸ Л. В. Бондарко, *Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем*: Автореф. дисс.... докт. филол. наук, Ленинград 1969; Л. В. Златоустова, *Фонетическая структура слога в потоке речи*, Казань 1962.

⁹ Е. Б. Трофимова, *Очерк фонетического и интуитивного слогоделения*, Киев 1972.

¹⁰ А. Н. Алексахин, *Структура слога в китайском языке как проявление системообразующих свойств согласных и гласных*, «Вопросы языкознания» 1990, № 1, с. 72-88.

Следующий пример. Дифференциальные признаки в пределах звукотипов равноценны, что доказано, прежде всего, в акустической классификации Г. Фанта, М. Хале, Р. Якобсона¹¹, т.е. по спектрограммам невозможно выявить градацию значимости каждого из дифференциальных признаков. Встает вопрос, а не проявится ли такая градация на антропоцентрическом уровне? С целью выяснения данной ситуации был проведен следующий эксперимент: носителям русского языка предлагалось оценить степень близости слогов в таких парах: 1) *ту-ду, ту-тю*; 2) *ну-ту, су-ту* 3) *ку-ну, му-ну* и ряде других, различающихся по тем же признакам. Поскольку слоги отличались только составом согласных, реципиенты и анализировали степень противопоставленности консонантов. Эксперимент показал, что более близкими для информантов в первой паре оказались согласные, объединенные по способу образования шума и коррелятивные по звонкости-глухости, по сравнению с согласными, противопоставленными только по признаку твердость-мягкость; во второй паре предпочтение было отдано общности способа образования шума при сравнении с местом образования; в последнем случае выбор *му-ну* обусловлен совокупностью двух факторов: не только общности способа образования звука, что наблюдается и при сопоставлении *ку-ну*, но и общностью используемого резонатора (собеседование, проведенное с участниками эксперимента, показало, что под близостью реципиенты понимали «комфортность», «близость звучания»).

Полученные результаты сопоставим с использованием данных признаков в речевом функционировании. Признак *твердость-мягкость* как различительный менее востребован по сравнению со *звонкостью-глухостью*. Например, в определенной позиции ассимиляция по *звонкости-глухости*, как и оглушение на конце слов обязательны, а по *твердости-мягкости* – факультативны (например, [*д*]*верь* – [*д'*]*верь* и др). «Поведение» сопоставляемых признаков в процессе функционирования и представление носителей языка о степени близости тех или иных коррелятивных единиц в данном случае соответствуют друг другу, хотя в области парадигматики дифференциальные признаки, как указывалось, пока представлены в качестве равноправных.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что именно антропоцентрические единицы языка, активно участвуя в коммуникативном процессе, приводят к эволюционным преобразованиям. Встает вопрос: как и когда происходит контактирование между системоцентрическим и антропоцентрическим уровнем? Ответ на этот вопрос в какой-то степени можно найти в исследовании доктора математических наук, профессора В. Ф. Турчина «Концептуальная теория метасистемных переходов»¹². Суть этой теории сводится к следующему: в нелинейных неравновесных системах переход от низших уровней к высшим осуществляется путем метасистемных переходов. Каждый метасистемный переход можно рассматривать как результат объединения ряда подсистем низшего уровня и появление дополнительного механизма управления объединенными системами. В результате формируется система нового уровня. Исследователь уделяет особое внимание «количественному наполнению» потенциала развития в исходных подсистемах. Если обратиться к данным синергетики, то метасистемные переходы можно определить через такие синергетические понятия, как теория ката-

¹¹ Р. Якобсон, Г. М. Фанта, М. Халле, *Введение в анализ речи*, в: *Новое в лингвистике*, выпуск 2, Москва 1962, с. 173-231.

¹² В. Ф. Турчин, *Концептуальная теория метасистемных переходов*, Москва 2000.

строф и бифуркация. Теория катастроф занимается математическим описанием резких качественных перестроек, т.е. скачков в поведении нелинейных динамических систем, эволюционирующих во времени. Бифуркации же это как раз момент перестройки системы. До точки бифуркации системы имеют один путь развития, ее поведение полностью предсказуемо, после бифуркации система может пойти по одному из возможных путей, сформированных самой точкой бифуркации и в синергетике определяемых как случайность в развитии. В языке же присутствуют две составляющие, онтологически противоположные, но в то же время активно взаимодействующие.

Возникает вопрос, как с позиции данной эволюционной теории представить «поведение» системоцентрического и антропоцентрического уровней в языке? Какой из них считать низшим, а какой – высшим? Дело в том, что описание метосистемных переходов отчетливо просматривается в физических и химических процессах, онтологически более однородных по сравнению с языком, где обе составляющие, несмотря на безусловную противопоставленность, которую я показала на конкретных примерах, тем не менее, тесно связаны. К критической точке бифуркации, по-видимому, приводит перенасыщение дублетными и вариативными образованиями на том или ином участке системы языка, что, безусловно, оказывает негативное влияние на процесс коммуникации. Нельзя также сбрасывать со счетов влияние социальных изменений в обществе, обусловивших в языке, например, принцип экономии. Он уже просматривается не только на антропоцентрическом уровне, но затронул и имманентную составляющую языка. Полагаю, что когда-нибудь научатся предсказывать наиболее возможный результат постбифуркационных процессов, что изменит представление о роли случайности в эволюционных преобразованиях. При определении скорости возможных изменений в системе, следует учитывать степень сложности данной реалии, проходящей через точку бифуркации, поскольку, чем выше сложность, тем, по-видимому, растяжимее время метасистемных переходов. Данное замечание прежде всего относится к таким сложно- и разноструктурным образованиям, как язык и сознание, их внутрисистемная перестройка может осуществляться поэтапно и в течение длительного времени. Следует также при прогнозировании языковых событий учитывать различие в достоверности прогноза в области формы и в семантике. В связи с этим полагаю, что следует сопоставить содержание антропоцентрической и системоцентрической составляющих в разных языках, в первую очередь примитивных. Перспективным также является изучение эволюционных событий в языке с привлечением данных других наук, таких как нейрофизиология, психология и т.д. Надо учитывать, что с позиции теоремы Геделя невозможно изучить сложное явление, не выходя за его пределы.

Elena Trophimova (Biysk)

Linguistic anthropocentrism and systemism: the field of research

S u m m a r y

In the article systems-centred approach and anthropocentrism are considered not only in the aspect of different approaches to the language, but also as really existing constituents of language organism, containing units of different levels which enable the functioning of the language and evolution of its systems.

Key words: linguistics anthropocentrism, systemism.

Barbara Wileńska
Kielce

Методологические аспекты классификации лексических единиц как частей речи

Главным вопросом относительно системы частей речи становится и вопрос о том, на чем держится эта система и какие факторы обуславливают ее членение.

*Е. С. Кубрякова*¹

Вопрос классификации частей речи занимает одно из центральных мест в лингвистическом учении. Его значение не только является ключевым в области нормативной грамматики, но также непосредственно сталкивается с другими проблемами описания мыслительных понятийных категорий. Классификация частей речи – один из вопросов категоризации языкового корпуса. На то, насколько многоаспектным он является, обратил внимание в своем очерке М. И. Стеблин-Каменский, указывая на значимость следующих вопросов: «Выделяются отдельные части речи на основании присущего словам, относимым к данной группировке, одного ведущего признака, или они выделяются на основании совокупности разнообразных признаков, из которых ни один нельзя назвать ведущим? Если верно первое, то что является этим ведущим признаком? Лексическое значение слова? Его грамматическое значение? Заключенная в нем логическая категория? Его связь с грамматическими категориями? Его морфологическая природа? Его синтаксическая функция? и т.д. Выделяются разные части речи на одном или на разных основаниях?»². о многоаспектности данной лингвистической проблемы и отсутствии единого комплексного подхода к ее рассмотрению, свидетельствует количество посвященных ей трудов в истории русского языкознания. В хронологическом порядке можно привести следующие работы, отражающие направления развития методологии классификации языковых единиц: М. В. Ломоносов, *Русская грамматика* (1755), А. А. Барсов, *Российская грамматика* (конец XVIII в.), Н. И. Греч, *Практиче-*

¹ Е. С. Кубрякова, *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*, Москва 2004, с. 170.

² М. И. Стеблин-Каменский, *К вопросу о частях речи*, в: М. И. Стеблин-Каменский, *Спорное в языкознании*, Ленинград 1974, с. 19.

ская грамматика русского языка (1827), А. Х. Востоков, *Русская грамматика* (1831), В. Г. Белинский, *Основания русской грамматики* (1837), И. И. Давыдов, *Опыт общесравнительной грамматики* (1852), Ф. И. Буслаев, *Опыт исторической грамматики русского языка* (1858), К. С. Аксаков, *Опыт русской грамматики* (1860), А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике* (1874), Д. Н. Овсяннико-Куликовский, *Синтаксис русского языка* (1902), Ф. Ф. Фортунатов, *Сравнительное языковедение* (1901–1902), А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении* (1914), А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка* (1913), В. А. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*, Л. В. Щерба, *о частях речи в русском языке* (1928), В. В. Виноградов, *Современный русский язык* (1938), С. И. Абакумов, *Современный русский литературный язык* (1942), И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи* (1945), Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, *Очерк грамматики русского литературного языка* (1945), В. В. Виноградов, *Русский язык* (1947), А. Н. Гвоздев, *Современный русский литературный язык* (1958). Это только самые крупные монографические исследования, посвященные проблеме дистрибуции лексических единиц по частям речи.

Обширность данного списка свидетельствует не только о наличии различных взглядов в представляемом вопросе, но прежде всего об обращении внимания на разного рода характеристики в процессе членения языковой системы знаков. Очень часто общим свойством трудов, посвященных данной проблеме, является отсутствие комплексности и односторонность подхода – т.е. во многих случаях исследователи сосредоточивались лишь на одном из уровней реализации единиц языковой системы. Цель настоящей статьи – не только представить многообразие взглядов с указанием их методологических принципов, но также представить вопрос классификации частей речи в комплексном плане. Это значит, что основу проведения классификации элементов языковой системы должны составлять их семантические и формальные особенности, выявленные в результате их функционального, в частности ономаσιологического анализа.

Языковая система может быть описана либо как формальная система, т.е. система форм и приписанных им функций, либо как система значений, которые относятся к определенным формам. В зависимости от метода выделения категорий части речи и признаков, признанных главенствующими в процессе выделения, лингвистика предлагает полный спектр классификаций от формально-выразительных и системных до лексико-семантических или логических, по которым части речи каким-то образом соответствуют категориям мышления. Как замечал Р. Якобсон, первый подход является изоляционистским – «внешняя, воспринимаемая часть знака, его *signans*, умышленно исследовалась без обращения к знаку в целом, который объединяет *signans* с *signatum*, то есть с воспринимаемой, переводимой семантической частью всего *signum*»³. В истории лингвистики вопрос классификации частей речи относится еще к временам попыток разработки универсальной грамматики «*grammatica universalis*», которая изначально была связана с универсальными семантическими категориями, общими для известных в то время языков. Некоторые из лингвистов, как, напр., А. Е. Супрун, говорили о вероятностном характере частей речи, т.е. «не только о невозможности, но и о ненужности жесткого определения частей речи»⁴. Другие вопрос членения слов по

³ Р. Якобсон, *Часть и целое в языке*, в: Р. Якобсон, *Избранные работы*, Москва 1985, с. 301.

⁴ А. Е. Супрун, *Части речи в русском языке*, Москва 1971, с. 86.

классам относили и относят к философским проблемам номинации. В качестве примера можно привести принцип абсолютного приоритета смысла у А. Лосева, согласно которому предметом научно-гуманитарного мышления должен являться имманентный сознанию смысл, взятый в его отвлечении как от эмпиризма, позитивизма или психо-логизма, так и от метафизики⁵. В своей работе исследователь поднимал вопрос соотношения в исследовании языковых единиц части и целого: «тут каждую часть, чтобы воспринять ее именно как часть целого, мы должны брать в свете целого с примышлением целого; каждая часть, взятая сама по себе, помимо целого, есть нечто совершенно бессмысленное с точки зрения целого»⁶. Как можно прочесть в феноменологической по своей методологической направленности «Философии имени», ее итогом является разработка конструкции имени как слова, которая учитывает несколько десятков элементов, относящихся к плану выражения и плану содержания, начиная с формы (звука), фонематической семемы, переходя к энергеме, эйдосу и мифу⁷. Лосев пишет: «в имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. [...] всякая наука есть наука о смысле, или об осмысленных фактах, что и значит, что каждая наука – в словах и о словах»⁸. Приведенная цитата объясняет позднейшее определение понятий фонемы выражения и слова. Концепцию А. Лосева можно до определенной степени соотносить с теорией внутренней формы слова А. А. Потебни. Сопоставление философии имени и внутренней формы слова предложил А. М. Камчатнов, пытаясь выделить из теории А. А. Потебни фактор психологизма, заменив его диалектической (а если быть более точным – метафизической) точкой зрения А. Лосева. Как замечает А. М. Камчатнов, оба исследователя в содержательном аспекте на первый план выдвигают функцию отношения, «но если для А. А. Потебни это отношение собственной человеческой мысли к сознанию, то для А. Ф. Лосева это есть отношение собственной мысли предмета, идеи самого предмета к сознанию»⁹. Следует заметить, что несмотря на широкий охват исследований, философия имени наделена объективизмом, так как предметом человеческого опыта здесь являются объективно существующие предметы и их объективно существующие идеи. Для анализа мыслительных процессов номинации существенное значение представляет субъективное отношение носителя языка, выражающееся в языковой картине мира и исследуемое двухуровневым образом в рамках психолингвистики, а также лингвокультурологии. Поэтому многие свойства восприятия внеязыковой действительности, которые относятся к вопросам структуризации, категоризации и классификации, а также к глубоким уровням абстрактности познавательных процессов, сводятся к аспекту языкового потенциала.

Наиболее явными и противоположными критериями выделения частей речи являются лексическое и грамматическое значения. Многие из исследователей не признают однозначного участия обоих типов значения в частеречной классификации слов.

⁵ А. Ф. Лосев, *Философия имени*, Москва 2009, с. 7.

⁶ См. там же, с.161.

⁷ Там же, с. 52.

⁸ Там же, с. 97.

⁹ А. М. Камчатнов, А. А. Потебня и А.Ф. Лосев, *О внутренней форме слова*, в: Русский филологический портал Philology.ru, <http://www.philology.ru/linguistics1/kamchatnov-98.htm> [режим доступа: 30.09.2012].

Именно в этом вопросе проявляется одно из основных различий в исследовательских подходах к данной тематике. Сторонником формальной теории выделения классов слов являлся А. А. Реформатский, который единственными свойствами частей речи считал морфологические и синтаксические особенности слов. Значение синтаксического принципа подразделения частей речи подчеркивал и В. Н. Сидоров. В качестве примера формальной классификации можно также привести грамматическую теорию, созданную В. Г. Белинским. Хотя в его изначальных суждениях появляется достаточно ясное разграничение планов выражения и содержания слова: «Мысль относится к слову, как душа к телу, а слово к мысли, как тело к душе, т.е. слово есть покров, одежда, форма, выражение мысли, а мысль есть смысл, разум, значение слова»¹⁰, в его теории грамматика формируется как прикладная наука, занимающаяся изложением правил человеческого слова (т.е. слова, лишенного «мысли», слова как формы). Задача грамматики определяется исследователем посредством понятий мысли и слова. По его мнению, слово – это форма мысли, причем мысль является объектом изучения логики, а слово – грамматики. Отдельное слово выражает понятие, совокупность слов – суждение. Согласно точке зрения исследователя, понятие – это прямое представление предмета в человеческом уме. Формализм теории Белинского заключался также в его подходе к значению слова. Он считал, что сначала необходимо определить значение отдельной единицы вне ее отношений с другими. Именно такой разработкой значения слов должна заниматься аналитическая грамматика. Суждения, в свою очередь, должны составлять объект исследования синтетической грамматики (синтаксиса). В. Г. Белинский признавал также существование универсальной грамматики, называя ее всеобщей, занимающейся исследованием языковых законов, общих всем языкам мира. Первой частью речи, выделенной исследователем являются имена, подразделяющиеся на чувственные, умственные и отвлеченные. Среди имен чувственных были также выделены две группы – имен одушевленных и неодушевленных. Все имена лингвист разделил на общие (нарицательные) и частные (собственные). Большое внимание В. Г. Белинский уделил местоимениям как первоначальной и предшествующей всем остальным части речи, благодаря которой человек определил первичные отношения между собой и окружающим миром (*я и не-я*). Под сомнение можно ставить факт формулирования однородных и универсальных, а при этом и достаточно четких критериев, служащих распределению слов по группам частей речи для разных языков. Следует заметить, что слова, входя в языковую систему, обладают функциональной спецификой, наложенной только данной системой и проявляющейся в выделенных на дальнейших этапах категориях. Это значит, что на основе функциональной характеристики языковые элементы могут относиться только к одному категориальному классу в рамках данной языковой системы, так как их функции соотношения с другими элементами в других языках не окажутся тождественными.

Наиболее комплексные характеристики языковых элементов для выделения категорий части речи охватывает функциональная методология. Ее исходным предположением является теория обусловленности языковой системы ее проявлением в речевой деятельности, обладающей иерархичным, интенциональным характером. Как писал

¹⁰ В. Г. Белинский, *Основания русской грамматики*, т. 2, *Статьи и рецензии*, Москва 1953, в: *Русская литература*, http://lib10.ru/russian_classic/belinskiy_vg/osnovaniya_russkoy_grammatiki.1576 [режим доступа: 12.08.2012].

В. Матезиус, «За исходную точку исследования всегда будут приниматься коммуникативные потребности говорящего. Из этого с необходимостью вытекают два вывода: во-первых, мы двигаемся от речи как от чего-то непосредственно данного к языку, который в виде системы реален лишь в идеальном плане, и, во вторых от функциональных потребностей к формальным средствам, с помощью которых они удовлетворяются»¹¹. Такая постановка вопроса отвергает формальные классификации частей речи, так как форма не обладает самостоятельным характером, а является лишь потенциалом выражения приписанной ей функции. Значение целенаправленности речевой деятельности было также признано Р. Якобсоном: «самая последняя стадия анализа речи убедительно показывает важность изучения и сопоставления различных фаз целого речевого события, начиная с источника и кончая целью: намерение, иннервация, постепенное порождение, передача, слушание, восприятие, понимание»¹². Среди основных принципов функционального подхода можно выделить следующие: обращение внимания на субъектность носителя языка, интерес к естественным фактам речевой деятельности, речевому поведению, позиции говорящего и контекстуальной обусловленности, прикладной характер исследований, междисциплинарность (связь с когнитивизмом, психолингвистикой, антропологизмом, эмпиризмом, структурализмом и др.). Широкий аспект изучения элементов языка на основе речевой деятельности позволяет охарактеризовать их во многих отношениях, не только мотивационных, но также на уровне соотношения плана выражения и формы. Роль функционального подхода, несомненно, связана с теорией асимметричного дуализма языкового знака С. О. Карцевского, согласно которой, означающее и означаемое знака могут перемещаться в зависимости от требований конкретной речевой ситуации: «каждое „выходит“ из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак»¹³. С точки зрения понимания языка как системы отношений, невозможным оказывается в речевой деятельности существование содержательного аспекта без плана выражения и формы без выражаемого. Такой подход отрицает односторонние классификации. В современных теориях части речи рассматриваются как естественное языковое явление, которое обладает не только семантической и формальной сущностью, но закономерностями категоризации своего содержания и способностью участвовать в «языковой репрезентации мира» познавательных процессов¹⁴.

Характер классификации частей речи и ее методологию определяет прежде всего целенаправленность. Именно цель проведения классификации является главенствующим фактором при подборе ее критериев. При выделении групп единиц языкового корпуса следует учесть их функциональные характеристики, проявляющиеся в речевой деятельности. Это означает исследование языковой системы с ономаσιологической точки зрения и позиции говорящего, который изначально определяет содержательную

¹¹ В. Матезиус, *о системном грамматическом анализе*, в: *Пражский лингвистический кружок*, ред. Н. А. Кондрашов, Москва 1967, с. 228.

¹² См.: Р. Якобсон, *Часть и целое в языке*, с. 302.

¹³ А. В. Звегинцев, *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*, ч. 2, Москва 1965, с. 93.

¹⁴ Е. С. Кубрякова, *Язык и знание*, с. 171.

сторону высказывания, а затем лишь формальный способ ее выражения. Ономаσιологический подход охватывает очень важный фактор для исследования и формулирования сущности слова как языкового знака, т.е. смысловой аспект языковой единицы, который всегда является первичным по отношению к форме. Именно такое отношение к классификации частей речи предоставляет возможность провести анализ согласно естественной структуре языка, выражающейся в речевых актах. Рассматривая вопрос классификации частей речи с функциональной точки зрения, можно прийти к выводу, что наблюдаемая система лексических единиц сама собой навязывает принципы ее проведения, а научный акт создания классификации заключается в ономасиологическом изучении явлений речевой деятельности. В связи с этим неполноценными оказываются все классификации, построенные на основе лишь одной из функций языкового знака – функции формы или функции категориального лексического значения. Употребление лексических единиц и языковых моделей доказывает, что для строя языка неестественно существование в нем как значений, не обладающих данной формой выражения, так и формальных категорий, не наделенных семантическими свойствами. С другой стороны, относясь к языку как к панхроническому информационному потенциалу, функционирующему в рамках сознания его индивидуального носителя, вопрос классификации частей речи заключается в решении нескольких парадоксов:

1. В какой степени категоризация лексических единиц, проявляющих все свои формальные и семантические свойства в речевых актах, позволяет упорядочить и понять строй панхронического явления, находящегося в перманентном развитии?
2. Как определить степень актуальности создаваемых классификаций, если с функциональной точки зрения одним из главных признаков ее выделения считается синхронность системных внутриязыковых отношений?
3. Как определить ресурсы исследуемых лексических единиц, если в данном случае они являются как инструментом, так и предметом познания, строго привязанным к сознанию и картине мира субъекта, проводящего анализ?
4. Можно ли соотнести обобщенные категориальные лексические значения, выделяемые для определения частей речи с понятийными когнитивными категориями, входящими в состав картины мира носителя языка?

Каждая попытка классификации языковых знаков по частям речи предполагает необходимость определения модели каждой из рассматриваемых категорий. Поэтому более существенными для нее окажутся вторичные по отношению к референциальным, категориальные значения семантики на всех уровнях – формально-грамматическом и собственно лексическом. Продвинутая обобщенность категориальных лексических значений во многих случаях не предоставляет возможности провести четкую границу между лексической и грамматической значимостью. Ядром каждой из выделенных групп слов должен являться мотивационный фактор существования в речи, а затем и в языке, единиц, объединенных одной мотивационной функцией, детерминирующей их возникновение. Мотивационная функция естественных языковых явлений всегда будет сводиться к лексическому значению, указывающему на определенную информацию в языковой картине мира носителя языка.

Проблему классификации частей речи можно соотнести с теорией логического множества, созданной Г. Кантором. В своей работе «К обоснованию учения о трансфинитных множествах» исследователь замечает: «Под *множеством* мы понимаем некое

соединение M определенных хорошо различимых предметов m нашего созерцания или нашего мышления (которые будут называться *элементами* множества M)»¹⁵. Вопрос определений и создания множеств автор связывает с теорией познания и критической философией, что находит свое выражение в методологическом труде «О бесконечных линейных точечных многообразиях»: «Лишь со времени новейшего эмпиризма, сенсуализма и скептицизма, равно как и вышедшего отсюда кантовского критицизма, стали искать источник знания и достоверности в чувствах или по крайней мере в так называемых чистых формах созерцания мира представлений [...] По моему убеждению, эти элементы вовсе не доставляют надежного познания, ибо последнее может быть получено лишь с помощью понятий и идей; внешний опыт может, самое большее, дать лишь толчок к созданию этих идей»¹⁶. Основанная на теории познания, концепция математических множеств позволяет применить ее правила на уровне классификации лексических единиц по группам частей речи, так как каждая из них представляет собой множество, обусловленное критериями. Методологические аспекты, сближающие математическую теорию множеств с функциональным подходом к проблеме выделения категорий частей речи это:

- интрасубъективная реальность понятий в качестве картины мира, бытующей в разуме,
- объединение всех множеств в единое множество, элементами которого будут являться все элементы отдельных подмножеств (дистрибутивная модель классификации),
- «*мощность множества*», как общее категориальное значение, приписанное к определенной группе лексических единиц – «*Мощностью* множества M [...] мы называем то общее понятие, которое получается при помощи нашей активной мыслительной способности из M , когда мы абстрагируемся от качества ее различных элементов m и от порядка их задания»¹⁷; «Тем, что мы мыслим только о том, что является общим для всех множеств, принадлежащих одному и тому же классу, мы получаем понятие мощности или валентности»¹⁸,
- каждое законченное множество не эквивалентно никакому своему подмножеству¹⁹.
- одно и то же множество можно упорядочить по разным правилам.

Вопрос отношений между обозначающим и обозначаемым, формой и содержанием касается не только выявления сущности языкового знака, но также мыслительной деятельности человека. М. К. Мамардашвили представляет анализ диалектичности познавательного процесса в категориях формы и содержания. Как замечает автор, понятия формы и содержания составляют общие категории исследования процесса человеческого познания. Отношения между этими двумя понятиями позволяет объяснить механизм научного познания с точки зрения его внутренних связей. Для представления этих связей М. К. Мамардашвили прибегает к философии Гегеля, где существенными вопросами являются функционирование формы, и способ ее изучения в зависимости от содержания.

¹⁵ Г. Кантор, *Труды по теории множеств*, Москва 1985, с. 174.

¹⁶ Там же, с. 104.

¹⁷ Там же, с. 173.

¹⁸ Там же, с. 249.

¹⁹ Там же, с. 187.

Связь формы и содержания позволяет определить систему отношений, в которую включено знание. Содержание может быть абстрагировано от формы и служить более глубокому расчленению мышления: «Фактически тем или иным способом определенные понятия формы и содержания – самые общие категории исследования познания. С помощью этих категорий познание очерчивается как особое образование в человеческой деятельности, выделяется как специфическая (и отличная от всех остальных) сторона этой деятельности и устанавливается типичное для нее соотношение явлений (воспроизводящееся во всех ее ответвлениях и на всех ее уровнях)»²⁰. Вопрос взаимоотношения формы и содержания касается также проблемы описания процесса возникновения понятий в науке и изучения их формы в зависимости от внутреннего содержания.

Одним из глобальных вопросов исследования частей речи оказывается связь системы их категорий с познавательным, ментальным опытом носителя языка. Для функционального описания языка А. В. Бондарко применяет понятия, являющиеся основой когнитивной лингвистики. В исследованиях, посвященных методологическим вопросам грамматики, лингвист обращает внимание на соотношение между мыслительными (понятийными) категориями и семантическими языковыми функциями. Понятийные категории отождествляются с концептуальными категориями, мотивированными внеязыковой действительностью и основанными на создающих ее отношениях. Эти концептуальные категории представляют собой потенцию, влияющую на языковой набор средств ее выражения. Только лишь семантические функции, которые проявляются посредством значений на всех уровнях языка (морфологическом, синтаксическом, словообразовательном, лексическом), являются результатом языковой интерпретации и актуализации концептуальных, мыслительных (потенциальных) категорий. Именно в этом процессе проявляется связь мыслительной и языковой деятельности носителя языка – «понятийные категории и языковые семантические функции тесно связаны друг с другом как разные стороны мыслительно-языкового содержательного комплекса»²¹. Это также позволяет рассматривать общие понятийные категории как двухуровневое явление – языковое и речевое. С одной стороны, это понятия отношений, представляющие собой потенциальные элементы системы, отражающиеся в средствах выражения; с другой стороны – это основы семантических функций, которые актуализируются в каждом речевом высказывании. Анализ семантических функций языковых средств представляет собой единственный способ описания концептуальных категорий, которые участвуют в формировании внутренней речи и являются отражением объективной действительности. Исследователь провозглашает тезис о существовании грамматической семантики, наличии у грамматических форм собственного плана содержания. Согласно А. В. Бондарко, имеется большое количество типов строения грамматических значений, которые являются частью как языка, так и речи. Надо также заметить, что в данной концепции семантики грамматические категории рассматриваются как языковые средства, обладающие содержанием, относящимся к форме. Учитывая системно структурные особенности лексического и грамматического строя языка, не исключено наличие смежностей, а также выразительных точек пересечения, не позволяющих определить однозначно данную категорию либо как грамматическую, либо лексическую.

²⁰ М. К. Мамардашвили, *Формы и содержание мышления*, Санкт-Петербург 2011, с. 87.

²¹ А. В. Бондарко, *Грамматическое значение и смысл*, Ленинград 1978, с. 73.

Несомненно, в современных попытках создания ономаσιологических классификаций частей речи следует обращаться к функциональной точке зрения, которая выявляет прежде всего интенциональную сторону и целевое назначение лексической единицы, определяющей ее функционирование в речевой деятельности. При этом нельзя забывать о семантическом аспекте как грамматического, так и лексического значений. Как писала Е. С. Кубрякова: «Ведь само значение определяется как когнитивный феномен, а любые данные об этом феномене – как проливающие свет на структуры сознания, их *форматы* и внутреннее устройство»²². Только ономаσιологические классификации позволяют исследовать языковой корпус данного языка как набор определенных системных категорий, близких обобщенным понятийным категориям. Части речи должны анализироваться как естественные для языка явления, функции взаимной связи познавательных процессов и выразительного потенциала языка. Их классификация должна производиться по комплексным признакам, охватывающим все функциональные свойства, характерные для определенной группы слов. Самое большое влияние на сущность языковой единицы оказывает ее языковая функция, представляющая собой главную детерминанту ее проявления в речевой деятельности. Функциональный (в том числе и ономаσιологический) подход берет во внимание все аспекты, характеризующие слово – структуру его лексического значения, план выражения, соотношение с контекстуальным употреблением, грамматическую семантику, сочетаемость с другими языковыми элементами. Поэтому именно такая совокупность признаков, отражающая когнитивную деятельность носителя языка, позволит соотнести языковую систему с познавательным опытом человека.

Barbara Wileńska (Kielce)

Methodological aspects of the classification of lexical units as parts of speech

Summary

The paper brings up the problems of classification of parts of speech and criteria, which are used in order to divide lexical units into categorical groups. The most important are factor of lexical and grammatical meanings, which are crucial for semantic characteristic of the word. In the paper are analyzed various points of view and conceptions, but the main assumptions are focused on the functionalism as the most many-sided, comprehensive searching attitude. Besides methodological description of the problem of the classification of parts of speech, the paper contains the attempt of juxtaposing language theories with the logical theory of sets, created by G. Kantor.

Key words: lexical unit, classification of parts of speech, functionalism.

²² Е. С. Кубрякова, *Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука*, в: *Вопросы языкознания*, Москва 1994, № 4, с. 36.

LITERATUROZNAWSTWO

Ольга Беличенко

Славянск

Литература и литературоцентризм в условиях формирования социально-коммуникативного пространства

Литературоцентризм – характерное явление отечественной культуры XIX–XX веков, которое заключается в том, что литература была центром духовной жизни общества. Во второй половине XIX столетия сформировался книжный социальный институт, который стал материальным фундаментом литературоцентризма. В советское время существовал политически искаженный псевдолитературоцентризм, который опирался на мощный институт книгоиздания. В конце 80-х годов эра литературоцентризма завершилась.

В современную эпоху происходит переход от литературоцентризма культуры – к актуальному процессу ее текстуализации и панэстетизации. Условия формирования коммуникативного пространства современности определяют необходимость проследить этот процесс с точки зрения социальных коммуникаций. Перед исследователями возникает задача глубокого, всестороннего изучения этого явления с использованием методологии смежных с литературоведением наук.

В этом контексте последние исследования дают достаточно широкую картину актуальных направлений анализа художественного текста: М. Берг¹, М. Вайскопф², А. Жолковский³, А. Соколов⁴, И. Скоропанова⁵ выходят за рамки исключительно литературоведческого анализа, привлекая материал и логику смежных наук, в частности, социокоммуникативистики. Их работы посвящены исследованию литературных школ, направлений и движению литературы в пространстве и времени, и именно в этом контексте выявлено закономерности литературной жизни и анализа творчества писателей,

¹ М. Ю. Берг, *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*, Москва 2000.

² М. Я. Вайскопф, *Сюжет Гоголя. Морфология, идеология, контекст*, Санкт-Петербург 2002.

³ А. К. Жолковский, *Избранные статьи о русской поэзии. Инварианты, структуры, стратегии, интертексты*, Санкт-Петербург 2005.

⁴ А. В. Соколов, *Общая теория социальной коммуникации*, Санкт-Петербург 2002.

⁵ И. С. Скоропанова, *Русская постмодернистская литература*, Москва 2001.

но социокоммуникативный аспект литературоцентризма представлен в них фрагментарно и не является предметом специального рассмотрения.

Анализируя специфику художественной литературы начала XXI в. В контексте развития системы социальных коммуникаций, необходимо обратиться и к работе Б. Парамонова «Формализм: метод или мировоззрение»⁶, который фокусирует внимание на разрыве современной литературы со старыми парадигмами, стилевыми эпохами в развитии литературы, настаивая на эклектичности, плюралистичности, ненормированности, маргинальности и отсутствии стиля в современной литературе и культуре в целом. Исследователь фактически подтверждает постмодернистскую стратегию Ж. Дерриды⁷ и Ж.-Ф. Лиотара⁸. В своей работе ученый приводит признаки новой литературы, в частности, ее принципиальную несхожесть с соцреализмом, внимание к личности и доминирование маргинальных явлений, которые являются современными модификациями общих для переходных эпох и кризисных периодов типологических черт. Смена концепции человека является основным критерием сдвига культурных эпох и отдельных литературных циклов, как отмечали в свое время Д. Лихачев⁹, А. Панченко¹⁰, Л. Гинзбург¹¹.

Необходимо подчеркнуть, что условия развития литературы изменились в постсоветский период. Была отменена цензура, разрушены мировоззренческие, эстетические, ценностные установки, стремительно возник литературный рынок, который раньше отсутствовал. Это было связано с процессами глобального характера: кризисом идеологии, кризисом «великих дискурсов», отменой качественных иерархий. Кроме того, «бумажный» дискурс, книжный и журнальный, был вытеснен телевидением и Интернетом, другими формами массового досуга и культурного потребления. В постсоветском обществе литература перестала быть хранительницей национальной системы базовых ценностей, учебником жизни, властительницей дум. Для него характерно сращение эстетической и рыночной сфер, художественной и проектной деятельности. Судьба произведения зависит не столько от автора, сколько от издателя, СМИ, книжного маркетинга. Исчезли литературные иерархии, поле словесности раздробилось на автономные страты, нет дискуссий, слаба роль литературной критики. Сегодня литература играет роль одной из форм досуга, что не могло не сказаться на жанровых и стилевых предпочтениях, доминировании массовой и популярной словесности. Писатели и критики находят типологическое сходство в типажах и конфликтах досоветской, советской и постсоветской эпох. Новые социальные типажи входят в литературу, мифологизируются, наделяются привычными, универсальными чертами, а у читателя формируется ощущение безопасности. Аналогичны функции облегченных рецепций классики, «новой религиозности»: выполняя психотерапевтическую роль, они препятствуют социальной аналитике, выработке идентичности и новой идеологии.

⁶ Б. Парамонов, *Формализм: метод или мировоззрение*, «Новое литературное обозрение» 1995, № 14, с. 35-53.

⁷ Ж. Деррида, *Письмо и различие*, Санкт-Петербург 2000.

⁸ Ж.-Ф. Лиотар, *Состояние постмодерна*, Москва 1998.

⁹ Д. С. Лихачев, *Будущее литературы как предмет изучения: заметки и размышления*, «Новый мир» 1969, № 9, с. 167-184.

¹⁰ А. М. Панченко, *О русской истории и культуре*, Санкт-Петербург 2000.

¹¹ Л. Я. Гинзбург, *Литература в поисках реальности*, Ленинград 1987.

Социальный статус литературы определяет социальную ценность литературных практик. Смена статуса литературы связана со сменой авторских стратегий, как это и произошло в начале 1990-х годов, когда положение отечественной литературы в социальном пространстве изменилось чрезвычайно стремительно, в то же время в западно-европейской культуре тот же процесс происходил постепенно.

Каждая эпоха имеет определенную парадигму ценностей, установок, понятий. Она состоит из совокупности социальных, экономических и культурных факторов, в которых литература играет роль связи, помогает обществу избежать хаоса.

Мы находимся в конкретном информационно-коммуникативном пространстве, и культура, которая основана на европейской традиции, требует определенного рода рефлексии: осмысления, объяснения. Литература является культурным проявлением нашего времени, а культура – целостное явление, несмотря на расслоение.

Сейчас в коммуникативном литературном пространстве исполняют ряд важных заданий литературно-художественные журналы: демонстрация и репродукция художественных текстов, разъяснение их ценностей, интерпретация этих ценностей, производство и распространение текстов, их оценочная квалификация и рекомендация на правах «литературы» образцов той или иной жанровой природы, стилистического уровня. «Толстые» литературно-художественные журналы представляют собой уникальное в своем роде явление культуры.

По словам Б. Дубина, для конца 90-х годов характерна была резкая фрагментация литературной системы, которая ярче всего проявилась в значительном спаде тиражей «толстых» журналов и подписки на них, что свидетельствовало о разрыве установившихся литературных связей авторов с читателями¹². Между читателями и писателями появились барьеры, изменилось место этих групп в обществе, а значит – изменились культурные ценности.

В современной отечественной литературной системе произошли значительные изменения: сократилась и переформатировалась читательская аудитория; снизился социальный статус литературы; существенно трансформировались ее функции, что нашло отражение в резком взлете читательской популярности жанровой прозы (остросюжетной, мелодраматической, скандально-сенсационной, мемуарной, историко-патриотической), которая стала доступна массовому читателю. Изменилась значимость каналов распространения литературы: роль «толстого» журнала резко снизилась, а издательств – возросла. Другая значительная причина снижения популярности «толстых» журналов – возникновение сети Интернет, которая дает возможность активно доносить тексты до читателей.

Согласно выводам, которые делают исследователи, в частности В. Ильганаева¹³, современный кризисный этап являет свою типологическую схожесть с переходными периодами других эпох, когда время упадка сменялось периодом бурного подъема, насыщения и интенсивного получения информации.

В современных условиях разнообразия читательских вкусов и противоречий книжного рынка тематику изданий можно условно определить таким образом: эротическая

¹² Б. В. Дубин, *Слово – письмо – литература: очерки по социологии культуры*, Москва 2001, с. 89.

¹³ В. А. Ильганаева, *Влияние информатизации на культурогенез современного общества*, «Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія» 2004, № 1, с. 58-62.

литература, историческая литература, произведения классиков детективного жанра, романы ужасов, литература легкого жанра, криминально-бандитская тематика современности, издания произведений, по мотивам которых демонстрировали телевизионные «мыльные» сериалы.

Значительное место среди украинской литературы, которая издается в последние годы, занимают антологии. В начале XXI века издание антологий стало необходимым, поскольку дает возможность опубликовать произведения молодых писателей, познакомить читателя с современной украинской литературой и классическими произведениями. Например, это «Антология украинского ужаса»¹⁴, составителем которой является Василий Пахаренко. Среди авторов, которыми представлена антология, – Григорий Квитка-Основьяненко, Николай Гоголь, Пантелеймон Кулиш, Олекса Стороженко, Иван Франко, Богдан Лепкий, Михаил Коцюбинский, Валерий Шевчук, Юрий Винничук, Станислав Стеценко.

В таком издании, как «Незнакомка: антология украинской „женской“ прозы и эссеистики второй половины XX – начала XXI века»¹⁵ представлены яркие образцы художественной прозы и эссеистики (короткие романы, новеллы, рассказы, притчи, эссе), в которых тесно переплелись изысканная эстетика и философичность, фантазия, эротика и мистика. Эта антология вобрала произведения Веры Агеевой, Эммы Андиевской, Софии Андрухович, Тамары Гундоровой, Оксаны Забужко, Ирены Карпы, Марии Матиос, Соломии Павлычко, Оксаны Пахлевской.

Современная украинская драматургия представлена антологией «в ожидании театра. Антология молодой драматургии»¹⁶. В этот сборник вошли такие произведения современной драматургии, как «Удивительная и поучительная история...» Елены Клименко, «Возвращение в никуда» и «Так и будет» Леси Демской, «Душа моя...» Ярослава Верещака.

Вышла из печати также антология современной украинской поэзии¹⁷. Она представлена такими авторами, как Юрий Андрухович, Наталья Белоцерковец, Юрий Буряк, Николай Воробьев, Василий Герасимюк, Павел Гирник, Василий Голобородько, Анатолий Кичинский, Виктор Кордун, Олег Лишена, Иван Малкович, Тарас Мельничук, Петр Мидянка, Константин Москалец, Виктор Неборак, Игорь Римарук, Тарас Федюк, Владимир Цибулько, Григорий Чубай.

Среди украинских изданий, вышедших в последние годы, критика отметила книгу переводов неоклассика Игоря Качуровского «Мировая поэзия. Круг надземный» и новый роман Марии Матиос «Почти никогда не бывает наоборот». Среди украинских художественных произведений лидирует также «Сладкая Даруся» Марии Матиос издательства «Пирамида», Оксаны Забужко «Вторая попытка. Избранное», «Сестра, сестра» издательства «Факт». Наибольшей популярностью среди читателей пользуются прозаические произведения Марии Матиос, Ирены Роздобудько и Юрия Андруховича, написанные на уровне мировых бестселлеров. Но, все-таки, следует отметить, что произведения современной украинской литературы печатаются малыми тиражами.

¹⁴ *Антологія українського жаху*, упоряд. В. Пахаренко, Київ 2000.

¹⁵ Незнайомка. *Антологія української жіночої прози та есеїстики другої пол. XX – поч. XXI ст.*, Львів 2005.

¹⁶ *У чеканні театру: антологія молоді драматургії*, Київ 1998.

¹⁷ *Сонячні кларнети: антологія української поезії*, упоряд. Д. Чистяк., Париж 2013.

Современный писатель пребывает в положении философа, поскольку текст, который он пишет, произведение, которое он создает, не подчиняются заранее установленным правилам, их невозможно оценить, потому что к ним невозможно применить общепризнанные критерии оценки.

Одной из причин смены культурной ситуации в конце 80-х годов стало проникновение в официальную печать ранее запрещенных текстов, которые со временем стали называться «возвращенная литература», и текстов новых – так называемой «другой литературы». Эти произведения художественной литературы получили новые каналы распространения – через издательства нового формата, сеть Интернет, журналы нового типа, в отличие от советского периода, когда новые актуальные тексты доходили до массового читателя прежде всего через так называемые «толстые» журналы, и этот факт значительно подымал их популярность. Этими авторитетными журналами формировалась также и читательская культура, представления об отечественном и мировом литературном процессе. Но вследствие значительных изменений в политической, экономической и социальной сферах в стране, в частности форм их организации, литературная жизнь также претерпела значительные изменения. Читатель получил возможность познакомиться с произведениями литературы, литературными школами и направлениями, которые ранее не признавались официальной критикой. Возникают новые периодические издания, появляются новые государственные и частные премии, распространяется сетевая литература.

Особенность современного развития художественной литературы определяется тем, что философия объединяется с художественными формами слова и глубже и разносторонне определяет бытие человека. Художественная литература рубежа XX–XXI в. отражает смену культурных парадигм, критический этап поиска мировоззренческих, ценностных, художественных ориентиров. С точки зрения А. Мережинской¹⁸, она пребывает на рубеже эпох и выборе путей дальнейшего развития, вследствие чего к ней сложно применить критерии целостных традиционных художественных систем.

Как часть литературной коммуникативной системы в ситуации отхода от принципа литературоцентризма можно рассматривать литературную критику. Если все сферы производства литературных текстов и их рецепции, которые являются необходимыми элементами коммуникативной системы, могут существовать и в неопубликованном пространстве, то литературная критика ориентирована на публичность, поскольку критика на базе уже существующих текстов, тех, что привлекли внимание, формирует новые произведения.

Необходимо отметить, что до 1995 года литературный процесс разделялся на множество литературных течений, каждое из которых имело внутри определенное количество необходимых для автономного существования приемов. С 1995 года начинается новый этап развития литературы, что отмечается официальным признанием эстетики постмодернизма.

Вместе с тем, несмотря на жанровое и стилистическое разнообразие, можно выделить определенную парадигму литературы современных возможных альтернатив, которая основана на тезисе о включенности данного течения в общий поток постмо-

¹⁸ А. Ю. Мережинская, *Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80-90-х годов XX века: монография*, Киев 2001.

дернистской литературы. Сформировалась следующая классификация литературных течений в современной художественной литературе:

- эксперименты со временем и создание альтернативной истории Украины, Европы и всего мира. Писатель создает альтернативные версии исторических событий и личностей;
- сюжет истории сакрального текста (традиции) и связанного с ним сакрального знания. Этот факт свидетельствует о том, что тексты такого рода основаны на «Имени Розы» У. Эко, произведения, в котором, как известно, представлена возможная версия судьбы «Поэтики» Аристотеля. Кроме того, сюжет судьбы сакрального текста на фоне альтернативной истории свидетельствует о том, что самой важной темой романов является тема истины и ее жизни во времени;
- литература возможных альтернатив – пространство художественной виртуалистики;
- эксперименты с речью, даже создание определенно новой, возможно, альтернативной речи;
- эксперименты с повествованием и авторством, создание своего рода альтернативного – персонажного автора.

М. Липовецкий, обращаясь к истокам формирования нового художественного мышления, подчеркивает, что любая мифология закрывает реальность полностью, исчерпывает всю картину мира, характерную для данного социума: «Разве Библия, Гомер, «Божественная комедия» или «Евгений Онегин» не обнимают собой весь сущий мир, каждый раз делая это по-новому? и разве каждое истинное произведение не выстраивает образную модель всего мироздания в целом?» – пишет исследователь¹⁹.

Рассматривая особенности существования художественной литературы в социально-коммуникативной структуре общества, необходимо подчеркнуть, что художественная литература имеет ценность как источник, который отражает ментальность своего времени; литература отличается свойством фиксировать реальность, чувствовать ее на подсознательном уровне так же, как и настроения, которые существуют в обществе.

Как феномены трансцендентной культуры произведения художественной литературы или их сюжеты, мотивы, образы отличаются способностью к возрождению после периодов забвения. Литературный текст как бы воскресает из небытия, чтобы выполнить свою историческую миссию – быть свидетелем эпохи, социальным документом, который показывает тенденцию через художественную деталь. Рождение текстов художественной литературы, их забвение, а потом через десятилетия, исторические эпохи появление в другом образе является результатом не только простого заимствования сюжетов и образов прошлых культур, но и движением смыслов литературной культуры как определенной мировоззренческой константы, феноменом мировых социальных коммуникаций.

Художественная литература исторически проходит основные стадии развития духовной жизни общества. В своем содержании она отражает специфические особенности этих периодов: на стадии «хаоса» ярко демонстрируя черты этнической ментальности, способствуя консолидации этноса, формируя этническое самосознание; на стадии «среды» проявляет себя как фрагмент массового сознания, активно влияя на формирование общественного мнения; на стадии «сферы» становясь полноценным ее элементом. Это

¹⁹ М. Липовецкий, *Концептуализм и неobarocco. Биполярная модель русского постмодернизма*, «Независимая газета» 2000, 7 сент., с. 3.

дает возможность определить художественную литературу как сложный социокультурный феномен, необходимый элемент духовной сферы жизни общества, который активно взаимодействует с другими составляющими и, определяя его развитие, выступает идентификатором исторических этапов, которые проходит социум в своем развитии.

В настоящее время литература стала частью постмодернистской культуры. В этом контексте исследования Ж. Бодриера, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Ж.-Ф. Лиотара, У. Эко и некоторых других современных исследователей дают возможность понять не только сферу художественного, но и в целом своеобразие социокультурной ситуации и ее отражения в разных областях человеческой деятельности, в частности социально-коммуникативной.

Для нашей страны является характерным исторически сформированный завышенный статус литературы, чрезвычайная роль художественной литературы в общественной жизни, поэтому вытеснение литературы с культурной арены и маргинализация чтения, воспринимаются как трагедия национального масштаба, которая вызывает возмущение носителей отечественной культурной традиции.

Специфика художественной литературы конца XX – начала XXI веков определяется исследователями как отрицание устарелой и мировоззренческой, и художественной парадигмы.

Литература включается в типологический ряд феноменов критических эпох в развитии культуры. Представление о переходной культурной эпохе охватывает как узкий ракурс видения проблемы, так и чрезвычайно широкий в том случае, когда выделяются только два или три этапа в развитии отечественной культуры. Произведения литературы в системе культуры становятся носителями художественных ценностей, которые детерминируют художественное производство и художественное потребление.

Литературный текст, который эстетически вписывается в основу культуры и воплощается в ней в разных интерпретационных формах, формирует разнотипные связи с обществом. Первую группу составляют формообразования, которые содержат прямую эстетическую оценку литературного текста; мнение о нем выражают читатели, критики, историки литературы и исследователи. Другую группу образуют самостоятельные художественные тексты, отличные от первичного текста. Они не могут конкурировать с ними и не отрицают его структурно-смысловую основу; они являются новыми жанровыми образованиями, которые существуют рядом с первичным текстом, но оригинально и независимо от него развивают свое собственное художественное бытие.

Понятие развития и эволюции дают возможность группировать последовательность разрозненных событий, связывать их единым принципом организации. Именно художественная литература дает возможность объединить указанные элементы.

Необходимо подчеркнуть, что мировой литературный процесс развивается неравномерно в силу социально-исторических причин. В одних культурах он выступает в роли литературного лидера, а в других – пребывает на стадии формирования или даже еще не возник.

Теория цикличности развития культуры объясняет сущность современной культурной ситуации – сегодня искусство в целом и литература в частности пребывают на качественно новом этапе своего развития.

Художественная литература определяет основные дискурсы, которые приняты в данном обществе норм, стереотипов, мифов, и которые поддерживают его стабильность.

Культурно-историческая динамика постоянно изменяет взаимную конфигурацию этих сфер и границы между ними. Поэтому место художественной литературы в обществе определяется:

- а) процессами социокультурной и когнитивной переходности современной культуры;
- б) возникновением и развитием новых семиотических явлений, которые влияют на характер и функционирование знака.

В этом связь «литература и общество» опирается на давние и теперь уже не актуальные философские определения литературы как выражения или отражения духа своего времени, современной общественной жизни.

На современном этапе существования культуры слово все чаще подменяется информацией, как определенным образом сложноорганизованным словесно-знаково-кинетически-аудиальным потоком, который, в свою очередь, неуклонно организует и характеризует сознание медиатизованной культуры и человека. Смена картины мира влияет на большинство уровней художественной системы литературы, как таковой. Литературный текст, который рассматривается в контексте культуры, стал играть роль интеллектуального модератора интерпретационной деятельности, в которую были включены участники коммуникативного акта, то есть Адресант, Адресат, Наблюдатель.

Художественная литература как составляющая культуры дает возможность человеку осознать мир в его разнообразии, осознать ценности бытия, подняться до общечеловеческого и личностного. Как ценностное явление культуры она раскрывает смыслы бытия человека, который живет в определенном времени и пространстве, способы его существования в мире и духовного самоопределения в нем.

Именно эффекты социальных коммуникаций лежат в основе таких явлений культуры, как синтез культурных традиций, художественный синтез, взаимодействие жанров, стилей. Коммуникативная природа лежит в основе феномена интертекстуальности как художественного приема, как способа прочтения текста, его организации, основанной на взаимодействии художественных кодов разных видов искусства.

Все эти процессы дают право сделать выводы, что с конца XX века в литературе начинается новый этап, который дает начало новому литературоцентризму.

Olga Belichenko (Sloviansk)

Literature and literature-centrism in the condition by the formation social-communication space

S u m m a r y

The article examines the issues of formation social-communication space and literatures flow in the late XX – early XXI centuries. The article deals with an investigation literature fiction within the context of the formation of the postmodern cultural paradigm with its crisis with respect to the aesthetic world outlook.

Key words: literature fiction, social communication.

Нина Беляева
Киев

Жанровые контексты авторефлексивной нелинейности: «Поп-арт роман» Олега Сивуна *Brand*

Разновидности нелинейного романа в русской прозе последних десятилетий (в частности, *Бесконечный тупик* Дмитрия Галковского, *Жизнь насекомых*, *t* и другие произведения Виктора Пелевина, *Венерин волос* Михаила Шишкина) формируют собственную жанровую парадигму, в состав которой входит и автоинтерпретация жанра, в каждом конкретном случае задающая параметры моделируемого текста. В определенном смысле, можно говорить об аналогии данного жанрового явления и «коммуникационного вектора» как второй разновидности «трансформации парадигмальных установок постмодернизма на современном этапе его развития», что составляет феноменологию «After-postmodernism»¹. «Поп-арт роман» Олега Сивуна *Brand*, журнальный вариант которого (с купюрами) был опубликован в десятом номере «Нового мира» за 2008 год, составляют двадцать шесть пронумерованных «главок», в соответствии с алфавитным порядком английского языка: «1. Andy Warhol», «2. Barbie», «3. Coca-Cola», «4. Dolce & Gabbana», «5. Esquire», «6. Ford», «7. Google», «8. Home Box Office», «9. IKEA», «10. Jameson», «11. Kodak», «12. Lufthansa», «13. McDonald's», «14. Nokia», «15. Orbit», «16. Putin», «17. Quelle», «18. Ray-Ban», «19. Sony», «20. Tour de France», «21. USA», «22. Visa», «23. Wal-Mart», «24. Xerox», «25. Young & Rubicam», «26. Zentropa». Каталог «брендов», структурирующий текст, претендует на оформление специфической модели «художественного видения-отражения действительности» и, в силу демонстративной квазикультурологической иерархичности, соотносится со «скалярной моделью» в типологии, разработанной Людмилой Шевченко². Анна Мережинская помещает роман в ту группу нелинейных произведений, для которых характерна именно «каталогизация мира-хаоса» как стратегия его программного оформления (кроме романа Олега Сивуна, также *Иронический*

¹ Постмодернизм. Энциклопедия, ред. А. Грицанов, М. Можейко, Минск 2001, с. 8-9.

² Л. Шевченко, *Динамика моделей художественного видения-отражения действительности в русской и русскоязычной прозе о современности рубежа XX–XXI веков: Кн. первая*, Киев 2009, с. 35-36.

словарь *Empire V* Александра Балода, *Русский и Цзин* Владимира Тучкова)³. Несомненная принадлежность романа к нелинейной разновидности требует дальнейшей контекстуализации в отношении соответствующей парадигмы. В частности, актуализируется проблема «хронотипологии»⁴ русских версий и стадий «поп-арта»⁵ и постмодернизма как разновидностей неклассического в современной русской литературе. Так, Сергей Кибальник иронизирует, предлагая считать поп-арт «завершающей стадией» русского постмодернизма, выделяя элементы поп-арта в произведениях Виктора Пелевина *Generation П*, *ДПП*, *Священная книга оборотня*⁶. Принадлежность *Brand'a* к периоду «позднего» постмодернизма, постпостмодернизма в очередной раз предопределяет необходимость «вписывания» его в систему авторефлексивных моделей, что является одной из общетипологических закономерностей зрелой стадийности.

Жанровое определение «поп-арт роман» является одной из эксплицированных инструкций для читателя, поскольку оно выведено в заголовочный комплекс и тем самым отнесено автором к числу «пороговых» паратекстуальных элементов, в терминологии Жерара Женетта⁷. На первый взгляд, налицо соблюдение конвенции поп-арта («поп-литературы» соответственно): обнажение структуры из готовых элементов («бренды», «товары», точнее их «товарные знаки», симулякры и симулякры симулякров), банальных объектов массового потребления (кукла Барби, кока-кола, жевательная резинка, виски, глянецовый журнал, каталог товаров, солнцезащитные очки и т.д.), которые и остраиваются (остраивание реализуется визуально – бренды не только в названиях фрагментов, но и в тексте систематически обозначаются по-английски – *Coca-Cola*, *Putin*, *USA*, что сигнализирует намеренное различие товара и бренда, разрыв между «вещью» и ее визуально/медийной проекцией), и комбинируются по законам рекламы, вызывающей противоречивое недоверие своей тотальностью. Конвенция поп-арта предполагает также протестную реакцию как компенсирующий фактор рецепции, и как раз этот аспект романа позволяет наметить специфику его авторефлексивности.

Субъект-повествователь эксплицирован в форме первого лица только в «пунктуме», своеобразном автокомментарии к каждому бренду, причем его автохарактеристики подчинены «брендовой» структуре: в каждом случае сообщается «отношение» к соответствующему бренду («у меня есть», «я люблю», «мне нравится», «мне не нравится» и т.д.), с ним соотносится квазивременная и квазипространственная организация всего текста. Так, о родителях и детстве повествователя сообщается в связи с брендом «*Quelle*», поскольку его прошлое связано с работой родителей в Восточном Берлине. Из основных потенциально «протестных» стратегий поп-арта – примитивизм, обсценность, эксцентрика, – последовательно реализуется только примитивизм, как в «селективном» («отбор» брендов), так и в комбинаторном (алфавитный порядок, внешнее

³ А. Мережинская, *Каталогизация мира-хаоса в русском нелинейном романе 2000-х гг.*, в: *Русская литература. Исследования: Сб. научных трудов*, Киев 2011, с. 79.

⁴ Н. Маньковская, *Феномен постмодернизма: Художественно-эстетический ракурс*, Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, Москва–Санкт-Петербург 2009, с. 391.

⁵ *Постмодернизм. Энциклопедия*, с. 557-558.

⁶ С. Кибальник, «*Постмодернизм мертв, а я еще нет...*»: (Поп-арт как завершающая стадия русского постмодернизма), в: *Постмодернизм: что же дальше (Художественная литература на рубеже XX–XXI вв.)*, Москва 2006, с. 277-290.

⁷ G. Genette, *Seuils*, Paris 1987, с. 98.

единообразие выстроенности каждого брэнда), и в трансформационных принципах. Но примитивизм эксплицированный вступает в романе в сложное соотношение со скрытыми за банальным набором «рэди-мэйд» объектов тревожными сигналами, срабатывающими безотказно: слишком уж покорен «брэнд»-субъект своему материалу, уж так некритичен и поверхностен, что немедленно привлекает внимание к пресловутым «отсутствующим структурам», точнее – именно к соотношению принципиально обезличенных (внешне) структурных уровней с загадочной выверенностью общей схемы, от заголовочных элементов до использования шрифтов. Совокупность паратекстуальных элементов романа (заголовочный комплекс, оглавление, эпиграфы, структурирование каждого «брэнда» по единому образцу с внутренней рубрикацией) формально жестко систематизирована, а семантически представляет аллегорическую картинку постинформационного общества, точнее той его «программы», «суммы идеологии», которую оно навязывает. Системность пороговых паратекстуальных элементов обеспечивается рядом проблемно-тематических соответствий на нескольких уровнях.

Во-первых, это общий эпиграф к роману из «книги» Энди Уорхола как одного из признанных «отцов» поп-арта, *Философия Энди Уорхола (От а к Б и наоборот)*: «Недавно одна компания заинтересовалась приобретением моей “ауры”. Мои произведения им были не нужны. Они только говорили: “Нам нужна ваша аура”. Я так и не понял, чего они хотели. Но они были готовы заплатить большие деньги. Тогда я подумал, что, если люди готовы столько за “это” заплатить, надо бы мне постараться выяснить, что это такое.

Я думаю, “аура” – это то, что видно только другим людям и они видят столько ауры, сколько захотят»⁸. Во-вторых, это первый из «брэндов» – «Andy Warhol», как и положено в эпоху безграмотных электронных каталогов, помещенный на букву «А». В-третьих, это один из сквозных мотивов – вплоть до буквы «Z»: «То, что вы здесь увидели, не было путем от живописи к кинематографу, от статики к движению, от Andy Warhol’a к Zentrop’e, это была подборка пустот на произвольную тему от а до Z» (с. 254).

Принцип алфавита-каталога, неоднократно обыгранный в романе, соотносит его с многочисленными версиями применения каталогизации в литературном произведении как в виде частного приема (*Илиада*), так и в качестве основы композиции, что характерно для искусства эпохи барокко и актуализируется в постнеклассике. Постнеклассические версии, уже в первых своих реализациях, предполагают иронию по отношению к возможности упорядочивания хаотического, и по мере развития различных форм неклассического искусства ирония становится «цитатой». Так, например, в художественной практике русского концептуализма цитатный характер приема реализован в перформансе Гриши Брускина *Good-bye, USSR*, поставленном в 2003 году во Франкфурте-на-Майне во время книжной ярмарки с участием «Автора-распорядителя» (Гриша Брускин), «Голема» (Дмитрий Пригов), «Поэта» (Лев Рубинштейн), частью которого является «обучение» Голема «азбуке», составляющей «алфавит» «Азбучные истины»⁹. Эпиграф «Азбучных истин» является атрибутированной цитатой – эпигра-

⁸ О. Сивун, *Brand: Поп-арт роман*, Москва 2009, с. 7. (Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках).

⁹ Г. Брускин, *Перформанс «Good-bye, USSR» (Приблизительный сценарий)*, с. НЛО, № 87, 2007, с. 311-315.

фом к роману Владимира Набокова *Дар*, цитирующем *Учебник русской грамматики* Петра Смирновского. В свою очередь, «поп-артизм» данного романа претендует на метафорическую аналогию: от поп-арта (альфы) до подборки пустот (омеги) как «пути» современного романа. Итак, перед нами если не метароман, то, по выражению Александра Михайлова, роман, стремящийся стать своей собственной теорией¹⁰. Программная постмодернистская причастность этой теории эксплицирована в ряде эпиграфов (Брет Истон Эллис, Славой Жижек, Ролан Барт, Дуглас Коупленд, Уильм Берроуз, Фредерик Бегбедер, Жан Бодрийяр, Мишель Уэльбек и другие культовые «брэнды» постмодернистского дискурса), а также в аллюзивных рядах «круга чтения» субъекта повествования.

В качестве отправной точки анализа предлагается «пустота» под номером 10 – «Jameson». Хотя данная позиция посвящена «брэнду» одного из популярных (но не самого продаваемого) марок ирландского виски, постмодернистское прочтение допускает каламбурную аллюзию „Jameson“/ Jameson / Джеймисон = Фридерик Джеймисон. Из всего фундаментального наследия теоретика постмодернизма для данного анализа самыми продуктивными являются тезисы о специфике картины мира «позднего капитализма», точнее, о ее дискретности, и о «разоблачительном» характере формы по отношению к содержанию¹¹.

«Невозможность» картины мира как целостности является предпосылкой пресловутой постмодернистской децентрации, децентрированного субъекта и децентрированного дискурса. В свою очередь, децентрированность усиливает структурность, точнее, структура как форма, в отсутствие целостного смыслообразования, компенсирует «слабость» денотата и «подсказывает» ключи к дешифровке текста.

Роман Олега Сивуна «подчиняется» этой логике за счет разительного контраста между «пустотой» «содержания» всех 26 «брэндов», расположенных по английскому алфавиту, и программно-претенциозным набором эпиграфов. Каждый из пронумерованных фрагментов-фракталов структурирован по единому образцу. Порядковый номер, номен, эпиграф, «Factum», «Punctum», «Soundtrack», «Bonus», включающий «Packshot» и слоган. Единообразие фрагментов подчеркивает ритуализованную формализованность брэндов, которая дополняется их «наполнением»: так, фактум – «историческая справка», пунктум – субъективизация бренда по модели «я люблю / не люблю», «мне нравится / мне не нравится», саундтрек – популярная аудиоединица, бонус – вербализованная версия мультимедийного ряда. «Пустота» позиций постулируется в первом же фрагменте «Энди Уорхол»: «[...] Произведения современного искусства вовсе не обязательно слушать, смотреть или читать, достаточно знать концепцию. Многие ли слушали »4,33« Джона Кейджа? Я вот не дочитал *Улисса* Джойса. А кто дочитал?» (с. 19). В большинстве случаев этот принцип субъектом повествования выдерживается, так что сразу вспоминаются и Чичиков, образца второго тома *Мертвых душ*: «Ну, вряд ли выберется такое время. Вот я выучился грамоте, а *Графиня Лавальер* до сих пор еще не прочитана»¹², и Никифор Ляпис, герой *Двенадцати стульев* Ильи Ильфа и Евгения Петрова, защищавшийся от упреков в неве-

¹⁰ А. Михайлов, *Роман и стиль*, в: *Теория литературы*, т. 3, *Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении)*, Москва 2003, с. 337.

¹¹ Ф. Джеймисон, *Постмодернизм, або Логіка культури пізнього капіталізму*, Київ 2008, с. 357.

¹² Н. Гоголь, *Мертвые души: Поэма*, в: Н. В. Гоголь, *Собрание сочинений*, в 7 т., т. 5, Москва 1985, с. 293.

жестве тем, что «не обязательно всюду быть»¹³ (чтобы об этом писать), поскольку они «знали концепцию».

Повторяемость структурирования отдельных «брэндов» (и игра с содержательной формализацией) напоминает пушкинскую критику Дум Кондратия Рылеева за их однообразие: историческая справка, пейзаж, монолог героя, мораль и т.д. Повторяемость в романе Олега Сивуна как прием, отражающий бесконечную вереницу «копий», обнаруживает свой программный характер с помощью эпиграфа-подсказки к первому фрагменту на букву А, из Вальтера Беньямина: «Отчужденность человечества от самого себя достигла уже такого уровня, что оно может переживать свое собственное уничтожение как эстетическое удовольствие высшего класса» (с. 9). Автор знаменитого эссе *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости* также на формальном уровне утверждён в романе как один из метатекстуальных «инструкторов».

В системе эпиграфов наличествует вариант программной автоцитации: эпиграф к 24 фрагменту «Хегох» взят из самого же романа Олега Сивуна и является одновременно и квазиэпиграфом. «Цитируется», точнее «копируется», поскольку фрагмент посвящен ксероксу, как раз фрагмент «Andy Warhol», тем самым фиксируется начало текста как сильная позиция. В то же время авторефлексия усиливается за счет иронии – как источник цитаты – эпиграфа к главе романа – роман сам попадает в число брэндов, к которым относятся все источники эпиграфов, как и все названия главок.

Другая сильная позиция – окончание текста – симметрична ей, поскольку в каламбурном 26 фрагменте «Zentropa» (название датской киностудии) говорится о потере «ауры» современным кино. «Аура» – центральный мотив эпиграфа к роману из Энди Уорхола (также снимавшего фильмы). Здесь же эксплицируется особый статус формы: «Избегать смысла очень важно, но также важно время от времени к нему возвращаться. Самое сложное – это разложить по полочкам все то, что вокруг нас. Когда это удастся, то хаоса становится немножко меньше. Но это только что касается формы. Хаос содержания неизживаем и неискореним. Этот хаос всегда будет ускользать от смысла, он всегда будет впереди нас, потому что весь мир ничем не контролируется, кроме нашего сознания, а наше сознание лежит в руинах супермаркета. Все, как всегда, только за деньги» (с. 254).

Децентрация картины мира компенсируется жесткими фреймами брэндов, децентрация дискурса – алфавитным порядком произвольных пустот и матричным набором позиций. Джеймисон связывает децентрированный дискурс с децентрированным субъектом, характеризуя «стиль» «позднего капитализма» как пастиш в его специфической стилиевой стертости, программной для постмодернизма. 25 фрагмент «Young & Rubicam» («крупнейшее в мире рекламное и маркетинговое агентство») в своем пункте содержит авторефлексию, один из сквозных мотивов романа: «в общем, я не знаю, кто я есть на самом деле и есть ли я вообще. Мне хочется найти что-то свое личное, но, видимо, это невозможно» (с. 244).

Децентрация субъекта – основа пародийности романа, его деструктивно-конструктивный метод. Кроме очевидных, говоря терминами интертекстуального анализа, атрибутированных аллюзий (Вальтер Беньямин, Ролан Барт, Брет Истон Эллис, Дуглас Коупленд, Мишель Уэльбек, Фредерик Бегбедер), принцип «изнашивания стилисти-

¹³ И. Ильф, Е. Петров, *Двенадцать стульев*: Роман, Москва 1995, с. 319.

ческой маски» в *Брэнде* ориентирован и относительно заданной определением «поп-арт роман» генологии как генеалогии. Маркерами данной процедуры выступают эпиграф к 3 фрагменту «Coca-Cola» из Славоя Жижека: «Мы пьем ничто, чистое подобие свойств, эффективно служащих упаковкой пустоты» (с. 30); первая фраза пункта: «Америка не была бы Америкой, если бы там не было кока-колы». Наконец, 21 фрагмент «USA», с эпиграфом из Бодрийяра: «Америка представляет собой гигантскую голограмму в том смысле, что информация о целом содержится в каждом из ее элементов» (с. 199). В пункте фрагмент заканчивается так: «Не надо никуда ехать, чтобы узнать, что такое USA, нужно просто в очередной раз включить телевизор или пойти в ближайший магазин. Жан Бодрийяр мог бы сказать, что баночка Coca-Col'ы, стоящая в супермаркете где-нибудь в Екатеринбурге, вбирает в себя весь смысл и всю суть USA. Нужно только присмотреться» (с. 207).

Славой Жижек (*The Sublime Object of Ideology*), теоретик «цинического разума», в данном случае привлекается для актуализации техники «сверхотождествления» субъекта с «идеологическими знаками» (текстами лозунгов, сценариями ритуалов), их формально точного, автоматического воспроизводства, «как это принято в официальной практике самой системы». «Сверхидентификация» - эксплицитно ведущая техника маскировки в романе Олега Сивуна. Субъект повествования упоенно потребляет брэнды, чтобы продуцировать роман *Brand*. Результат вполне соответствует аналитике Жижека: абсурдность «символического ряда» «идеологии» брэндов самообнажается, что еще усиливается за счет постоянных саморазоблачений (я люблю кодак, но не люблю фотографировать, вот несколько моих любимых режиссеров, чьи фильмы я не видел вообще или видел только по одной картине). Структура, связывающая кока-колу, «Америку» и технику сверхотождествления, - структура изнашивания стилистической маски: вместо идеологии – реклама, вместо искусства – брэнды, но роман *Brand* - это маска, доведенная до абсурда. Подобный путь типичен для русского постмодернизма, «буквализация стратегий» и «тем самым доведение их до абсурда» как раз и является «одним из проявлений иронической саморефлексии»¹⁴. По-видимому, такая высокая степень буквализации стратегий может рассматриваться и как проявление одной из важнейших для русского постмодернизма традиции концептуализма, в данном случае контаминированная с поп-артом. «Форма» (эпиграфы) в очередной раз ориентируют пастиш на поиск отсутствующей «нормы», в том числе и стилистической.

19 фрагмент «SONY» содержит эпиграф из Фредерика Бегбедера: «А ну-ка, мальчик, поздоровайся с камерой, это твоя единственная подружка». «Камера» также относится к числу сквозных мотивов-метафор (кодак, сони, камера в бонусе заключительного фрагмента о «киностудии» Центропа, камера в телефоне, «камера» как каламбурная версия комнаты-камеры и т.д.): «Я думаю, если у тебя есть камера, то у тебя уже нет глаз. Твоими глазами становится камера [...] Твоя голова становится кассетой, на которую записывается твоя жизнь. Моя голова давно стала печатной машинкой, поэтому совмещение может быть опасно» (с. 187). «Телевизоры, проигрыватели дисков, компьютерные игры – это легализованные наркотики – кокаин для всех. Но если кокаин меняет только нашу оценку реальности, то телевизор изменяет еще и наш язык. Мы теперь говорим как дикторы в новостях или как герои мультфильмов. Нет никакого смысла пытаться что-то сказать на другом языке – тебя не поймут.

¹⁴ А. Мережинская, *Русская постмодернистская литература*, Киев 2007, с. 180.

Я знаю, что бы я ни сказал, это уже было в »Симпсонах«. Они добрались даже до Томаса Пинчона.

Они убили Кенни! Сволочи!

Наркотики – это плохо. Пьяненько?» (с. 188). Обе версии дискурсивности «дикторы в новостях»/ «герои мультфильмов», эти актуальные метанарративы (соположенные за счет общей для них «тотальности», идеологизированности, медийному происхождению и обусловленному им же сверхшаблону), используются как «язык-объект» в терминологии Ролана Барта, метаязыком по отношению к которому оказывается и структура романа, и «эффект-субъект» повествования – маска, изнашивающая себя еще до акта рецепции, поскольку она априори становится объектом пастишизации. Закономерным выглядит и вариант «воскрешения субъекта» в результате такого изнашивания, как программный для позднего постмодернизма, или ситуации «после» постмодернизма. Механизм возможного воскрешения, увы, предreshen той же схемой, которая программирует и «смерть Бога» (цитируемый в романе Ницше), и смерть субъекта (навязчиво упоминаемый Ролан Барт), и смерть языка (зашифрованный в каламбуре Фредерик Джеймисон), в полном соответствии с психиатрическим подходом. Это апофатика, описание через отрицание, которым антироман указывает на возможную модель романа, язык Симпсонов – на обретение собственного языка, брэндомания и брэндофилия на брэндофобию и брэндологию и т.д.

В отношении романного моделирования, своеобразного апофатического метанарратива в анализируемом тексте бинарность организует буквально все уровни – от «политического бессознательного» до «визуализации» как стратегии, наиболее адекватной в условиях «общества спектакля» и «шоу-власти». В частности, это касается многих романских категорий, точнее, их мнимого отсутствия. Прежде всего, это герой-персонаж, о неизбежности уничтожения которого так много говорил Аллен Роб-Грийе, обоснованно включенный Ольгой Богдановой в знаковый для русского постмодернизма западный контекст¹⁵. Классик французского и мирового нового романа выступает как эксплицированная «ролевая модель», к художественному опыту которого Олег Сивун неоднократно апеллирует в интервью, (тот же Роб-Грийе прибегал к приему отсутствия номинации персонажа – обращаясь-де к самому себе, имени не нужно): «Наша современность – это скорее эпоха регистрационного номера»¹⁶. Кроме того, отсутствие имени у героя-рассказчика коррелирует с подменой имени вещи названием брэнда, нэймином, что в свое время проанализировал Жан Бодрийяр в ранней книге *Система вещей*; Бодрийяр – источник цитаты-эпиграфа к брэнду «USA».

Намеренно проблематизируется традиционный романский психологизм, в частности, это неоднократно отмеченный как «любимый» желтый цвет повествующего субъекта; вообще, «наивное», но не «естественное» сознание – пожалуй, важнейшее открытие *Брэнда*. Использование цвета в визуальной культуре общества потребления, как и стратегию намеренной инфантилизации сознания потребителей, и не верящих рекламе и надеющихся на нее, как на «Деда Мороза», так же рассматривал Бодрийяр.

¹⁵ О. Богданова, *Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XXв. – начало XXI в.)*, Филологический факультет С.-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург 2004, с. 10.

¹⁶ А. Роб-Грийе, *О нескольких устаревших понятиях*, в: А. Роб-Грийе, *Романески*, Москва 2005, с. 540.

Подвергается игровой деформации фабульно-сюжетный уровень, говорить о котором можно только с учетом художественного опыта новороманистов и нелинейного романа как минимум.

Контрастирует с привычным пониманием «идеология», место которой в романе давно занял каталог «Квелле». Вообще, принцип каталога – один из ключей, актуализирующий не только «ролевого» Аллена Роб-Грийе с его «шозизмом» (в *Системе вещей* Бодрийяр приводит в качестве примера роман Жоржа Перека *Вещи*), и не только опыт новороманистов, но и их предшественников – футуристов, сюрреалистов, в поэзии – Жака Превера, автора *Onusi (Inventaire)* и *Завтрака (Dejeuner du matin)* и т.д.

Язык повествователя анафорически выдвигает предикат «я думаю» – абсурд с точки зрения постмодернистского, вообще авторефлексивного дискурса. Остап Бендер говорил Шуре Балаганову, когда тот злоупотреблял выражением «я думаю»: «Как ваша фамилия, мыслитель? Спиноза? Марк Аврелий? Жан Жак Руссо?»¹⁷. Руссо для процедур контекстуализации очень важен, поскольку *Brand* – пастишизированный роман воспитания, перебирающий концептологию не только новейшего, но вообще Нового времени: от Просвещения с его интересом к роману как личностному повествованию; как от Руссо, высмеивавшего блага цивилизации, поднявшего вопрос о свободе личности, «правах» «природы» против «конвенции»; так и от Дидро, постулировавшего «общественную проблематику» вместо «трагедии», прозу вместо поэзии, ситуативную драму вместо драмы характеров, всего комплекса «французского» фрагмента «мещанского» и «молодежного» бунта. Нашедшая продолжение в немецкой версии «романа воспитания», эта линия акцентирует «неразрешимые» проблемы молодости, права чувства наперекор рассудку, свободу воображения, таинственность, изменчивость мира вместо классицистического спокойствия и простоты и т.д., вплоть до романной концепции Александра Пушкина с его приговором «современному человеку», «с его безнравственной душой, себялюбивой и сухой, мечтательно преданной безмерно, с его озлобленным умом, кипящем в действии пустом» в *Евгении Онегине*¹⁸.

Перечень трансформированных авторефлексивностью уровней романной организации можно было бы продолжить также за счет других параметров формируемой картины мира, специфики временной организации, вариативности нарративных техник.

Жанровое моделирование «поп-арт романа» в *Brand'e* Олега Сивуна реализует видовую константу романа как самосознающего и самоотрицающего жанра с соблюдением большинства дифференциальных конвенций. В частности, «самоотрицание» реализуется в намеренной гибридации романа и визуальных искусств как маркера современной ситуации «общества спектакля», «шоу-власти», в котором традиционно литературоцентризму давно предписана «децентрация». Проблематизация преобладания визуального над ментальным входит в конвенцию повествовательной маски автора, поэтому стратегия самоотрицания оказывается жанрово продуктивной.

Конструирование повествовательной маски наивного, но не «естественного» человека, субъекта повествования как принципиально произвольного каталога брэндов остраивается на уровне пороговых, паратекстуальных элементов, титрологии и эпиграфологии, инструктирующих читателя парадигматически. По оси синхронии парадигма

¹⁷ И. Ильф, Е. Петров, *Золотой теленок: Роман*, Москва 1995, с. 15.

¹⁸ А. Пушкин, *Евгений Онегин*, в: А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*, т. 6, Москва 1937, с. 148.

подключает глубинные структуры «политического бессознательного» эпохи «позднего капитализма», после постмодернизма, а по оси диахронии уходит в бесконечность, с инструктивными метами в связи с этапными явлениями. Кроме тех, которые уже были названы, программный характер устанавливается для подуровня категории «модерн», что в очередной раз требует тщательного соотнесения концепции Фредрика Джеймисона с соответствующими закономерностями русского постмодернизма и также является метатекстуальной инструкцией текста, в которой нет ничего случайного.

Ницше, Джойс, Томас Элиот, Кафка, Камю и весь набор «агона» модернизма и постмодернизма под знаком такой традиционной черты романа, как современность тематики, верифицирует процедуры романного самообновления. «Современность» противостоит актуальности, но и питается ею. Актуальность *Brand'a*, написанного по материалам за 2005–2006 годы, сегодня вообще условна – роман «докризисной» эпохи выглядит злой иронией по отношению к некоторым из использованных брэндов. Современность его оправдывается зафиксированной каталогом брэндов погоней за актуальным, новым и новейшим или, по крайней мере, тем, что за таковое выдается.

Провозгласив программную деидеологизацию своего романа, Аллен Роб-Грийе радикализует романную идеологию. «Ролевая» форма «нового романа», по версии Роб-Грийе, определяет двойное прочтение, точнее неодноплоскостное понимание такой жанровой конвенции. Эта глубинная структура подвергается в романе *Brand* пастишизации. Намеренно сводя отношения с миром к набору раздражителей и реакций на них, «изнашивая стилевую маску» вдохновенного потребителя, имплицитный автор восстанавливает мощный механизм контридеологии, сопротивления кажущейся хаотичности, игровому триумфу, намекая на жертвенную роль потребителя брэндов, сознание которого «лежит в руинах супермаркета» (с. 254). *Брэнд* – это и есть идеология общества спектакля, но это прежде всего визуальная его составляющая, со своей специфической эстетикой, иронично определенной как «поп-арт»¹⁹ и намеренно перенесенной в романский жанровый контекст русской и мировой литературы. Эстетика словесного творчества, остранинная по законам пастишизации, эксплицитно ориентирована на алфавит (английского, точнее американского английского языка), слоган и «призыв» к языку русскому. Это функциональный аналог лирических отступлений в *Мертвых душах*, причем возможен и жанровый параллелизм: «поэма» / «поп-арт роман»; поскольку и то, и другое программные жанровые эксперименты, чьи вызовы в действительности ориентированы не только в будущее жанрового моделирования, но и осмысливают разнородные жанровые традиции. «Поэма» – эпос о всей Руси, эпос комический, остраивающий авантюрную фабулу и лирические отступления, фиксирующие жанровый разлом. «Роман», в котором литература – это или «книжки»-предметы, или эпиграфы, надтекстовые элементы, и поэтому требующий от читателя сознательной ре-каталогизации собственного сознания.

Как и все другие уровни организации текстуального пространства, и метатекст, и автометатекстуальность романа *Brand* ориентированы на три основные стратегии-функции: «художественный эксперимент», «тотальную иронию» и «пародирование». «Антижанровая» стратегия «антиромана» *Brand* свидетельствует о ревалоризации жанра. Метатекст романа отражает отрефлексированные интертекстуальные конвенции постмодернизма как с позиции дихотомии метаязык / метаречь, так и с позиции взаи-

¹⁹ Постмодернизм. Энциклопедия, с. 557-558.

модействия эксклюзивного и стереотипного аллюзивного коннекта, формирующегося на уровне символов авторского субъекта (названий, глав, цитат, аллюзий, прибоижающих по своей регулярности и предсказуемости пародийной гипертекстуальности). Собственно брэнды – стереотипный, точнее вдвойне стереотипный коннект, так как они – не собственно брэнды, а объединенные авторской маской банализованные копии децентрированной действительности. Эксклюзивный коннект – весь опыт самосознающего сознания, его литературно-письменная романная версия, реконструкция которой гарантирует «воскрешение» читателя (на языке, точнее, метаязыке романа – обретение ауры, аналог гоголевской категории души) и дополняет оцифрованную версию романной бинарности такой важнейшей национальной доминантой русской литературы, как полилог автора, текста и читателя.

Nina Belyayeva (Kiev)

Genre contexts of autoreflective non-linearity: Oleg Sivun's "pop-art novel" ***Brand***

S u m m a r y

In his *Brand* (2008) modern Russian writer Oleg Sivun modelled a programme of "pop-art" novel genre which is contextualized in the article with some Russian postmodernist autoreflective strategies. The relationship between the 'catalogisation' of brands and non-linear novel's poetics is demonstrated.

Key words: pop-art novel, metatextuality, intertextuality, genre modelling, non-linear novel.

Joanna Nowakowska-Ozdoba
Kielce

Motywy demonologiczne w małej prozie romantyków rosyjskich

Diabeł jest bohaterem literackim o starym rodowodzie. [...] pojawiał się bezustannie, w różnych postaciach i w różnych funkcjach, we wszystkich literaturach świata.

Maximilian Rudwin

Tajemnica upostaciowanego zła, demon, jest niezwykle produktywnym toposem literatury, wykorzystywanym do prezentacji różnorodnych ujęć antropologicznych, społecznych i kulturowych. Wielorakość wyobrażeń diabła zależy od odmienności problemów i zainteresowań charakterystycznych dla danej epoki. Jak słusznie zauważył Maximilian Rudwin:

Diabeł nigdy nie opuszczał świata literatury [...] był obecny na każdym etapie literackiej ewolucji [...] Istnieje tyle rodzajów diabłów, ilu jest ludzi piszących o nich. Historyk literatury znajdzie diabły fascynujące i przerażające, potężne i malownicze, poważne i żartobliwe, patetyczne i komiczne, fantastyczne i satyryczne, straszne i groteskowe¹.

W okresie romantyzmu wyraźnie nasiliło się zainteresowanie złem, szatanem, ukazywanym w sztuce pod różnymi postaciami. Sprzyjało temu charakterystyczne dla epoki przekonanie o dualnej istocie świata i toczącej się w nim odwiecznej walce dobra ze złem, wiara w istnienie ukrytych, tajemnych mocy działających destrukcyjnie na świat widzialny. Dlatego też motywy demonologiczne pojawiały się często w utworach romantyków. Obfitowała w nie również literatura rosyjska.

W badaniach literaturoznawczych tematyka demonologiczna występuje dość często. Zarówno w ogólnych opracowaniach poświęconych problematyce zła w literaturze, jak i w pracach dotyczących literatury romantycznej, a także w szczegółowych analizach twórczości poszczególnych pisarzy. Najbardziej znane są monografie: *Zmysły, śmierć i diabeł w literaturze romantycznej* Maria Praz² oraz cytowana wcześniej *Diabeł w legendzie i literaturze*

¹ M. Rudwin, *Diabeł w legendzie i literaturze*, Kraków 1999, s. 304.

² M. Praz, *Zmysły, śmierć i diabeł w literaturze romantycznej*, Gdańsk 2010.

Maximiliana Rudwina. Problemom tym poświęciła również dużo uwagi w swych pracach Maria Janion³.

W bogatej literaturze naukowej poświęconej romantyzmowi rosyjskiemu wielokrotnie była podejmowana problematyka demonologiczna słynnego poematu Lermontowa *Demon* czy *Damy pikowej* Puszkina. Nie mógł jej też, oczywiście, ominąć żaden badacz twórczości Gogola, a jest ich wielu: Jurij Mann, Jurij Łotman, Aleksander Rewiakin, Walerian Pieriewierzew, Michaił Chrapczenko, Irina Kartaszowa, Genadij Czudakow i wielu innych. Najwięcej uwagi poświęcali wszyscy związkom wczesnej prozy Gogola z demonologią ludową.

Polscy badacze rosyjskiej literatury romantycznej również niejednokrotnie podejmowali problematykę demonologiczną. O pierwiastkach demoniczno-fantastycznych w utworach Mikołaja Gogola pisali Bohdan Galster, Kazimiera Lis, Witold Kowalczyk, o demonicznej fantastyce Antoniego Pogorelskiego – Józef Smaga, o świecie demonów w twórczości Aleksego Tołstoja – Jan Orłowski, o demonologii rosyjskiej ballady romantycznej – Lucjan Suchanek, o *Demonie* Michała Lermontowa – Antoni Semczuk⁴. Wiele ciekawych artykułów poświęconych tej tematyce znajdziemy w zbiorze *Motywy demonologiczne w literaturze i kulturze rosyjskiej XI–XX wieku* wydanym przez lubelski UMCS w 2004 roku. Warto też wspomnieć charakterystykę elementów niesamowitych w prozie rosyjskiej pióra René Śliwowskiego⁵.

Prace wymienionych autorów nie wyczerpują bogatej literatury przedmiotu, niemniej przede wszystkim na ich ustaleniach został oparty niniejszy artykuł. Przedstawiono w nim źródła inspiracji twórczej, charakter obrazów infernalnych, sposób ich wykorzystania i funkcję, jaką pełnią w strukturze utworów rosyjskich romantyków. Rozważania zostały ograniczone do małych form prozy⁶ – w twórczości Mikołaja Gogola, Aleksandra Puszkina, Michała Lermontowa oraz pisarzy dziś mniej znanych, choć w swoim czasie niezwykle w Rosji popularnych, jak Antoni Pogorelski, Aleksander Bestużew-Marlinski, Włodzimierz Odojewski, Michaił Zagoskin, Orest Somow czy Włodzimierz Titow. Dla egzemplifikacji zagadnienia wybrane zostały utwory najbardziej reprezentatywne i najciekawsze pod względem artystycznym.

Źródeł inspiracji dla romantycznej demonologii w literaturze rosyjskiej należy szukać zarówno w rodzimym folklorze, jak i w literaturze Zachodu. Pisarze rosyjscy sięgali do skarbcza wierzeń ludowych rosyjskich i ukraińskich, wykorzystywali ludowe wyobrażenia „siły nieczystej”, infernalne postaci i wątki z podań ludowych. Z Zachodu demonologia przenikała

³ Zob. np.: *Wampir: biografia symboliczna*, Gdańsk 2002; *Zło i fantazmaty*, Kraków 2001; *Wobec zła*, Warszawa 1989; *Zygmunt Krasiński: debiut i dojrzałość*, Warszawa 1962.

⁴ B. Galster, *Mikołaj Gogol*, Warszawa 1967; K. Lis, *Gogolowskie wiedźmy*, w: *Motywy demonologiczne w literaturze i kulturze rosyjskiej XI–XX wieku*, red. W. Kowalczyk, A. Orłowska, Lublin 2004, s. 71–85; W. Kowalczyk, *Motywy demonologiczne w utworach pisarzy rosyjskich z tzw. szkoły ukraińskiej*, w: *Związki między literaturami narodów słowiańskich w XIX i XX wieku*, Lublin 1999, s. 43–71; J. Smaga, *Antoni Pogorelski. Życie i twórczość na tle epoki*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1970; J. Orłowski, *Świat demonów w twórczości Aleksego Tołstoja*, w: *Motywy demonologiczne w literaturze*, s. 119–131; L. Suchanek, *Rosyjska ballada romantyczna*, Wrocław 1974; A. Semczuk, *Michał Lermontow: dramatyczny los poety*, Warszawa 1992; A. Semczuk, *Michał Lermontow*, w: *Historia literatury rosyjskiej*, red. M. Jakóbiec, Warszawa 1976, t. 1, s. 582–585.

⁵ R. Śliwowski, *Wstęp*, w: *Opowieści niesamowite. Groza i niesamowitość w prozie rosyjskiej XIX i początku XX w.*, wyb. R. Śliwowski, Warszawa 1990.

⁶ Terminem „mała proza” określam gatunki prozatorskie niewielkich rozmiarów, takie jak nowela, opowiadanie bądź krótka opowieść.

głównie za pośrednictwem prozy romantyków niemieckich, zwłaszcza Ernesta Theodora Amadeusza Hoffmanna, Jean Paula Richtera, Ludwiga Tiecka. Szczególnie silne było oddziaływanie Hoffmanna, widoczne w twórczości niemalże wszystkich rosyjskich prozaików okresu romantyzmu. Nie bez znaczenia dla zainteresowania tematyką demonologiczną był również wpływ Williama Szekspira, Johanna Goethego, Gottfrieda Augusta Bürgera. Istotną rolę odegrała też znajomość literatury gotyckiej, głównie nurtu „terror gothic”, przede wszystkim *Mnicha* Matthew Gregory’ego Lewisa. Warto tu wspomnieć, że powieść ta ukazała się w Rosji jako utwór Ann Radcliffe. Wydawcy bowiem, ze względu na olbrzymi popyt na dzieła tej powieściopisarki, podpisywali jej nazwiskiem utwory innych autorów, licząc, że zapewni im to sukces wydawniczy.

Do źródeł ludowych sięgali Orest Somow, Aleksander Bestużew-Marlinski i przede wszystkim Mikołaj Gogol. Somow wykorzystywał elementy zaczerpnięte z wierzeń i bajek zarówno rosyjskich, jak i ukraińskich. Jako przykład utworów inspirowanych folklorem rosyjskim można wymienić opowiadania *Odmieniec* i *Kikimora*. Przedstawione w nich siły zła, zgodnie z ludowym poczuciem sprawiedliwości, przegrywają w starciu z człowiekiem. Złe moce (stary chłop-czarownik, przemieniający się nocami w wilka zabijającego owce sąsiadów i Kikimora, duch domowy wyrządzający szkody gospodarzom) ukazane są w sposób nieco humorystyczny, wyczuwa się ironiczny stosunek autora do prezentowanych wydarzeń. Inny charakter mają opowiadania oparte na folklorze ukraińskim, jak na przykład *Rusalka* czy *Wiedźmy kijowskie*. Są one utrzymane w poważnym, tragicznym tonie. Złe moce nie tylko zagrażają tu człowiekowi, ale doprowadzają go do śmierci. W opowiadaniach tych nie znajdziemy zabarwionego humorystycznie podejścia do zjawisk niesamowitych. Tragiczny finał przedstawianych historii skłania czytelnika do poważnych refleksji nad wpływem złych mocy na ludzki los⁷.

Do folkloru sięgnął też Aleksander Bestużew-Marlinski w *Straszej wróżbie*. Pisarz przedstawia tu szereg sytuacji o niesamowitym zabarwieniu, mających związek z wierzeniami ludowymi, dotyczącymi rusałek, wampirów, zaczarowanych miejsc, z których trudno się wydostać, diabelskiego weselnego orszaku porywającego nocą panny, nieboszczyków kontaktujących się z żywymi w swej cielesnej postaci, czy wreszcie z przywoływaniem samego szatana za pomocą zaklęć czynionych na wołowej skórze. Marlinski podchodzi do fantastyki ludowej z pewnym dystansem, sugerując czytelnikowi, że takie niezwykle zjawiska są po prostu wytworem zbiorowej wyobraźni ludu rosyjskiego⁸.

W elementy demonologiczne zaczerpnięte z folkloru ukraińskiego obfituje cykl nowelistyczny *Wieczory na futorze koło Dikańki* (1831–1832), otwierający twórczość Mikołaja Gogola. Całe zastępy diabłów i czarownic w opowiadaniach z tego zbioru przedstawione są zgodnie z ludowymi wyobrażeniami. Diabły mają rogi, pazury, kopyta, ogony, czarne mordy przypominające zwierzęce pyski. Postaci biesów nie przerażają, są nakreślone dowcipnie i raczej śmieszają czytelnika.

Gogolowskie wiedźmy latają na miotłach i pogrzebaczach, paktują z diabłami, z łatwością przybierają postać kota, psa, zamieniają się w rusałki i wilkołaki. Często wcielają się w kobiety – stare baby, przekupki, młode dziewczyny, żony Kozaków, wdowy, macochy. W takiej ludzkiej postaci trudno je odróżnić od zwykłych niewiast.

⁷ Opowiadania te przypominają nastrojem nieco późniejsze opowiadania Gogola oparte na folklorze ukraińskim (*Wija* i *Straszną zemstę*).

⁸ Szczegółowo omawiam ten utwór w książce *Proza Aleksandra Bestużewa-Marlinskiego w okresie zesłania (1829–1837)*, Kielce 2001; zob.: tamże, s. 45–50.

Gogol, wzorem dawnych gawędziarzy i bazarzy, uczłowiecza w swych opowiadaniach postacie rodem z wierzeń i podań ludowych. Biesy i czarownice posiadają wiele cech ludzkich. Odczuwają ból, zimno, strach, pożądanie. Jeden diabeł zaleca się do kochliwej wiedźmy Sołochy, przychylnie przyjmującej jego konkury, inny hula z Kozakami w karczmie, trzeci przepija wszystko, co ma i zmuszony jest zastawić swój czarodziejski kaftan. W większości opowiadań gogolowskiego cyklu antropomorfizacja postaci demonologicznych ma charakter żartobliwy, komiczny. Są one postrzegane przez bohaterów i narratorów prosto i naiwnie, śmieją ich i bawią. Diabły i czarownice nie są w stanie poważnie zagrozić ludziom, mogą jedynie psocić i figlować. Człowiek ma większą moc niż siły nieczyste i z łatwością zdobywa nad nimi przewagę. A i sam diabeł nie zawsze jest zły – jak czart z *Jarmarku w Soroczynkach*, którego wygnano z piekła za to, że chciał uczynić coś dobrego. Gogol pokazuje przedstawicieli świata ciemności dokładnie tak, jak wyobrażał ich sobie lud ukraiński.

Nie wszystkie wszakże opowiadania z *Wieczorów na futorze* mają taki pozbawiony grozy, pogodny, a nawet komiczny charakter. Są wśród nich utwory, w których relacje między światem ludzkim i fantastycznym ukształtowane są w zupełnie innej konwencji. Niekiedy bowiem Gogol dla zobrazowania mocy piekielnych łączy elementy zaczerpnięte z folkloru ze środkami frenezji romantycznej. Taki charakter mają opowiadania *Zaczarowane miejsce*, *Noc świętojańska* i *Straszna zemsta*. Szczególnie ponury nastrój mają dwa ostatnie utwory.

W *Nocy świętojańskiej* pojawiają się siły ciemności zagrażające człowiekowi. Bohater, biedny Kozak Petro, zaprzeda je diablui w zamian za skarb i rękę dziewczyny, a przebiegły bies doprowadza go do zbrodni, obłędu i śmierci. Niezwykle odrażającą postacią jest w tym opowiadaniu wiedźma-wampir, pijąca ludzką krew. To ona, używając swej piekielnej mocy i czarów, pomogła diablui nakłonić Petra do makabrycznego zabójstwa. Siły diabelskie są więc tu silniejsze od ludzi, bohaterowie nie potrafią się im przeciwstawić. Niektórzy badacze, jak na przykład Genadiusz Czudakow, wskazywali na bezpośredni związek *Nocy świętojańskiej* z opowiadaniem *Czar miłości* niemieckiego romantyka, Ludwiga Tiecka. Pomiędzy obydwoma utworami dostrzega on podobieństwo w opisach przyrody i ogólnym klimacie, a nawet zbieżności fabularne⁹.

Równie mroczne jest opowiadanie *Straszna zemsta*. Ważnym źródłem inspiracji była dla autora niemiecka demonologia romantyczna. Pojawiają się tu nowe, niespotykane w innych utworach cyklu ukraińskiego elementy: magiczne praktyki wróżbiarskie, wywołany diabelską mocą sen hipnotyczny, przenoszenie przy pomocy sił demonicznych w inne miejsce obrazów pomieszczeń, powstawanie nieboszczyków z mogił, diabelskie sztuczki czarownika, motyw zemsty śpiącego rycerza, zjawia-mściciel monstualnych rozmiarów, wywoływanie duszy śpiącego człowieka i próba zawładnięcia nią. Na związek *Strasznej zemsty* z poetyką grozy w stylu niemieckiej szkoły romantycznej, zwłaszcza utworami Tiecka i Hoffmanna, wskazywało wcześniej wielu badaczy (m.in. Galster, Botnikowa, Czudakow, Gippius)¹⁰.

⁹ Zob.: Г. И. Чудаков, *Отношение творчества Н. В. Гоголя к западноевропейским литературам*, Киев 1908, s. 84-85.

¹⁰ Zob.: B. Galster, *Mikołaj Gogol*, w: *Historia literatury rosyjskiej*, t. 1, s. 604; A. Б. Ботникова, *Годфман и русская литература (первая половина XIX века): к проблеме русско-немецких литературных связей*, Воронеж 1977, s. 110; Г. И. Чудаков, *Отношение творчества*, s. 85; В. В. Гиппиус, *Гоголь*, Ленинград 1924, s. 32, 34-35.

Natomiast Waleria Małkina w pracy *Poetyka powieści historycznej* niebezpiecznie łączy *Straszną zemstę* z tradycją gotycką¹¹. W utworze tym istotnie znajdziemy szereg elementów charakterystycznych dla gotycyzmu. Przede wszystkim stary, opuszczony zamek, w którym odprawia swe magiczne praktyki czarownik, a także motyw przekleństwa rodowego i motyw zemsty. Zauważmy jednak, iż zemsta w utworze Gogola odbiega od gotyckiego kanonu (tam zemsta sprawiedliwa dosięga złoczyńcę, dobro tryumfuje, zło jest ukarane, a więc zostaje przywrócony naturalny porządek rzeczy). U Gogola zemsta ma isticie diabelski wymiar, ukarany jest bowiem nie tylko zabójca, ale i ofiara. Pierwszy za straszną zbrodnię, której dokonał, drugi za nieumiejętność wybaczenia i okrutną zemstę, którą wymyślił dla swego oprawcy.

Inspiracje gotyckie widoczne są też w kreacji postaci odrażającego czarnoksiężnika. Przypomina on nikczemnych łotrów z powieści grozy. Jest bezwzględny, mściwy, okrutny, pała kazirodczą poządlliwością do własnej córki, wypiera się Boga, nienawidzi ludzi, zdradza własny naród. Na sumieniu ma wiele strasznych morderstw. Ludzie widzą w nim wcielenie diabła, a jego pojawienie się wywołuje grozę i przerażenie. Ten demoniczny starzec w ostatnich godzinach życia próbuje ratować swą duszę, ale złe moce, którym cały czas służył, nie pozwalają mu wyzwolić się spod ich władzy.

Wszystkie zainspirowane gotycyzmem środki, wykorzystane przez Gogola w *Strasnej zemście*, wraz ze wspomnianą demonologią grozy nadają temu opowiadaniu mroczny, infernalny nastrój, zdecydowanie różniący je od pogodnych, beztroskich historii przedstawionych w *Wieczorach na futorze*.

Podobny charakter ma opowiadanie zatytułowane *Wij*, z drugiego cyklu „ukraińskiego” pt. *Mirgorod*. Gogol wykorzystał w nim, jak sam podaje w przypisie, ludowe podanie i wprowadził wiele motywów zaczerpniętych z folkloru ukraińskiego. Świat przedstawiony rozpada się tu na dwie sfery: dzienną – powszednią, zwyczajną oraz nocną – groźną i tajemniczą. To w niej właśnie działają siły zła, wyzwalane są koszmary, straszliwe siły groźne dla człowieka. Nocą więdmy dosiadają ludzi i zajeżdżają ich na śmierć, czarownice-wampiry piją ludzką krew, a nieboszczycy podnoszą się ze swych trumien.

Bohater opowiadania, kijowski bursarz Choma Brut, musi się zmierzyć z ciemnymi mocami, ze światem zjaw, upiorów, czarownic i widm. Centralne miejsce wśród tych postaci zajmuje panna-wiedźma, przemieniająca się po śmierci w budzące grozę widmo staruchy w stadium rozkładu, i naczelnik gnomów Wij – potwór z żelazną twarzą i powiekami sięgającymi do samej ziemi. Spotkania z siłami zła kończą się śmiercią bohatera, który nie potrafił opanować przerażenia w bezpośrednim zetknięciu z nimi.

We wszystkich opowiadaniach „ukraińskich” demonologia, bez względu na jej charakter, pogodny czy złowieszczy, w mentalności Gogolowskich bohaterów i narratorów jest częścią realnego świata. Nie znajdziemy tu prób racjonalnej interpretacji zjawisk nadnaturalnych. W świecie kreowanym przez Gogola cudowność nie dziwi. Ludowa wiara w diabły, więdmy i wszelkiego rodzaju złe duchy może bawić, wywoływać uśmiech bądź niedowierzanie, albo przeciwnie, wzbudzać niepokój, a nawet grozę. Może też skłaniać do głębszych refleksji na temat złożoności natury świata, w którym dobro i zło nieustannie ścierają się ze sobą, a człowiek bywa igraszką wrogich mu sił.

¹¹ Zob.: В. Я. Малкина, *Традиции исторического и «готического» романов в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть»*, w: *Поэтика русской литературы. К 70-летию профессора Юрия Владимировича Манна: Сборник статей*, Москва 2001, s. 80-89.

Motywy demoniczne (lecz nie ludowej już proveniencji) wprowadził Gogol również do słynnych opowiadań z cyklu petersburskiego. Miejsce uosobionych nosicieli zła zajmują w nich demoniczne siły rządzące wielkim miastem i oddziaływające destrukcyjnie na człowieka: demon sławy, pieniądza, rangi. Demonem, który zniszczył naturalne stosunki międzyludzkie, duchowe piękno człowieka i pozwolił zatrumfować trywialności i pospolitości jest dla Gogola współczesna mu cywilizacja.

Gogol nie przedstawiał sił zła w barwnym romantycznym kostiumie. Oto wypowiedź samego pisarza: „Nazywam rzeczy po imieniu. Diabła nazywam diabłem; nie nadaję mu wspaniałego Byronowskiego kostiumu, ponieważ wiem, że jest w marynarce... nie ma już swojej maski; pojawił się na świecie takim, jakim jest”¹².

Wśród opowiadań cyklu petersburskiego znajdziemy wszakże utwór, w którym występuje wyjątkowo bogata warstwa fantastyki demonologicznej. Jest to *Portret*. Moce infernalne zostały tu uosobione w postaci tajemniczego petersburskiego lichwiarza, sprowadzającego zgubę na wszystkich, którzy się z nim zetknęli. Demonizm tej postaci przeszedł na jej podobiznę. W portrecie lichwiarza kryje się fatalna siła, która zmienia ludzi w podporządkowane jej bezwolne narzędzia, a w końcu ich unicestwia. Jedną z ofiar portretu stał się młody malarz Czartkow. Ogarnięty żądzą bogactwa zaprzepaszcza swój talent, popada w obłęd i umiera. Zła moc jest w tym opowiadaniu duchową realnością, ma groźny, mistyczny charakter.

W opowiadaniu Gogola można dostrzec wyraźny wpływ prozy Hoffmanna. Autor *Portretu* zaciera granicę między rzeczywistością a snem, wprowadza motyw ożywienia postaci z portretu i niepokojącą nocną scenerię, w której blask księżyca ma niezwykłą moc wyzwalania ukrytych cech rzeczy i zjawisk.

Oddziaływanie Hoffmanna i twórców niemieckiej szkoły romantycznej widoczne jest w utworach wielu prozaików rosyjskich okresu romantyzmu. Już w pierwszej rosyjskiej noweli fantastycznej – *Handlarce makowcami* (*Lafertowskiej Makownicy*) z 1825 roku Antoniego Pogorelskiego znajdziemy wyraźny ślad fascynacji opowiadaniem Hoffmanna *Złoty garnek*. Pogorelski zaczerpnął z utworu pisarza niemieckiego pomysł postaci. Tytułowa bohaterka, trudniąca się sprzedażą makowych placków i wróceniem z kart przypomina starą handlarke jabłek ze *Złotego garnka*. Jednakże Pogorelski całkowicie wtopił swą bohaterkę w sugestywnie namalowany obraz drobnych mieszczan moskiewskich końca XVIII stulecia. Dzięki temu demonologia *Handlarki makowcami* uzyskała rodzimy charakter.

W postaci moskiewskiej więdźmy uosobiony został świat złych namiętności, chciwości i wyrachowania. Budzi ona lęk, zarówno za życia, jak i po śmierci, gdy ukazuje się nowym mieszkańcom jej domu w różnych okolicznościach, próbując ingerować zza grobu w ich życie. Niemniej jednak w postaci tej pojawiają się rysy humorystyczne – gwałtowne reakcje staruchy niekiedy wywołują efekt komiczny. W utworze tym uwagę czytelnika jednak bardziej przyciąga czarny kot, asystujący handlarce-więdźmie w jej magicznych praktykach. Po śmierci handlarki kot ten umie przybrać ludzką postać. Przemienia się w radcę tytularnego Murłykina i zaczyna zabiegać o względy Maszy, wnuczki zmarłej czarownicy. Małżeństwo nie dochodzi do skutku, bo Masza, dostrzegłszy w radcy oczywiste kocie cechy, ze wstrętem odwraca się od niego. W scenie konkurów Murłykina przejawia się w całej pełni humorystyczno-ironiczny stosunek pisarza wobec świata demonicznej fantastyki. Niepokój, jaki wywołują tajemnicze praktyki „makownicy” i dziwne zdarzenia w jej domu, niwelowany

¹² Cyt. za: G. Przebinda, *Jaskinia Gogola i Dostojewskiego*; <http://www.tygodnik.com.pl/dodatek-ks/06/przebinda.html> [dostęp: 23.03.2012].

jest przez pogodny, pozbawiony grozy nastrój towarzyszący poczynaniom „babcinego kota” i opisom życia moskiewskich mieszczan.

Kot Murłykin, odmieniec pokrewny wilkołakom, będący przedmiotem humorystycznej groteski, zachwyił Puszkina. Postać ta uważana jest za prototyp literacki Bułhakowskiego kota Behemota z diabelskiej świty Wolanda w *Mistrzu i Małgorzacie*.

Warto zwrócić uwagę na jeszcze jedną cechę demonologii Pogorelskiego – pisarz nie wykorzystuje fantastyki dla celów moralizatorsko-dydaktycznych (w takiej funkcji występowały zjawiska irracjonalne w dotychczasowej tradycji literackiej – upiory i zjawy były symbolami wyrzutów sumienia lub narzędziem wymierzania sprawiedliwości), lecz czyni ją przedmiotem humorystycznej groteski¹³.

Zainteresowanie demonologią Hoffmanna wyraźnie widoczne jest w cyklu *Wieczór nad Choprem* Michaila Zagoskina. Autor często próbuje wyjaśniać niesamowite zdarzenia mistyfikacją, snem, złudzeniem, majakami chorej wyobraźni, jednakże prezentuje w swych opowiadaniach różne sady, tak iż czytelnik skłonny jest dopuścić możliwość istnienia w świecie sił i zjawisk nadprzyrodzonych, możliwość działania wrogich człowiekowi mocy demonicznych¹⁴.

Wpływ mrocznej demonologii w stylu niemieckiej szkoły romantycznej zaznacza się również w opowiadaniu *Samotny domek na Wyspie Wasiljewskiej* Włodzimierza Titowa. Warto poświęcić mu nieco więcej uwagi, gdyż ze względu na osobliwe współautorstwo Puszkina utwór ten po dziś dzień fascynuje znawców literatury. Historię, która legła u podstaw fabuły *Samotnego domku*, Titow usłyszał od Puszkina na wieczorze u Karamzinów. Po napisaniu tekstu pokazał go Puszkiniowi i wprowadził wiele sugerowanych przez niego poprawek.

Samotny domek jest pełną grozy i niesamowitości opowieścią o ingerencji diabła w ludzkie sprawy. Zły duch wciela się tu w postać bywalca petersburskich salonów, Bartłomieja. Jego działania niszczą życie bohaterów, Pawła i Wierę, doprowadzając ich ostatecznie do śmierci. W opowiadaniu Titowa można odnaleźć wiele elementów świadczących o fascynacji pisarza fantastyką demoniczną w stylu Hoffmanna. Przede wszystkim sceny pełne tajemniczości i grozy, jak na przykład ta, w której woźnica-kościotrup wiezie Pawła w nieznanym kierunku, czy też niesamowite wydarzenia rozgrywające się w małym domku w noc śmierci matki Wierę (zmarła podnosi się z posłania, wybucha niespodziewany pożar, pojawia się szkaradny, diabelski stwór). Utwory niemieckiego pisarza przypominają też narastająca wraz z rozwojem akcji atmosfera tajemniczości, niepokoju, a wreszcie grozy. Niesamowite wydarzenia wkraczają w zwykłą rzeczywistość, nierozzerwalnie wiążą się ze światem realnym, mają istotny wpływ na losy bohaterów.

Utwór Titowa-Puszkina nie tylko przerażał spragnionych silnych wrażeń czytelników tamtej epoki, ale i skłaniał ich do refleksji na temat ludzkich słabości i wpływu sił zła na człowieka.

Problem oddziaływania sił infernalnych na człowieka podjął Aleksander Puszkina w słynnej *Damie pikowej*. Na temat fantastyki tego utworu badacze wypowiadali się wielokrotnie i ich stanowisko w tej kwestii nie jest jednoznaczne. Wielu z nich podziela pogląd Jurija Manna, że świat przedstawiony *Damy pikowej* balansuje pomiędzy fantastyką a rzeczywi-

¹³ Zob.: J. Smaga, *Antoni Pogorelski*, s. 91-95.

¹⁴ O cyklu tym pisałam w artykule: „*Są rzeczy na niebie i ziemi...*” *O pierwiastku fantastycznym w „Wieczorze nad Choprem” Michaila Zagoskina*, w: „*Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Jana Kochanowskiego*” 2012, t. 20, s. 113-118.

stością i trudno jest ustalić granicę między nimi. Często też warstwa fantastyczna noweli Puszkina sprowadzana jest wyłącznie do chorobliwych urojeń bohatera (np. Rene Śliwowski, Wiktor Żyrmunskij)¹⁵.

Nas interesują pojawiające się w tym utworze elementy demonologiczne, bez względu na to, czy mają one charakter stricte fantastyczny, czy też pseudo fantastyczny. Sądzę, że należy zgodzić się ze zdaniem tych badaczy, którzy dostrzegają w *Damie pikowej* elementy mrocznej fantastyki typu Hoffmannowskiego. Prozę niemieckiego romantyka przypomina bowiem nie tylko wspomniane już przenikanie się warstwy realnej i fantastycznej, umożliwienie głównemu bohaterowi kontaktu ze światem pozazmysłowym, lecz także tajemnicza, niemal mistyczna atmosfera utworu, a przede wszystkim narastający wraz z rozwojem akcji nastrój zagrożenia. Niepokój rodzi się w chwili, gdy Herman zakrada się wieczorem pod dom hrabiny. Puste ulice, padający gęsty śnieg, wycie wiatru, blade światło latarni ulicznych tworzą posępną atmosferę. Tajemnicza nocna sceneria otacza sceny spotkań Hermana z hrabiną i jej duchem. Niesamowita sytuacja ma też miejsce w czasie ceremonii pogrzebowej: gdy Herman zbliżył się do trumny, zmarła otworzyła oczy i mrugnęła do niego.

Powierzona Hermanowi przez ducha hrabiny tajemnica trzech kart zniszczyła jego życie, doprowadzając go do obłąd. Czy była to zemsta z za grobu? A może bohater stał się ofiarą demona gry? Motyw gry w karty związany jest w utworze Puszkina z siłami infernalnymi, które wywierają przemożny wpływ na Hermana. Chcąc zdobyć fortunę bohater za wszelką cenę dąży do poznania i wykorzystania tajemnicy trzech kart. Nie ma on żadnych skrupułów i wyrzutów sumienia, ani wobec Lizy, której uczucia wykorzystał, ani wobec starej hrabiny, którą doprowadził do śmierci. Ta bezwzględność i pewność siebie nadają Hermanowi pewne rysy demoniczne. Demonizm postaci podkreśla porównanie z Napoleonem. Bohaterowi jednak tylko wydaje się, że panuje nad sytuacją. W rzeczywistości on sam okazał się przedmiotem gry, igraszką sił wyższych.

Motyw gry w karty wykorzystał również Lermontow w niedokończonej opowieści *Sztoss*. Ten ostatni prozatorski utwór pisarza wzbudza duże zainteresowanie badaczy i, podobnie jak *Dama pikowa* Puszkina, bywa różnie interpretowany. Jedni uważają go za opowieść o artyście i jego niezrealizowanym marzeniu, inni za fantastyczną opowieść o zjawach z gatunku opowieści niesamowitych¹⁶. Niewątpliwie w *Sztosie* autor wspaniałego poematu *Demon* sięgnął również do romantycznej demonologii.

Bohater utworu Lermontowa, dręczony hipochondrią malarz Ługin, każdej nocy gra w karty z nawiedzającym go duchem starego hazardzisty. Stawką jest efemeryczna zjawia pięknej dziewczyny, której obraz prześladowa Ługina przez cały czas.

W utworze jest wiele elementów tajemniczych, niepokojących, które budują atmosferę zagrożenia. A więc dom bez numeru, niemający swego miejsca w szeregu domów na ulicy. Ów „atrybut niebytu” powoduje, że dom staje się nie tylko tajemniczy, ale i straszny. Należy on do właściciela bez imienia, jak gdyby nieistniejącego – nazwisko Sztoss okazuje się

¹⁵ Por. pr.: Ю. Манн, *Эволюция гоголевской фантастики*, w: *К истории русского романтизма*, Москва 1973; R. Łuźny, *Wstęp*, w: A. Puszkina, *Opowieści*, Wrocław 1973, s. LI; R. Śliwowski, *Wstęp*, w: *Opowieści niesamowite*; В. Жирмунский, *Пушкин и западные литературы*, w: *Пусшкин*, Временник Пушкинской комиссии, вып. 3, Москва 1937, s. 98.

¹⁶ Zob. pr.: Л. Семенов, *Лермонтов и Лев Толстой*, Москва 1914; С. Родзевич, *Лермонтов как романтист*, Киев 1914; Ch. E. Passage, *The Russian Hoffmanists*, The Hauge 1963; В. Э. Вацуро, *Последняя повесть Лермонтова*, http://www.refplanet.ru/sochineniya/poslednyaya_povest_lermontova.html [dostęp: 17.03.2012].

być iluzoryczne, kalamburowe. Mieszkanie, które wynajmuje bohater, jest zniszczone, zaniedbane, jego stary wystrój przypomina wnętrze „domu ze zjawą”, nieodłącznego elementu klasycznej powieści grozy. Niesamowitość tego miejsca zwiększa swoiste fatum ciężące nad mieszkaniem – jego lokatorzy opuszczają je w

szy. Tolstoj napisał cztery nowele fantastyczne, niesamowite, które nasycił licznymi elementami demonologicznymi. Są to *Rodzina wilkołaka*, *Spotkanie po trzystu latach*, *Wampir* i *Amena*. Pisarz wykorzystał fantastykę demoniczną nie tylko do nakreślenia obrazu świata przedstawionego wymienionych utworów. Pierwiastek demonologiczny posłużył mu też do przedstawienia skutków działania złych mocy w świecie ludzi, a także ukazania dylematów, wyborów

Елена Подденежная
Киев

Культурные ориентиры в русской эмигрантской эссеистике III волны

В условиях эмиграции осознание собственного «Я» было связано с категор

редной характер, так как связана с возможностью прямой апелляции автора к читателю от имени собственного «Я», включающей опыт «лично пережитой истории».

Целью данной статьи является анализ сборника эссе *Эмиграция как литературный прием* (2011) Зиновия Зиника – прозаика, эссеиста, либреттиста

значении резко расходились в ценностно-смысловом пространстве русской культуры XX века. При этом русская зарубежная литература художественно обобщала опыт изгнания, жизни в эмиграции, в инокультурном и иноконфессиональном окружении, опыт ностальгии, длящийся несколько поколений. Все это очень разное культурное наследие представляет исследовательскую и культурную значимость именно в целостности. И вопрос о сущности

Лариса Садыкова в монографии *Русское эссе XX века* пишет о том, что «наиболее характерными для эссеистических текстов З. Зиника являются размышления о трагических судьбах русской эмиграции. В этом случае субъектом размышлений становится не традиционное в эссеистике «Я», а обобщенное «Мы»⁶. В книге З. Зиника позиции «Я» и «Мы» выступают как взаимод

в первой главе соседствуют воспоминания о «советской Москве», играх в казаки-разбойники, в белых и красных шпионов.

С приемом остранения как доминантным для статьи З. Зиника неразрывна и вся система его мотивной аргументации. Так, рассуждая о теме разрыва и разлуки, автор связывает ее с уходом на тот свет и с «необитаемым островом».

Понятно, что для эмиграции способом преодоления отчуждения является литературное творчество, которое формирует новое жизненное пространство и реконструирует собственное «

суши многие общие фундаментальные установки, среди которых доминантой была вера в первенство высокой литературы. И художественная авторефлексия собственной судьбы в контексте самоидентификации эмиграции третьей волны как нельзя лучше демонстрировала сближение двух истоков русской литературы XX века.

Elena Poddenezhnaya (Kiev)

The cultural directions in russian emigrant esse by III wave

S u m m a r y

The article analyzes the cultural directions in the Russian émigré essays III waves. The book is an essay Z.

Ludmiła Szewczenko
Kielce

Сакральное и профанное в романе Павла Крусанова *Мертвый язык*

Русская проза первых десятилетий XXI века, отталкиваясь от традиций классической русской литературы, стремится осмыслить духовные поиски современников. Путь к Богу и обретение веры, накопленный в поисках истины духовный опыт и *обретение главного* характеризуют многих героев романов и повестей Людмилы Улицкой, Майи Кучерской, Михаила Шишкина, Вячеслава Пьецуха, Кирилла Кобрин, Романа Сенчина и других прозаиков-традиционалистов и представителей метапрозы. Не являются здесь исключением и герои того пласта художественных произведений, относящихся к так называемой миддл-литературе, который в свое время Наталья Иванова окрестила *ultra-fiktion* – романов и повестей, для которых характерным есть «сплав „высокого“ с „низким“, заумного с интересным, странного и непривычного – с принятым в серьезной словесности вниманием и уважением именно что к литературному слову. Увлекательного – с „элитарным“»¹. В поле зрения их авторов попадают как тяготение человека к сакральному и святому в им осмысляемой как мир абсурда реальности, так и то, как святое и как сакральное проявляют себя в современной действительности и как соотносятся поиски нового «русского лада» с тем, что уже дано в опыте русской истории.

Любопытным примером здесь может служить произведение Павла Крусанова *Мертвый язык* (2009), жанр которого Вадим Левенталь определяет как род «катехизиса», ибо в нем, по его утверждению, «нет ни сюжета, ни интриги, ни психологии героев. Четыре человека ведут друг с другом беседы о любви, о жизни, о родине – вот и все, если отбросить частности, что тут происходит»². Критик считает, что Крусанов этим произведением «включился в гонку на написание манифеста новой русской революции – революции сознания. [...] Вещи, которые здесь проповедуются, – нестяжательство, любовь к родине, способность к широкому жесту, стремление к спасению души,

¹ Н. Иванова, *Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности*, «Знамя» 2006, № 11, <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/11/in1.html> [режим доступа: 6.10.2012].

² В. Левенталь, *Сколько ни говори «революция»*, http://www.chaskor.ru/article/skolko_ni_govori_revolutsiya_9558 [режим доступа: 17.11.2012].

сознание общего долга – безусловно, выдуманы не Крусановым». Причем, по мнению критика, все это – не просто проповедь, а высокохудожественный текст. «Каждая фраза здесь начищена до блеска и формулировки остры, как лезвия. Этот текст хочется выбивать на камне и отливать в бронзе, до того точно и красиво все сказано»³.

Жанровую природу произведения П. Крусанова *Мертвый язык*, действительно, можно условно определить как роман-катехизис. Однако не менее к нему, учитывая обилие в нем диалогов и монологов на отвлеченные темы, подходит и определение роман-симпозиум, а также роман, так или иначе относящийся к жанру фантастики. Не случайно Василий Владимирский в своем отзыве о нем пишет, что несмотря на то, что в *Мертвом языке* фантастический элемент не является сюжетообразующим, его нота в тексте «звучит [...] отчетливо. Совершенно фантастичен „душ Ставрогина“, удивительный объект, который герои обнаруживают в доме-музее Достоевского – то ли дыра в иной, изнаночный мир, пробитая силой страсти, то ли зародыш новой вселенной, построенной на чистой любви и еще не отягощенный злом. [...] Душ Ставрогина – не сюжетообразующий элемент, но овеществленная метафора, центральный символ, отражающий суть романа»⁴. К фантастическим метафорическим образам, на наш взгляд, можно причислить и Ветер перемен, относящийся в произведении к сфере сакрального, и ряд других.

Выше уже отмечалось, что *Мертвый язык* П. Крусанова можно вписать в круг произведений, актуализирующих проблемы духовности, в том числе к произведениям, представляющим тяготение человека к сакральному и святому. Говоря о нем, думается, важно помнить подчеркнутую во время одного из выступлений по проблемам развития современной культуры Сергеем Зенкиным, но высказанную еще Эмилем Дюркгеймом мысль о том, что святое – отнюдь не синоним сакрального, хотя оба понятия тесно связаны с верой. Французский философ и социолог уже в начале XX века в своих трудах показал, что «минимальным фактом религиозности, „элементарной формой религиозной жизни“ является не вера в бога, не обряды и не догматы, а основополагающее деление мира на *сакральное* и *профанное*. Сакральное – не то же самое, что „святое“, как иногда его понимают, а нечто более неоднозначное: это не идеальная сфера духовного общения с высшими существами, но прежде всего заповедная, „крошечная“ область действия нечеловеческих сил, развязывающих на земле насилие. Не божье присутствие вызывает „священный ужас“ – наоборот, боги и духи пугают лишь как воплощение безличной сакральной стихии, непрерывного и нерасчлененного бытия. Контакты с этой стихией осуществляются не только в рамках церковного культа, но и через вне-религиозные практики, на первый взгляд, повседневные привычки, через магические и жертвенные обряды (будь то монета, брошенная нищему, или разорительный праздничный пир), через приметы и гадания, через деятельность инициатических союзов (команды, партии, мафии, даже простой компании), через переживание культурных мифов и произведений искусства, массовой культуры, рекламы, спорта...»⁵. Исследуя коллективное сознание, его формы и способы проявления (религию, мораль, право)

³ Там же [режим доступа: 17.11.2012].

⁴ В. Владимирский, *Отягощенные злом. Павел Крусанов. «Мертвый язык»*, «Частный корреспондент» 8.08.2009, http://www.chaskor.ru/article/skolko_ni_govori_revolutsia_9558 [режим доступа: 7.10.2012].

⁵ М. Гаспаров, С. Зенкин, В. Непомнящий, Б. Парамонов, А. Рейтблат, И. Роднянская, *Конференц-зал, Гуманитарная мысль: светская или религиозная?*, «Знамя» 2000, № 7, с. 191.

и разрабатывая теорию так называемых «социальных фактов», Дюркгейм в свое время пришел к выводу, что именно они, «не сводимые ни к экономическим, ни к психологическим, ни к физическим факторам действительности и обладающие рядом самостоятельных характеристик»⁶, сакрализируясь в подсознании общества, составляют основу всей социальной жизни. «Их главные признаки – объективное, независимое от индивида существование и способность оказывать на индивида давление – „принудительная сила“»⁷.

Современный российский философ и социолог Александр Круглов отмечает, что «сакральной называется всякая сила, а) воспринимаемая как самодеятельная, то есть в принципе необъяснимого происхождения, и соответственно, б) по-своему живая, одушевленная, то есть являющая собою дух и в) соприкасающаяся с нами и тем самым ставящая нас в зависимость, располагающая властью, требующая систематического служения себе – то есть культа»⁸. А. Круглов пишет, что разделение мира на сферу сакрального и профанного характерно уже для религиозного сознания дикаря. «Начало пробуждения разума в религиозном человеке, самостоятельного различения им справедливости знаменуется явлением дуализма, – разделением в сакральной силе ее светлой и темной сторон, сакрального святого и сакрального сатанинского. [...] Святое вырастает из сакрального – это сакральное [...] благое»⁹. В отличие от сакрального сатанинского, сакральное «святое (благая сила)» – сила, исток которой «есть божество. Сила самостоятельная, сама своя причина – то есть живая. Жизнь же есть для нас безусловное благо и очевидное чудо. Святое – чудесный источник жизни, надежда на бессмертие. [...] Сила, которую не судят – заведомо благое выше нашего суда»¹⁰. И далее: сакральное святое («благая сила»), в отличие от сакрального сатанинского, – «сила, одушевляющая все, дух всего: Бог в мире как Промыслитель, управитель, но и одновременно и вне его – как его Творец. Сила бессмертная. [...] Сила благая – то есть по определению моральная, сама воплощающая в себе добро и обязывающая к добру тех, кто к ней причастен»¹¹.

В романе П. Крусанова *Мертвый язык* современный российский мир дан как сфера профанного и одновременно арена борьбы сатанинского и святого. Сакральное сатанинское в нем представлено фантастическим метафорическим образом Ветра перемен. Его имя ассоциируется с распространенным в СМИ и в поэзии в годы реформ Михаила Горбачева аналогичным штампом-понятием, соотносимым с новейшими веяниями перестройки. Одновременно он – суть и живая сила тех кардинальных преобразований, которые происходили в России во времена Петра I, в дни революции 1917 года, на пике сталинского террора и уже в наше время, на витке ее капитализации – тех изменений, которые отвратили страну от казалось бы ей предназначенного Богом пути. Называя себя «забавнейшим из демонов», Ветер перемен заявляет, что он – «один из тех, кто

⁶ Г. П. Давидюк, *Дюркгейм (Durkheim) Эмиль*, в: *Новейший философский словарь*, 3-е изд., испр. изд., Минск 2003, с. 349.

⁷ Там же, с. 349.

⁸ А. Круглов, *Сакральное: святое и сатанинское*, <http://alkruglov.narod.ru.saintsacrsat.html> [режим доступа: 10.07.2012].

⁹ Там же [режим доступа: 7.01.2012].

¹⁰ Там же [режим доступа: 7.01.2012].

¹¹ Там же [режим доступа: 7.01.2012].

из века в век для человека – шоры, узда и хлыст», но при этом он «неизменно облачен в одежды радушия и сладких грез о будущем»¹².

Сатанинское начало Ветра перемен манифестируется в его словах, отсылающих к библейской легенде о соблазнении человека дьяволом. В романе он предстает как сила, пронизывающая все и вся. «Я, – говорит Ветер перемен, – свищу в умах и опьяняю пустыми надеждами. Я отбираю покой, заполняю мир суетой [...]» (с. 60). «Мне, – признается он, – по вкусу, когда человек делает своим естеством смесь снобизма и лакейства, которую приготовил ему я. По вкусу, когда он жаждет не справедливости, а безнаказанности. Тогда человек становится тем, кем надо – отъявленной сволочью. Тогда он готов красть, лгать, соблазнять, носить овечью шкуру, бросать святыни псам, не любить, потворствовать беззаконию, [...] лицемерить, льстить маленькому человеку, пестуя в нем маленькую гадину, вождель, стяжать, клясться и преступать клятвы, глумиться над просящим [...]. Слаще самой сладости для меня перетолковывать истину. Я потакаю деятельным идиотам, пасущимся без пастыря [...]. Им всегда все понятно, им известно, как надо и как было по-настоящему. Шустряки, не живущие, а учащие жить других, – мое жало в мире, отброшенная мною тень» (с. 63).

Четыре отдельных главы романа П. Крусанова *Мертвый язык (Ветер перемен, Ули-лям, Набрис и Тревога)*, перемежаясь с другими, написанными в ином ключе главами, являют собой монологи персонифицированного в фантастическом метафорическом образе Ветра перемен сакрального сатанинского. С нескрываемым самодовольством, цинизмом и злобой Ветер перемен заявляет: «Прежде люди знали, что миром призваны править сильные, потому что сильные ведают путь и приносят живой покой [...]. И слабые, зная, что покой от сильных, не жалили их, понимая, что за этим последует смута, а где смута – там и неурожай. Но я совратил умы. Я нашептал людям в уши мечту, будто все равны. Мужчина и женщина, больной и здоровый, умный и вислоухий, телега и лошадь, пес и его блохи. Все равны [...]. Эту неправду встретили с восторгом, ей аплодировали, на нее молились. Я надул пузырь лжи и соблазнил. За мечтой о земном рае люди забыли страх перед земным адом. А между тем равенство – вещь небывалая, сплошь умозрительная, воплощения не имеющая. Никто не стремится к равенству – все стремятся к превосходству, и нетерпимость в мир приходит не от сильных, а от слабых, раздраженных чужой силой» (с. 61). «Я, – признается Ветер перемен, – потворствую блуду народовластия, диктатуре черни – это мое порождение, и я, ветер перемен, ее закон. Мертвые империи, покрытые пестрой порослью автономной крапивы и суверенного кипрея, – следы моих дуновений» (с. 65).

Признания Ветра перемен вызывают ассоциации с декларациями некоторых развенчиваемых Федором Достоевским в романе *Бесы* героев-идеологов. «Страстный и нетерпимый, Достоевский всю современную ему передовую Россию видел, как темное стадо, не знающее куда оно идет, променявшее Бога и высшие запросы духа на чечевичную похлебку политической свободы и всяческих земных благополучий», – пишет оставшийся анонимным автор интернет-заметки „*Бесы*“ и „*Николай Ставрогин*“¹³. «Все в передовом движении было для него гнусно, мелко и пошло, все надо было

¹² П. Крусанов, *Мертвый язык*, Санкт-Петербург 2009, с. 59. (Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках).

¹³ „*Бесы*“ и „*Николай Ставрогин*“, в: Баян-1914.ru, «Художественно-исторический журнал» 2013, № 1, <http://bayan-1914.ru-yanvar/besy-i-nikolay-stavrogin/1/> [режим доступа: 17.01.2013].

разрушить и истребить до корня». Изображая его представителей, «всех этих мелких и крупных „бесов“, Достоевский словно задыхается от злобы и гнева, не знает удержу в своей ненависти и презрении. [...] Только безумная злоба могла вложить в уста Петра Верховенского иступленно-вдохновенные, совершенно невероятные слова: „Мы пустим пьянство, сплетню, донос, мы пустим неслыханный разврат!.. Мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю. Полное равенство. Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе“»¹⁴. И именно с этими заявлениями героя *Бесов* перекликаются слова крусановского Ветра перемен.

Взгляд Крусанова на Россию сегодняшнюю напоминает видение родины в XIX веке Ф. Достоевским, и отсылки к нему постоянны в романе (о чем будет ниже).

Автор *Мертвого языка* пишет о том, что в течение веков Ветер перемен «пристрастил человека наряжать вещи в лукавые имена [...]» (с. 60). Благодаря ему мир утратил свою естественность, ушел с предначертанной свыше стези и стал неживым. Неживой, бездуховный, абсурдный мир современной России представлен Крусановым как сфера профанного. По определению главного героя произведения Романа Ермакова, или попросту Тарарам, чье уже первое появление в тексте маркировано как необычное, его основа – «очарование грехом, соблазненность пузырями фантомной жизни» (с. 238). Сбежавший от беспредела в России во времена первоначального накопления капитала на рубеже 80–90-х годов, тридцативосьмилетний Роман в годы перестройки успел побывать в Европе, но не прельстился ее соблазнами. Вернувшись на родину, Тарарам наблюдает распад национальной культуры, варварское отношение к материальным ценностям прошлого, гибель старого Петербурга. Он думает о том, что на его глазах исчезает родина, память, жизнь. «Такой же тлен точил Петрополь Вагинова. Отличие одно: нынешнее разложение покрыто, точно камуфляжной сеткой, завесой приторного лоска – потребительского бума, мнимого благополучия, пустопорожней деловой активности, махового веселья» (с. 188). Герой с болью воспринимает отказ соотечественников от того, что привычно, естественно для России и русских, отказ от традиции и подмену всего настоящего мнимым. Причем «ценность» мнимого, профанируя саму шкалу ценностей, всем навязывают СМИ.

Переключаясь с идеями многих произведений В. Пелевина, автор в логике понятий сообщает, что Тарарам чувствует себя «чужим в обывательской вселенной маленьких людей, эврименов, добровольно, за чечевичную похлебку в виде пресловутого „голубого экрана“, отказавшихся от реальности в пользу сфабрикованного массмедиа постоянно действующего миража» (с. 18). Вывод героя прост: «[...] современное общество („бублимир“, как называл его Рома – проедаемый мир-бублик, сверхнасушным достоинством которого является именно дырка, холодное ничто, но дырка приукрашенная, дырка-экран, все время расцвеченная какой-нибудь очередной иллюзией; то, что это именно пустота, небытие, а не концентрация жизни, становится понятно, когда человек в эту дыру прогрызается) – это общество отрицания жизни. [...] Буржуазный мир держится на торжестве корыстного *иметь*. Однако в бублимире, в новом мире заэкранной реальности исчезает даже оно, это сквалыжное *иметь* – здесь все покрывает туман неуловимой мнимости» (с. 18–19). И желая пройти по жизни «путем героя», называя себя «рыцарем бескорыстия» (с. 32), Тарарам ставит целью вернуть миру его естество, обратить людей к истине и к традиции.

¹⁴ Там же [режим доступа: 17.01.2013].

В полном абсурда профанном мире действия Тарарама также носят профанный характер. Автор с юмором пишет о том, как его герой, старожил питерского андеграунда, для которого в новые времена характерной стала «отрицательная реакция на общество потребления иллюзий, жест неучастия в нем, своеобразная форма его социальной критики, проявленная [...] в ином – не общего лица – образе жизни» (с. 79), организывает группу добровольцев из богемы, которые проводят эксцентричную акцию «в защиту Семеновского плаца от грозящей ему уплотнительной застройки» (с. 13–14). С интервалом в десять минут каждый из них, полностью оголясь, шел от Невского в сторону Семеновского плаца. Первым шел Тарарам. Это был «тест, провоцирующий локальный сбой в программе бублимира» (с. 25), и в нем Тарарам выступал как герой-игрок, трикстер, который имел своей целью бросить вызов привычному. В его поведении и в поведении его друзей актуализировалось то, что было традиционно для русской культуры юродства как формы протеста, ведь «[...] нагота – идеальный костюм юрода: заголяясь перед миром, герой обнажает его язвы, пороки. Нагота всегда сопутствует юродству – абсолютному знаку инаковости [...]»¹⁵, и к тому же она – знак естественности, натуральности, т.е., правды. «Система», как это показано в произведении, тут же замкнулась, но древний язык этой выходки для современников был языком уже мертвым, и произошедшее, несмотря на его «объяснение» в «Новостях» на TV, было многими квалифицировано как хулиганство. Как профанация настоящих протестов против сомнамбулического поведения эврименов представлены автором и упражнения Романа с троллейбусными штангами на Невском, а также направленные против бублимира действия его подруги Кати, которая, борясь с шумом, идущим от рекламных устройств вдруг возникшего Музея восковых фигур, сначала отверткой пробивает диффузоры их динамиков, позже – с помощью специальной рогатки бьет стекла музейных окон, а когда не помогает и это – устраивает в музее пожар. Однако «язык» ее действий как старинный («лудитский») язык протестующих разрушителей-пролетариев (хоть она к ним и не относилась) был также не понят и ни к чему не привел.

Погружая читателя в мир монологов и диалогов своих героев, автор пишет о том, как Тарарам вместе со своими приятелями обсуждает проблемы российской действительности, занимается поиском нового «русского лада» и способов противодействовать бублимиру. Одна из им выдвинутых программ – «раз зрелище нельзя убрать из жизни, надо сделать его реальностью» (с. 77). Друзья собирают труппу, в которой каждый из исполнителей во время спектакля должен был бы «входить в образ до конца [...]». Сходить с ума и умирать по-настоящему» (с. 76). «Реальный театр» создается «затем, чтобы забить осиновый кол в коренную грибницу самого этого мнимого существования. Потому что мнимость – главный черт из царства злобы» (с. 90). Однако когда во время представления «Скупого рыцаря» Пушкина в черном зале Музея Ф. М. Достоевского молодой актер действительно умирает по-настоящему, становится ясным, что созданное Тарарамом лишь профанация и подлинного искусства, и жизни с ее главной ценностью – человеком. В спектаклях же тех, кто последовал за Тарарамом, «реальный театр» был вообще превращен в пустой фарс.

П. Крусанов показывает, что думая о способах противодействия Ветру перемен, сотворившему «мир миражей и фальшивых достоинств», Тарарам в конечном итоге

¹⁵ А. Панченко, *Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет*, Санкт-Петербург 2005, с. 28.

приходит к мысли о необходимости попросту им пренебречь и одновременно использовать – строить внутри бублимира свой собственный «русский мир, который не часть другого, общего мира, а мир сам по себе, мир достаточный» (с. 165). Рома и его друзья не замышляют никаких революций и не стремятся взять в свои руки власть, ибо власть, по Тарараму, должна быть ниспослана свыше. Они убеждены, что в мире нынешнем «власть утратила сакральность – тот завет, что неразрывно связывал престол и жизнь. В рамках профанического служебного государства Государь потерял величие и превратился в банального *милостивого государя*» (с. 122), не отвечающего за свои поступки жизнью. На нижних этажах общества у человека всегда была «ответственность одна – отношение соседей/сограждан/современников и (редкий случай) потомков [...]». Теперь это стало потолком ответственности и для вождей» (с. 122), а им всем это – ни к чему. Теперь, когда «замысел о власти рассакрализован», «в платье справедливости и попечения о благе паствы и земли» «наряжается любая власть, какой бы людоедской, лицемерной и корыстной она на деле ни была» (с. 160). И это – позорно.

Представляя проекты создания Тарарамом своего «опричного ордена» (с. 79), у которого – «заговор с целью возврата реальности и обретения смысла» (с. 83), автор показывает, что его герой, сам не ведая о том, опирается на идеи, которые выдвигали, бежав в свои скиты, старообрядцы еще в XVII веке. Тогда, как известно, впервые столкнулись идеи национальной обособленности и европеизации, традиционного/«настоящего» и привнесенного извне. Как справедливо отмечает Золтан Хайнади, «раскольники вышли из истории ради нравственного усовершенствования и спасения. Западное влияние привело старообрядцев к тоске по неподдельной душевной чистоте, примером которой для них служила Киевская Русь. Способ спасения: возврат к древнехристианской простоте [...]»¹⁶. Его же и Тарарам предлагает своим друзьям.

Являясь апологетом национальной культуры и наблюдая поприще ее всем иностранным, Тарарам именно в приносящем на протяжении разных веков новое из стран других Ветре перемен видит ту силу, которая ее умерщвляет. «Какую-то болезненную инфантильность из раза в раз показывает нам оборачивающееся вокруг самого себя время. Мы словно укололись о веретено и зачаровались колдовским проклятием: точно во сне все тычим в свою землю какую-то голландскую рассаду, какой-то заморский маис, а после удивляемся, что нет плодов» (с. 232), – рассуждает он, намекая на водовороты российской истории, связанные с периодами правления Петра I, Никиты Хрущева и других деятелей. По мнению Тарарама, все в России уже «обложены чужим, готовым и неживым» (с. 233). Копируются системы организации и управления, моды и нравы. Причем, в заем взяты не только формы: ведь «многие берут в заем и содержание, наивно засевая его в совершенно не подходящие для этого ландшафты нашего духа и бытия. Не думая даже, что смысл нашей земли иной», и эти попытки все «переснять один в один почти всегда губительны» (с. 234). Выражая свою мысль и мысли своих друзей, Тарарам говорит: «Мы [...] хотим жить иначе. [...] цивилизационно иначе. [...] хотим жить в русском мире, осененом покровом традиции. Но путь традиции пресекается. [...] Мир век от века перерождался, – как нам перерожденцам, чудом сохранившим память об эдемском саде, выродиться обратно?» (с. 191), – спрашивает он риторически.

Главный герой романа обеспокоен тем, что в людях «затухает внутреннее пламя их личности, и они больше не слышат шепот своей души» (с. 233). Выход же ему видится

¹⁶ З. Хайнади, *Культура как память. Главы из истории русской культуры*, Budapest 1998, с. 72.

в том, чтобы идти вслед «за ее голосом, потому что этот интуитивный путь выводит к свету, а рассудочный путь копировщика всегда заводит в тупик» (с. 235). Намечая пунктиром сюжетные линии отношений между героями, прозаик показывает, что Тарарам и его друзья обретают способность слышать в себе «шепот души», когда их настигает любовь и когда они начинают остро чувствовать, что «жизнь чудесна, великолепна, удивительна, безбрежна и вся насквозь пропитана любовью», «только чтобы увидеть, понять и оценить это, надо решиться на дерзкий шаг и начать наконец делать то, что любишь, любить то, что любишь, и стоять здесь насмерть», ведь только «бублимир в лице тех, кто принял его правила, принуждает нас верить, что она устроена иначе» (с. 235). Именно любовь к Насте позволяет Егору заглянуть «в ту перехвачивающую дыхание, зияющую бездну, которая, оказывается, в нем незаметно обнажилась» (с. 215). Такую же причастность к бездне, к Всевышнему, вечному ощущает в себе Тарарам, полюбив Катеньку. Для него любовь – это «тональность, определяющая нота, вокруг которой на разных инструментах играет музыка жизни со всеми ее затейливыми вариациями. Это просто одна из великих сил жизни. Самая великая» (с. 239). Одновременно это – сакральное благое, божественное, то, что являет себя через души людей, пробуждает в них совесть и помогает им противостоять абсурду их окружающего бублимира.

Вместе с тем одним «чистым веществом любви невозможно жить» (с. 239), и у Тарарама, волею автора, возникает «следующий проект» – «общий долг», суть которого – нестяжание, любовь к родине, почитание родных и стремление спасти душу – как закон построения «особого мира», к которому добровольно придут остальные. Причем «в подвиге обретения общего долга» героям должен помочь душ Ставрогина – некая нематериальная светящаяся субстанция, которую Тарарам обнаруживает в черном зале Музея Ф. М. Достоевского и которая является эманацией проникающей в него силы высшей. Именно попав в ее поле, актер умирает в спектакле по-настоящему, Егор начинает петь так, как не пел никогда, а Настя досматривает до конца снівшийся ей не один раз и пугающий ее вечный сон. Рядом с этой субстанцией-маревом всех настигает тревога, все мысли становятся четче, яснее и открывается скрытое.

То, что марево обнаруживается в музее-квартире Достоевского – отнюдь не случайно. Даже для Настеньки Достоевский – такой «человечище», которого «даже телевизором не убить» (с. 67). К тому же именно Достоевский соблазнам идеалов социализма в свое время противопоставил гуманистический и поведенческий идеал «русской идеи», осознанно акцентировав в *Дневнике писателя* ее русский, а не славянский дух. Как отмечают А. А. Грицанов и Л. Цикарелли, «будучи неоднократно интерпретированной в самых разнообразных версиях, „русская идея“ Достоевского сводима к максимам, придавшим индивидуально-личностное измерение формирующимся в те годы философским концепциям „богочеловечества“ и „всеединства“»¹⁷. И именно с этими максимами Достоевского перекликаются постулаты, декларируемые у Крусанова Тарарамом, хотя в его устах они звучат упрощенно.

Марево-субстанция также не случайно именуется в романе П. Крусанова душем Ставрогина в честь одного из самых загадочных героев *Бесов* Ф. М. Достоевского. Ставрогин весь, как справедливо писал о нем Николай Бердяев, – «загадка и тайна,

¹⁷ А. А. Грицанов, L. Ciccarelli, *Достоевский Федор Михайлович, в: Новейший философский словарь*: 3 изд., исправл., Минск 2003, с. 342.

он весь из полярных противоположностей, все вращается вокруг него, как солнца. [...] Все последние и крайние идеи родились в нем: идея русского народа-богоносца, идея человекобога, идея социальной революции и человеческого муравейника. [...] Одного божественного ему казалось слишком мало, во всем ему нужно было перейти за пределы и границы в тьму, в зло, в дьявольское. Он не мог и не хотел сделать выбора между Христом и антихристом, Богочеловеком и человекобогом. Он утверждал и Того и другого разом, он хотел всего, всего добра и всего зла, хотел безмерного, беспредельного, безграничного»¹⁸. Отсюда – и конгломерат того прекрасного и ужасного, что сопутствует приобщению к «душу», названному в произведении его именем.

Свечение душа Ставрогина героями романа наблюдается на определенной высоте над уровнем пола. И это также отнюдь не случайно: здесь мы имеем дело с архетипическим мотивом-топосом, который можно обозначить ветхозаветным термином «высбты»: им маркируются положения и состояния тех, которые отделяются от других людей и приближаются к сокровенному и сакральному. Именуясь в честь героя, одновременно утверждавшего и Христа, и антихриста, душ Ставрогина, его свечение предстают в романе как материализация амбивалентной в своей основе сакральной силы, которая кумулирует одновременно и демоническое (сатанинское), и святое. Поэтому она «поднимает» к себе приблизившихся к ней героев (как в любом «переходном обряде», благодаря партиципации способствующем возникновению определенных метафизических способностей)¹⁹, а затем сбрасывает их снова «вниз», провоцируя эпилептические припадки и нервный срыв. И здесь мы видим то, как возвышенное, горнее гротесково сочетаются в произведении П. Крусанова с бытовым, представляемым с черным юмором, а фантастика чередуется с тем, что рисуется натуралистически и с ориентацией на достоверность.

Крусановский Тарарам убежден: для того, чтобы побороть бублимир, нужно людям открыть истину, а чтобы она дошла до них – нужен «свой язык», и нужно «стать чистым» (с. 241). Как известно, в свое время автору *Бесов* это все удалось: «создание Достоевским [...] новаторского, жизненного, экзистенциального по сути, русского философского языка в стране, эволюция которой вплоть до конца 19 века осуществлялась вне философии как сформировавшейся сферы культуры, безусловно, было уделом гения»²⁰. Однако Тарараму, конечно же, до Достоевского далеко. Автор с иронией показывает, как Тарарам, в своих декларациях пользуясь разговорной, жаргонной и сниженной лексикой, им постулируемое вульгаризирует, упрощает и тем самым профанирует. Большинство из его речей сопровождается потреблением наркотиков и алкоголя. Отсюда – и перебивки его деклараций вопросом Егора: «Рома, [...] где ты берешь такой отличный гашиш?» (с. 241), и сочиненная Егором в рюмочной во время одного из их диалогов об «общем долге» хайка:

«Вот и опять Рома с Егором
Мира судьбу решают.
Тихое „дзынь“...» (с. 197)

¹⁸ Н. Бердяев, *Ставрогин*, «Русская мысль» 1914, кн. V, с. 80, <http://www.magister.vsk.ru/library/philos/berdyayev/berdn022.htm>.

¹⁹ Р. Кайуф, *Миф и человек. Человек и сакральное*, Москва 2003, с. 103, 169-170.

²⁰ А. А. Грицанов, L. Ciccarelli, *Достоевский Федор Михайлович*, с. 342.

Согласно авторской концепции, в мире абсурдном, профанном и «очищение» Тарарама и его единомышленников от наносного, неистинного, увы, также носит профанный характер. Взять хотя бы те сцены, в которых изображено, как они устраивают из старой мебели специальную конструкцию, которая помогает им оказаться под душем Ставрогина: в ход идут непотребные швабра, стремянка, столы и стулья, на которые они поочередно взбираются, чтобы войти в транс и приблизиться к истинному. Такой же профанный характер приобретают попытки героев «принять в себя бездну» и их поездка из Петербурга в глубинку, чтобы «припасть к истокам, зарыться и пощупать корни – пощупали, а корней нет» (с. 294). В глуши, рядом с сожженными деревьями Тарарам убеждается: «Враждебно стало все вокруг. Все разом. Пепел остыл. И любой язык здесь умирает с первым звуком. а стереть мир, как он стирает нас, и переписать его на этой же странице мы не в силах», – говорит он друзьям, как бы предвидя свое поражение в борьбе с бублимиром.

И действительно, еще до отъезда из Петербурга Тарарам, побывав в лучах душа Ставрогина и придя в состояние транса, оглашает друзьям постулаты им мыслимого идеального «русского лада»: «Важнейшее устремление человека, сотканное из любви и света – спасение души и восхождение в жизнь вечную. Значит и государство имеет смысл лишь тогда, когда создает, поддерживает и защищает тот уклад общественной жизни, который наилучшим образом открывает путь этому устремлению. Не подменяя собой Царствие Небесное, государство должно стоять на принципах, отвечающих Божьим заповедям. Цель народа – построение такого государства, а его долг – неприятие государства иного» (с. 258). Записав эту речь Тарарама – «весть о новом законе, нанизанном на стержень общего долга, первый и главный документ нового мира» (с. 269), Егор рассылает файл с ней как спам, а позже «втыкает» в полемику на разных блогах, и сеть начинает «гудеть». Бублимир, государство, почуяв врагов, начинают их открыто преследовать и строить козни.

Автор показывает, что в путешествии друзей все время настигают неприятности, и они решают вернуться назад. Тарарам признается, что он вдруг начал понимать: марево, душ Ставрогина – не есть *грыжа другой стороны* в их реальности, как он думал вначале, а своеобразный «ковчег», присылаемый для спасения в их мир абсурда сакральным Божественным, – «спасительная ампула, в которую надо пересесть» (с. 274). Вернувшись домой, друзья, жаждущие попасть в *горный мир*, отправляются под душ Ставрогина. Автор пишет: «Соорудили из столов стартовый помост и поставили стремянку. Не договариваясь об очередности, полезли наверх: Тарарам, Егор, Настя, Катенька... [...] и мир померк» (с. 306). Однако произошло ли «спасение» их? Гротесково переплетая возвышенное с обыденным и прибегая к игре словом, прозаик с черным юмором сообщает, что по иронии судьбы, на Власа – охранника Музея, устроившегося на эту службу «вопреки действующему учету в психоневрологическом диспансере» (с. 131), в этот день «снизошло священное безумие», и он ощутил предназначение – «жертву принести – двух ярочек и двух козлиц» (с. 307). Сняв с пожарного щита топор и дождавшись условного знака – перепада в сети напряжения, он направился в черный зал, «который про себя издавна называл „гробик“» (с. 308), и эту жертву принес.

Мир абсурдный, профанный, увы, оказался сильнее всех устремлений героев, однако, пройдя через зло, не построив свой собственный русский мир и так и не отыскав на земле идеального «русского лада», они все-таки в двух заключительных, в духе мифологической прозы написанных главах романа, по воле прозаика, обретают покой в мире,

начавшем жить от начала начал. В нем Настя становится рыжей лисой, Катя – белкой, Егор – кузнечиком, а Роман – большой черной птицей, и выходящий из леса Адам смотрит на новое воплощение Егора и придумывает ему имя. Вместо предыдущих мудрствований героев в их диалогах теперь звучат лишь естественно-первобытные: «Чит-чит-чит», – «Тяв-тяв», – «Цить-цить-цить» – «Кия-кья-кия», а в идиллических картинах этого вновь сотворенного мира сквозит мысль-мечта автора о победе сакрального не сатанинского, а благого, однако она остается лишь только мечтой.

Роман П. Крусанова *Мертвый язык* как нельзя лучше вписывается в круг произведений, авторы которых, с одной стороны, приходят к осознанию тщетности надежд на возрождение в России особого «русского лада», а с другой, – утверждают присущее соотечественникам устремление к высшему, горнему, представляют читателям идеалы, мечты и духовные поиски современников. Обращаясь к традициям классики (Ф. Достоевский, К. Вагинов) и к опыту авторов-современников (В. Пелевин), – а цитатный слой романа вообще отсылает к десяткам имен – П. Крусанов в этом произведении делает небезынтересную попытку осмысления в образах того, как сакральное и профанное себя проявляют в реальности, и нам это представляется и художественно убедительным, и актуальным.

Ludmila Shevchenko (Kielce)

Sacred and profane in *The Dead Language*, a novel by Pavel Krusanov

S u m m a r y

The article analyzes in *The Dead Language* novel by Pavel Krusanov. It shows that the sacred in this work does not equal holy, and it is portrayed as an autonomous and powerful force that commands subordination in the absurd-filled reality. The present-day life in Russia is depicted as a domain of the profane, and the heroes search for an ideal new “Russian order” does not lead them to anything in reality.

Key words: sacred, profane, “Russian order”, absurd, reality.